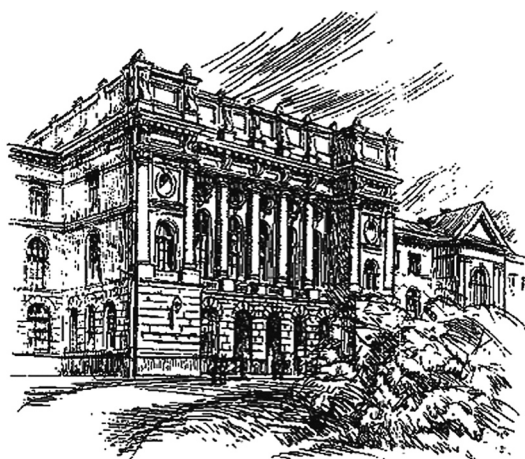

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные и общественные
науки

Том 9, № 3, 2018

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2018

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Председатель – *Казанский Н.Н.*, академик РАН.
Бордовская Н.В., академик РАО;
Бордовский Г.А., академик РАО;
Дудник С.И., д-р филос. наук, профессор СПбГУ;
Поршнева О.С., д-р ист. наук, профессор УрФУ (Екатеринбург);
Тряпичина А.П., чл.-кор. РАО.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – *Кузнецов Д.И.*, д-р филос. наук, профессор.
Зам. главного редактора – *Шипунова О.Д.*, д-р филос. наук, профессор.
Алексеев Т.В., д-р ист. наук, профессор Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского;
Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор;
Ван Ци, профессор Университета Цинхуа, PhD (КНР);
Гогоберидзе А.Г., д-р пед. наук, профессор РГПУ;
Даринская Л.А., д-р пед. наук, доцент СПбГУ;
Дианова В.М., д-р филос. наук, профессор СПбГУ;
Кулик С.В., д-р ист. наук, профессор;
Марков Б.В., д-р филос. наук, профессор СПбГУ;
Михайлов А.А., д-р ист. наук, профессор Военной академии Генерального штаба ВС РФ;
Осокина Е., д-р ист. наук, профессор Университета Южной Каролины (США);
Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор;
Попова Н.В., д-р пед. наук, профессор;
Порохня В.С., д-р ист. наук, профессор МАИ;
Романенко И.Б., д-р филос. наук, профессор РГПУ;
Савчук В.В., д-р филос. наук, профессор СПбГУ;
Стрельченко В.И., д-р филос. наук, профессор РГПУ;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор;
Ульянова С.Б., д-р ист. наук, профессор;
Халяпина Л.П., д-р пед. наук, профессор;
Юсупова Т.И., д-р ист. наук, профессор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (Санкт-Петербургский филиал).

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года журнал выпускался в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354), в 2012 году он был зарегистрирован как самостоятельное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Тематические разделы издания соответствуют отраслям науки согласно Номенклатуре специальностей научных работников (утв. приказом Минобрнауки РФ от 25.02.2009 г. № 59, в ред. приказов Минобрнауки РФ от 11.08.2009 г. № 294, от 16.11.2009 г. № 603, от 10.01.2012 г. № 5, от 20.02.2015 г. № 114), по которым присуждаются ученые степени: 07.00.00 – Исторические

науки и археология, 09.00.00 – Философские науки, 13.00.00 – Педагогические науки.

Подписной индекс **80634** в объединенном каталоге «Пресса России».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

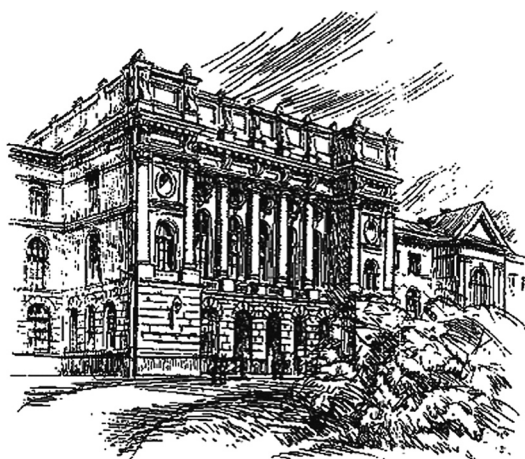
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

Тел. редакции (812) 552-62-16.

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

**ST. PETERSBURG STATE
POLYTECHNICAL UNIVERSITY
JOURNAL**

**Humanities and Social
Sciences**

Vol. 9, no. 3, 2018

Polytechnical University Publishing House
St. Petersburg
2018

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

EDITORIAL COUNCIL

Kazansky N.N., Dr.Sc. (philol.), academician of the Russian Academy of Sciences – chairman of the board;
Bordovskaya N.V., Dr.Sc. (ped.), prof. of the St. Petersburg State University, academician of the Russian Academy of Education;
Bordovsky G.A., academician of the Russian Academy of Education;
Dudnik S.I., Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University;
Porshneva O.S., Dr.Sc. (history), prof. of the Ural Federal University (Ekaterinburg);
Tryapitsyna A.P., Dr.Sc. (ped.), prof., corresponding member of the Russian Academy of Education.

EDITORIAL BOARD

Kuznetsov D.I., Dr.Sc. (philos.), prof. – editor-in-chief;
Shipunova O.D., Dr.Sc. (philos.), prof. – deputy editor-in-chief;
Alekseev T.V., Dr.Sc. (history), prof. of the Mozhaisky Military Space Academy;
Almazova N.I., Dr.Sc. (ped.), prof. of the SPbPU;
Darinskaya L.A., Dr.Sc. (ped.), associate prof. of the St. Petersburg State University;
Dianova V.M., Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University;
Gogoberidze A.G., Dr.Sc. (ped.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia;
Khalyapina L.P., Dr.Sc. (ped.), prof.;
Kulik S.V., Dr.Sc. (history), prof.;
Markov B.V., Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University;
Mikhailov A.A., Dr.Sc. (history), prof. at the Military Academy of the Russian Armed Forces General Staff;
Osokina E., Dr.Sc. (history), prof. of the University of South Carolina (USA);
Pogodin S.N., Dr.Sc. (history), prof.;
Popova N.V., Dr.Sc. (ped.), prof.;
Porokhnya V.S., Dr.Sc. (history), prof. of the Moscow Aviation Institute;
Romanenko I.B., Dr.Sc. (philos.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia;
Savchuk V.V., Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University;
Strelchenko V.I., Dr.Sc. (philos.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia;
Surygin A.I., Dr.Sc. (ped.), prof.;
Ulyanova S.B., Dr.Sc. (history), prof.;
Wang Qi, prof. of the Tsinghua University, Ph.D. (China);
Yusupova T.I., Dr.Sc. (history), prof. of the St. Petersburg Branch of the Institute of History of Science and Technology.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of Ph.D theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

This journal has been published as a part of the St. Petersburg State Polytechnic University Journal serial publication since 2010. It is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR) in 2012. Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

The journal is divided into thematic sections that correspond to the fields of study in which postgraduates gain science degrees. The nomenclature of scientific specialties has been approved by order No. 59 dated 25/02/2009 of the Russian Ministry of Education and Science, and amended by order No. 294 dated 11/08/2009, No. 603 dated 16/11/2009, No. 5 dated 10/01/2012, and No. 114 dated 20/02/2015:

07.00.00 – historical sciences and archeology, 09.00.00 – Philosophical sciences, 13.00.00 – Pedagogical sciences.

Subscription index **80634** in the “Press of Russia” Joint Catalogue.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>).

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia.

Содержание

История

История российского социума

Сидорчук И.В. Борьба за «новую» мораль в Ленинградском политехническом институте в 1920-х годах	7
--	---

Международные отношения

Ахмадеева Я.М. Реализация политики «мягкой силы» КНР в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона	16
Попов Д.Г., Жабенко И.Д. Глобальный город как центр глобальных услуг	28
Шлапеко Е.А., Степанова С.В. Формирование трансграничного социокультурного пространства в российско-финляндском приграничье (Республика Карелия, Россия – Северная Карелия, Финляндия)	39

Философия

Проблемы XXI века

Петров П.А., Серкова В.А. Глобализационные процессы и выбор современных цивилизационных ориентиров развития	49
Поздеева Е.Г., Тростинская И.Р., Евсеева Л.И. Проблемы формирования профессиональной ответственности инженера в условиях современной инновационной деятельности	57

Философские и культурологические исследования

Мурейко Л.В. Симуляция «символического» в концепции массмедиа Ж. Бодрийяра	66
Романенко И.Б., Пую Ю.В. Манипулятивная восприимчивость тинейджеров и виртуальная реальность ..	79

Педагогика

Образование и педагогические науки

Рубцова А.В., Алмазова Н.И., Еремин Ю.В. Методическая модель продуктивного иноязычного образования: реновация академических ресурсов.....	87
Калле М.И., Московкин Л.В., Рыкова Е.Б. Персоналии как единицы обучения русскому языку как иностранному	100
Бусурина Е.В., Куралева И.Р. Ранний этап адаптации иностранных студентов: задачи и их решение..	107

Хроника

Шипунова О.Д., Евсеев В.В. Михаил Алексеевич Василик – основатель гуманитарного факультета в Политехническом университете (<i>К 120-летию Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого</i>)	116
---	-----

Contents

History

History of Russian Society

- Sidorchuk I.V.** Struggle for a “new” morality at the Leningrad Polytechnic Institute in the 1920s 7

International Relationships

- Akhmadeeva Ya.M.** Implementation of the “soft power” policy of China in the Asia-Pacific region 16
Popov D.G., Zhabenko I.D. Global cities as a center of global services 28
Shlapeko E.A., Stepanova S.V. Formation of cross-border socio-cultural space of Karelia (Republic of Karelia, Russia – North Karelia, Finland)..... 39

Philosophy

Problems of the XXI Century

- Petrov P.A., Serkova V.A.** Globalization processes and choice of modern civilizational development orientations 49
Pozdeeva E.G., Trostinskaya I.R., Evseeva L.I. Problems of forming the professional responsibility of the engineer in the conditions of modern innovative activity 57

Philosophical and Cultural Studies

- Mureyko L.V.** Simulation of “symbolic” in Baudrillard’s concept of mass media 66
Romanenko I.B., Puyu Yu.V. Manipulative receptivity of teenagers and virtual reality..... 79

Pedagogy

Education and Pedagogical Sciences

- Rubtsova A.V., Almazova N.I., Eremin Yu.V.** A model of productive foreign language training in higher education: renovation of academic resources 87
Kalle M.I., Moskovkin L.V., Rykova E.B. Personalities as units of teaching Russian as a foreign language 100
Busurina E.V., Kuraleva I.R. Early adaptation stage for foreign students: objectives and approaches... 107

Chronicle

- Shipunova O.D., Evseev V.V.** Mikhail Vasilik: founder of the Humanities faculty at the Polytechnic University..... 116

DOI: 10.18721/JHSS.9301
УДК 94(47+57)“192”

БОРЬБА ЗА «НОВУЮ» МОРАЛЬ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ В 1920-х ГОДАХ*

И.В. Сидорчук

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цель настоящей статьи — взглянуть на проблемы борьбы за «новую» мораль в советском обществе 1920-х гг. сквозь призму жизни студентов и преподавателей Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина. Поставленные задачи решались с применением индивидуализирующего метода интерпретации исторических источников, что позволило сконцентрироваться на индивидуальном и субъективном, и метода case studies, чтобы провести выборочное исследование проблемы на отдельно взятых примерах и воспроизвести атмосферу события. По результатам исследования автор статьи пришел к выводу, что в первое послереволюционное десятилетие вузы являлись ареной конфликтов, связанных с трудностями утверждения «новой» морали, сломом традиционных укладов. При всем внимании власти к этим проблемам вместо поисков объективных причин и адекватных решений на практике их предпочитали решать путем организации кампаний или показательными наказаниями. Различные эксцессы стремились представить как попытку вылазки классового врага, хулиганство, упадочничество или мещанство. Это лишь усиливало напряженную атмосферу в стенах вузов. Результаты исследования могут быть интегрированы в ряд курсов по отечественной истории, истории и социологии образования, использованы в развитии образовательной политики государства для решения проблем, связанных с культурно-историческими причинами развития и оценками девиантного поведения.

Ключевые слова: Ленинградский политехнический институт; культура 1920-х гг.; девиации; девиантный досуг; культурная политика 1920-х гг.; мещанство; хулиганство

Ссылка при цитировании: Сидорчук И.В. Борьба за «новую» мораль в Ленинградском политехническом институте в 1920-х годах // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 7–15. DOI: 10.18721/JHSS.9301

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-31-00017-ОГН «Девиантный досуг городского населения Советской России в 1920-е гг.: модели, практики, институционализация»).

STRUGGLE FOR A “NEW” MORALITY AT THE LENINGRAD POLYTECHNIC INSTITUTE IN THE 1920s

I.V. Sidorchuk

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The goal of this study is to examine the struggle for a new morality in the Soviet society of the 1920s from the perspective of the life of students and professors at the Kalinin Polytechnic Institute. The tasks were solved using an individualizing method of interpretation of historical sources, allowing to concentrate on the individual and subjective, and the method of case studies, allowing to conduct a sample study of the problem on individual examples and reproduce the living atmosphere of the event. As a result of the conducted research, we came to the conclusion that in the first decade after the revolution, the universities were the scene of conflicts stemming from the difficulties in accepting the new morality and from breakdown of traditional structures. Despite all the attention of the authorities to these problems, in practice they were most commonly solved by organizing campaigns or demonstrative punishments. Various incidents were typically presented as attempts of attacks of the class enemy, denounced as “hooliganism”, “decadence” or “philistinism”. Such suppression instead of searching for objective reasons and adequate solutions only increased the tense atmosphere within the walls of institutes. The results of the study can be integrated into a number of courses on national history, history of education, sociology of education, used in the development of educational policy of the state to solve problems related to cultural and historical reasons for the development and evaluation of deviant behavior.

Keywords: Leningrad Polytechnic Institute; 1920s culture; deviations; deviant leisure; 1920s cultural policy; philistinism; hooliganism

Citation: I.V. Sidorchuk, Struggle for a “new” morality at the Leningrad Polytechnic Institute in the 1920s, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (3) (2018) 7–15. DOI: 10.18721/JHSS.9301

Введение

Границы девиантного поведения исторически и социально изменчивы: то, что в одном обществе в определенный период рассматривается как норма, в другой — как девиация. Применительно к ситуации 1920-х гг. свою роль в росте девиаций играли отход от устоявшихся норм морали, их переосмысление, активно поддерживаемое властью, стремившейся создать новых граждан для новой страны. Изменение политических и культурных реалий меняло понятие нормы и отклонения, корректировало повседневность. «Новая», большевистская мораль подчас слишком сильно дисгармонировала с традиционными ценностями, которые формировались веками. Патриархальность, гендерное неравенство, жесткая возрастная и

классовая иерархия, приемлемые и осуждаемые формы досуга и способы самореализации — всё это требовало переосмысления, причем власть подчас не давала четкого ответа на вопрос о желательном итоге этих изменений. Особое внимание в рамках культурной политики уделялось молодежи, являвшейся главным объектом невиданного в истории страны социального эксперимента. Речь шла не только о молодых пролетариях, но и о студентах — будущей советской интеллигенции, которая должна была порвать с наследием прошлого.

Постановка проблемы и цели исследования

В 1920-е гг. происходила ожесточенная борьба за пролетаризацию молодой советской высшей школы. Не только большинство

профессоров, но и значительная часть студенчества не приняли революцию. Начало десятилетия ознаменовалось борьбой «красного» студенчества с «белоподкладочниками», участием студентов в борьбе с большевизмом («студенческим Кронштадтом» 1920–1921 гг.), репрессиями и введением при деканах политических комиссаров, обычно из студентов-коммунистов [1, с. 199–200; 2; 3, с. 15]. Приток в вузы пролетариата, ограничения на поступление для «бывших», подготовка новых, идеологически преданных преподавательских кадров и другие радикальные меры приблизили власти к достижению цели, но на смену одним препятствиям приходили другие. Рост хулиганства и аморального поведения, низкий уровень жизни и более чем стесненные жилищные условия, конфликты с профессорами и подчас полная политическая несознательность, увлечение буржуазной культурой и так называемое «обмещанивание» – вот далеко не полный список проблем, которые требовали оперативного решения.

Ленинградский политехнический институт (ЛПИ), с 1924 г. носивший имя М.И. Калинина, являлся одним из ведущих научно-образовательных центров страны. Развитые техника и промышленность воспринимались большевистскими лидерами как необходимое условие построения коммунизма, залог освобождения эксплуатируемых капиталом рабочих, защиты от внешних агрессоров и реализации задач культурной революции – борьбы с религией, отсталостью, патриархатом [4, 5]. В связи с этим события в жизни института, а особенно происходившие в нем эксцессы, обсуждались далеко за пределами Лесного. При всей уникальности Политехнического института представляется вполне уместным взглянуть на проблемы борьбы за «новую» мораль в советском обществе 1920-х гг. сквозь призму жизни его студентов и преподавателей.

Жизнь высшей школы, студенчества и профессуры, не раз привлекала внимание исследователей эпохи нэпа. Стоит выделить работы А.Ю. Рожкова [1] и А.Е. Goruch [6], представляющие собой попытку комплексного рассмотрения жизненного мира учащейся молодежи в советских условиях. Изменения повседневной культуры, адаптации человека к новым условиям, стратегиям выживания посвящены

работы Н.Б. Лебиной [7] и В.С. Измозика [8]. Ряд ученых обратились к исследованию отдельных сторон повседневности и быта молодежи в рассматриваемый период [9–13]. Из работ, посвященных непосредственно Политехническому институту, необходимо отметить труды В.А. Смелова [14] и С.Б. Ульяновой [15, 16].

Методология

Поставленные задачи в нашем исследовании решались на основе использования общенаучных методов (логического и исторического). Также применялся индивидуализирующий метод интерпретации исторических источников, позволивший сконцентрироваться на индивидуальном и субъективном. Кроме того, были использованы методы исторической антропологии, в том числе истории повседневности, в центре внимания которой находятся повседневные дискурсы и практики, и метод case studies, позволяющий провести выборочное исследование проблемы на отдельно взятых примерах и воспроизвести атмосферу события.

Результаты исследования

В рассматриваемый период в Политехническом институте произошел ряд инцидентов, которые получили широкую огласку, так как воспринимались как отражение различных нездоровых настроений и опасных тенденций. Первый из них случился 4 июня 1926 г.: студентка 4-го курса приема 1921 г. кораблестроительного факультета Е. Афанасьева плеснула водой из кружки в лицо декану факультета В.Л. Поздюнину. Причиной стало решение декана о ее переводе во вторую очередь для прохождения плавательной практики. Студентка трактовала это как проявление дискриминации по половому признаку, итог «систематического затирания» ее как женщины. На обращение к декану («И где же тогда равноправие?!») она получила лишь заявление об отсутствии личной неприязни. На следующий день после инцидента состоялось экстренное общее собрание студентов факультета, на котором присутствовало 180 человек. Доклад о случившемся делал член деканата Горбунов. В ходе дискуссий звучали мнения о том, что это сознательное хулиганство, что «подобные факты не могут иметь места в среде пролетарского студенчества» и поступок «объясняется чисто личными мещанскими

мировоззрениями студентки Афанасьевой»¹. На заседании правления института 14 июня Афанасьеву было решено исключить². Студентка решила обратиться с заявлением в исполбюро профсекций ЛПИ, а затем и к уполномоченному Наркомпроса в Ленинграде Б.П. Позерну. В результате дело все-таки решилось в ее пользу: было признано, что дискриминация могла иметь место. Афанасьеву восстановили в качестве экстерна. Данный случай демонстрировал, что, с одной стороны, власть декларировала право женщины на равноправие (в данном случае на то, чтобы стать инженером), но, с другой, делала недостаточно для борьбы с патриархальной моралью и профилактики гендерных конфликтов в стенах вузов.

Одну из причин столь оперативного и жесткого наказания студентка видела в изменении политики в отношении профессуры. Если в начале 1920-х гг. власть не стеснялась использовать «красных» студентов для давления на строптивых ученых, в массе своей критически относившихся к новой власти, то во второй половине десятилетия речь всё чаще шла о гарантировании для профессоров возможности спокойно работать и восстановлении непререкаемости их авторитета. Е. Афанасьева в своем заявлении, в частности, указывала, что «...сейчас курс студенчества по отношению к профессуре направлен в сторону прислушивания к ним в противоположность к прежнему курсу. Но перегибать палку в ту или другую сторону всегда опасно. В данном случае не грозит ли опасность, что при перегибе палки прислушивание может перейти в прислуживание?»³.

Повод вспомнить эти слова мог появиться уже осенью того же года: 18 октября студент 3-го курса экономического отделения Б. Гриневич подрался с проректором — профессором

В.Е. Мотылёвым [См. подробнее: 15]. Описание события разнятся: так, сам профессор показал, что студент назвал его «нахалом и подлецом»⁴. Гриневич это отрицал. Основанием для конфликта стал отказ студенту в стипендии Наркомфина из-за низкой успеваемости. Стоит отметить, что при распределении стипендий учитывалась не только успеваемость, но и социальное происхождение, общественная работа и пр. Особенностью конфликта было то, что профессору на тот момент было всего 28 лет, он был выдвиженцем-коммунистом, т. е., с одной стороны, был примерно ровесником Б. Гриневича, а с другой — не входил в корпорацию «старых» профессоров и не мог претендовать на их поддержку. Показательно, что «красное» студенчество вступилось за профессора, тогда как «белоподкладочники» считали несправедливым исключение студента. В итоге обоим участникам конфликта пришлось покинуть институт: поступок Б. Гриневича был однозначно охарактеризован как «хулиганская выходка», он сам — как «хулиганствующий элемент», а профессор подвергся критике за то, что позволил себе стать жертвой «провокации». Таким образом, локальный конфликт являлся прекрасным отражением напряженной ситуации в вузах, где вплоть до 1930-х гг. велась ожесточенная «борьба дореволюционной традиции и советской новации» [Там же. С. 159].

Для усиления борьбы за воспитание подлинно советского студенчества во второй половине 1920-х гг. были вполне объективные причины: увеличилось число хулиганских выходок, случаев пьянства, самоубийств. На эту тенденцию обратил внимание даже нарком просвещения А.В. Луначарский. В своем докладе в Коммунистической академии 13 февраля 1927 г. он признался: «Если хулиганство нечувствительно переходит в уголовщину, то пессимизм нечувствительно приводит к самоубийству. И одно время сильно участвовавшие случаи самоубийства среди вузовцев показали, что действительно такая болезнь существует» [17, с. 15]. Символом упадочничества был объявлен С. Есенин. Поэт-самоубийца (в настоящее время версия о самоубийстве оспаривается), к ужасу власти,

¹ Протокол экстренного общего собрания студентов кораблестроительного факультета ЛПИ им. М.И. Калинина от 5 июня 1926 г. // Центральный государственный архив СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 588. Л. 58.

² Выписка из протокола № 43 заседания правления института от 14 июня 1926 г. (копия) // Там же. Л. 51–51 об.

³ Заявление от студентки ЛПИ Е.Ф. Афанасьевой уполномоченному Наркомпроса Б.П. Позерну // Там же. Л. 46.

⁴ Письмо В.Е. Мотылёва уполномоченному Наркомпроса по вузам Ленинграда от 19.10.1926 г. (копия) // Там же. Л. 61.

пользовался огромной популярностью среди молодежи, стал идейным вдохновителем деградации студенчества.

Сигналом к началу дискуссий о С. Есенине и есенинщине послужила статья Н.И. Бухарина «Злые заметки» 1927 г., явившаяся «залпом» по творчеству поэта: «И все-таки в целом есенинщина — это отвратительная, напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами и оттого еще более гнусная. Причудливая смесь из „кобелей“, икон, „сисястых баб“, жарких свечей, березок, луны, сук, господ бога, некрофилий, обильных пьяных слез и „тропической“ пьяной икоты, религии и хулиганства, „любви“ к человеку, в особенности к женщине, бессильных потуг на „широкий размах“ (в очень узких четырех стенах ординарного кабака), распущенности, поднятой до „принципиальной“ высоты, и т. д. — всё это под колпаком юродствующего quasi-народного национализма — вот что такое есенинщина» [18, с. 8]. В творчестве Есенина увидели то упадочничество, которое выражалось в «острой волне хулиганства, доходящего чуть ли не до массовой уголовщины, в унынии, пессимизме, безверии» [17, с. 13]. Многими самоубийство поэта было воспринято как протест против советской власти. Действительно, в 1920–1930-е гг. это был один из способов демонстрации несогласия, который по-настоящему пугал правящую верхушку [19, с. 206–210]. Вряд ли это имело отношение к поэту, но представители власти поспешили заявить, что «антисоветские, контрреволюционные элементы поняли смерть Есенина как протест против советского строя, который будто бы никого не устроил» [17, с. 37]. А критик, главный редактор журнала «Новый мир» В. Полонский заявил: «Упадочничество есть маска контрреволюции, и всякие упадочнические настроения... есть вода на мельницу контрреволюции» [Там же. С. 124].

Стремление контролировать жизнь молодежи приводило и к явным перегибам. Претензии к студентам могли предъявляться по всем возможным поводам — столь ревностно государство следило за их душевным здоровьем и классовой сознательностью. Хулиганами могли назвать тех, кто не сдал книги в библиотеку [10], мещанами — любителей носить галстуки или пользоваться косметикой, а предпочтение танцевать самый модный танец фокстрот и ходить

в кино участию в общественной и комсомольской работе трактовалось как опасная мелкобуржуазность [20].

На местах парторганизации и коллективы должны были как-то включаться в подобные кампании. Желательно — достаточно шумно. Ленинградский политехнический институт не стал исключением. Сначала там был обнаружен «клуб сумасшедших». Шесть студентов-электрохимиков 3-го и 5-го курсов, трудившиеся в лаборатории технической электрохимии, на досуге, помимо игры в шахматы и различных интеллектуальных игр, любили заниматься тем, что обычно называют мальчишеством и дурачеством. Например, они вели разговор на различных условных языках, создали «клуб сумасшедших», члены которого должны были совершать нелепые поступки: курить несколько папирос сразу, говорить об обыденных вещах сугубо научным стилем, здороваться «по-китайски» и т. п. На деятельность «клуба» никто не обращал внимания до тех пор, пока ребята не задумали провести конкурс красоты. Это уже не забава, а явный признак разложения. Оценивать женщину как товар или скотину — удел разлагающегося Запада. В итоге студенты признали, что заслуживают товарищеского осуждения, отметив, что с их стороны «наблюдалась известная оторванность от общественной жизни института, в результате чего явились наши мальчишества и дурачества, за что мы несем полную моральную ответственность» [21, с. 40].

Другой случай связан с письмом студента-старшекурсника А. Юрова. Начавшуюся затем внутриинститутскую кампанию по борьбе с упадочничеством и мещанством позднее назвали «юровщиной». Как справедливо отмечает А.Ю. Рожков, «такими хлесткими маркерами большевистские идеологи пытались приписать действиям отдельных лиц <...> совершивших какие-то девиантные с точки зрения коммунистической системы поступки, статус социальных явлений, возведенных в ранг типичных» [1, с. 243].

Вполне возможно, что студента Юрова не существовало (нам не удалось найти его в списках учащихся) и что письмо, якобы написанное им и принесенное его товарищами (хороши товарищи!) в редакцию институтской газеты, всего лишь искусно созданный апокриф.

Согласно легенде, Юров — человек искренний, увлекающийся, храбрый, участник Гражданской войны. Он «быстро загорался и работал энергично, забывая обо всем, но в минуты усталости и неудач у него быстро опускались руки»⁵. Точно так же и в институте не всё шло так гладко. Во время его работы в факультетских организациях периоды активности сменялись периодами апатии и пессимизма. Времена героики закончились, наступили трудовые будни, «требующие воли и большой выдержки», которых у романтика Юрова не было. При публикации письма редакция газеты предупредила: «Юровы нам не опасны. Письмо не сигнализирует об опасности. Но „юровщина“, в какой бы форме она ни проявлялась, может вредить выковыванию нашего пролетарского самосознания. Этому вреду мы должны дать и дадим самый решительный отпор»⁶.

В начале письма Юров жаловался другу на бессонницу, на то, что «усталое тело требует отдыха, а возбужденный долгой работой мозг не успокаивается...»⁷ Вспомнив Гражданскую войну, он отмечал, что с тех пор многое поменялось: «В восемнадцатом году не про нас ли Комиссар сказал: „У этих ребят не нервы, а тросы стальные“? Тросы превратились в мочалу, разъедена сталь плесенью». Врачи советовали Юрову отдыхать, но когда, если «надо заниматься часами по 12–14 в сутки», а очереди на экзамены «громчайшие, как в 19 году за хлебом»? Раньше его спасала общественная работа: «пять лет была она моим отдыхом, источником моих сил». Теперь же никакой работы в институте не было: «Имеется переливание из пустого в порожнее, бесчисленные, с многочасовой говорильней, никому не нужные собрания, механическое отбывание различных повинностей, регистрации, перерегистрации...» И жить ему приходилось на 25 рублей в месяц без возможности подработать. Тоска и пессимизм, разочарование в жизни наложили отпечаток на отношение Юрова к досугу: «Развлечения тоже требуют денег и времени. В Институте развлечения не найдешь: устраиваются вечера с танцами (эти „удовольствия“

ведь не для нас). В театр — дорого, льготный билет достать трудно (билетов мало, а нас много). И вот когда бывают деньжата, то соберешься где-либо с приятелями в комнатухе или пойдешь в какой-нибудь „Бар“ и напьешься с горя. Противно потом...

Без женщин, Митюха, тоже не проживешь. Тянет, грешным делом. Но как вспомнишь свои дела, самого себя презираешь. На словах мы все хороши: „Женщина — друг, товарищ“. А на деле...

Наши студентки в большинстве еще „кисейновидные“ существа, за которыми надо поухаживать, в театр сводить... От разговора с ними стошнить может. За „стоящими“ увиваются сотнями. Следовательно, на это дело опять нужно время, а его жалко... И если уж дорвешься до какой-либо, то тут не до „товарищества“, а как бы поскорей подмять и удовлетворить свою похоть. Случалось, по пьяной лавочке, и „живым товаром“ пользоваться... Противно, мерзко...» Оглядывая свою жизнь за последние несколько лет, Юров признавался, что ему становится жутко. Ему хочется освободиться от этого: «Сгореть в огне революционной работы, погибнуть в пылу созидательно-творческой работы, положить голову на „поле брани“ — согласен, но медленно погибать от „плесени“ — не согласен, не желаю, лучше смерть.

И тянется, в такие моменты, рука к револьверу...»⁸

М. Рафаил, с 1926 г. редактор «Ленинградской правды», подробно проанализировавший оба вышеописанных случая есенинщины, полагал, что партии и общественности, несмотря на, казалось бы, незначительность событий, не стоит терять бдительность: «Исполбюро признает, что студенты были оторваны от широкой общественности, но не может быть речи об идейном и моральном разложении. Согласимся на минуту с комиссией исполбюро. Но как тогда объяснить такие странные развлечения, что понимать под упадничеством? Если кто-нибудь напишет письмо, что посещает „Бар“, зубрит уроки, не отдыхает, оторван от общественности, — то это упадничество, а если не один, а группа студентов признает в печати факты, изложенные в заявлении шести сту-

⁵ Недовольные жизнью. Упадочников — в штывки! // Товарищ. 1928. 14 февраля. № 9 (67).

⁶ Там же.

⁷ Письмо студента Юрова // Товарищ. 1928. 14 февраля. № 9 (67).

⁸ Там же.

дентов, — то здесь нет элемента упадничества? „Клуб сумасшедших” ликвидирован благодаря вмешательству общественных организаций, но заразительная затея могла привлечь других студентов. Оригинальный способ отдыха, на который нужно тратить в несколько раз больше сил, чем на занятия!» [21, с. 40–41].

Подобную резкую позицию разделяли далеко не все. Часть партийных функционеров была склонна искать объективные причины распространения аморального поведения. В первую очередь речь шла о тяжелом материальном положении студенчества. К. Радек считал, что оно лежит в основе упадничества [См.: 17, с. 115]. Писатель Л. Леонов задавался вопросом: зачем так много вузов в стране (только на Украине столько же, сколько во всей Германии)? И это при том, что они концентрируются в больших городах: «Целесообразно ли держать колоссальное количество людей в Москве и Ленинграде в плохих жилищных условиях, которых можно без ущерба держать в других городах?» [Там же. С. 109]. Известный публицист Л.С. Сосновский полагал, что «...мы замордовали политграмотой нашу молодежь. <...> И от этого замордования вдруг раскрыть книжку Есенина, где говорится о человеческих чувствах, о любви, о горе, где плачут и смеются, где какие-то человеческие звуки есть! Товарищи, ведь это же всё равно что из погребка с прокисшей капустой выйти на весенний воздух. И поэтому успех Есенина среди нашей молодежи понятен» [Там же. С. 69]. Как бы то ни было, на местах руководство предпочитало решать проблемы путем организации очередной кампанейщины, непродуманность и непоследовательность которой могла доходить до навязывания студентам инверсных суждений, перевода обсуждения реальных причин

«девиаций» в область агрессивных дискуссий о мелкобуржуазных пережитках и т. п.

Заключение

Рассмотренные выше случаи, произошедшие в стенах ЛПИ, представляли реальную опасность для культурного строительства только в глазах писавших о них современников. Стремление талантливых людей быть не такими, как все, объективное недовольство условиями быта, нищетой, бюрократией и снобизмом профессоров было очень удобно представить как попытку вылазки классового врага, хулиганство, упадничество или мещанство. Показательно следующее: несмотря на уверения редакции институтской газеты, что у нее «есть специальная полка „юровщины”» и «она пухнет от материала», а также что лозунг «Упадничество — в штыки!» был поддержан и развернул горячие прения на собраниях, кампания почти моментально затухла. Она показала, что власть на местах связывала мещанство и упадничество с традиционными девиантными формами досуга — пьянством, проституцией и пр., т. е. предпочитала обвинять студентов, а не улучшать их уровень жизни. Случай с Е. Афанасьевой, в свою очередь, продемонстрировал не только отсутствие равноправия между студентами — юношами и девушками, но и нежелание институтского правления серьезно заниматься решением этой проблемы. Одновременно он показал последствия начала восстановления авторитета профессуры, чья позиция в случае конфликтов априори считалась заслуживающей большего доверия. Драка «белоподкладочника» с «красным» профессором, при всем ее отличии от случая Афанасьевой, подтвердила эту тенденцию, направленную на жесткое регулирование поведения студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. 2-е изд. М.: Новое лит. обозр., 2016. 640 с.
2. Стребкова Н.В. Коммунистическое студенчество как главная опора власти в пролетаризации вузов в 1920–1930-е гг. // Вопросы науки. 2014. № 2. С. 55–61.
3. Тарасенко В.Н. Высшая школа и студенчество в эпоху нэпа // Бизнес и дизайн ревю. 2017. Т. 1, № 4 (8).
4. Сидорчук И.В. Технократическая утопия и буколическая реальность: большевики, техника и

общество 1920-х гг. // Истор., филос., полит. и юр. науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 8 (82). С. 179–183.

5. Ульянова С.Б. Социализм как индустриальная мечта (Массовые представления о социализме в советском обществе в 1920-е гг.) // Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте: колл. моногр. / под ред. Д.И. Кузнецова, В.В. Сергеева, Н.И. Алмазовой, Н.В. Никифоровой. СПб.: Астерион, 2017. С. 7–11.

6. **Goruch A.E.** Youth in Revolutionary Russia. Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2000. 274 p.
7. **Лебина Н.Б.** Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое лит. обозр., 2015. 488 с.
8. **Измозик В.С., Лебина Н.Б.** Петербург советский. «Новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е годы. СПб.: Крига, 2016. 248 с.
9. **Gorsuch A.E.** “A Woman is Not a Man”: The Culture of Gender and Generation in Soviet Russia, 1921–1928 // *Slavic Rev.* 1996. Vol. 55, no. 3. Pp. 636–660.
10. **Конесны Р.** Library Hooligans and Others: Law, Order, and Student Culture in Leningrad, 1924–1938 // *J. of Social History.* 1996. Vol. 30, no. 1. Pp. 97–128.
11. **Gooderham P.** The Komsomol and Worker Youth: The Inculcation of “Communist Values” in Leningrad during NEP // *Soviet Studies.* 1982. Vol. 34, no. 4 (October). Pp. 506–528.
12. **Harshman D.R.** Cooking up a New Everyday: Communal Kitchens in the Revolutionary Era, 1890–1935 // *Revolutionary Russia.* 2016. Vol. 29, no. 2. Pp. 211–233. DOI: 10.1080/09546545.2016.1243616.
13. **Hudson D.** “A woman so curiously fear-free and venturesome”: Eleanor Franklin Egan reporting the Great Russian Famine, 1922 // *Women’s History Rev.* 2017. Vol. 26, no. 2. Pp. 195–212. DOI: 10.1080/09612025.2016.1181334.
14. **Смелов В.А.** Политехнический институт: тридцатые годы. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. 355 с.
15. **Ульянова С.Б.** К вопросу о взаимоотношениях студентов и профессоров в Ленинградском политехническом институте в 1920-е гг. // С.-Петербург. гос. политехн. ун-т в истории России XX – начала XXI в. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. С. 148–160.
16. **Ульянова С.Б.** Петроградский политехнический институт накануне и в период Революции 1917–1922 гг. // Наука и техника: вопросы истории и теории: матер. XXXVIII Междунар. годичной науч. конф. С.-Петербург. отд-я Рос. нац. ком-та по истории и философии науки и техники РАН. СПб., 2017. С. 83–87.
17. **Луначарский А.В.** Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина. М., 1927.
18. **Бухарин Н.** Злые заметки. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.
19. **Фицпатрик Ш.** Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М.: РОССПЭН. 336 с.
20. **Сидорчук И.В.** Мода и ее связь с культурными девиациями в советской повседневности и пропаганде 1920-х годов // *Костюмология.* 2018. № 3. URL: <https://kostumologiya.ru/PDF/08IVKL318.pdf> (дата обращения: 1.09.2018).
21. **Рафаил М.** За нового человека. Л., 1928.

Сидорчук Илья Викторович
E-mail: chubber@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 24.09.2018 г.

REFERENCES

- [1] **A.Ju. Rozhkov,** V krugu sverstnikov: Zhiznenny mir mladogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-kh godov [In the circle of peers: the Life world of a young man in Soviet Russia of the 1920s], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, 2016.
- [2] **N.V. Strebkova,** [Communist students as the main pillar of power in the proletarianization of universities in the 1920s–1930s], *Voprosy nauki*, 2 (2014) 55–61.
- [3] **V.N. Tarasenko,** [High school and students in the era of NEP], *Business and design rev.*, 1 (4) (8) (2017).
- [4] **I.V. Sidorchuk,** [Technocratic utopia and bucolic reality: Bolsheviks, technique and society of the 1920s], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 8 (82) (2017) 179–183.
- [5] **S.B. Ul'yanova,** [Socialism as an industrial dream as an industrial dream (Mass ideas of socialism in the Soviet society in the 1920s)], in: *Kontury budushchego: tekhnologii i innovatsii v kul'turnom kontekste* [Contours of the future: technologies and innovations in the cultural context. Monogr.], Asterion, St. Petersburg, 2017, pp. 7–11.
- [6] **A.E. Goruch,** Youth in Revolutionary Russia. Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Indiana Univ. Press, Bloomington, 2000.
- [7] **N.B. Leбина,** Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilu [Soviet everyday life: norms and anomalies. From military communism to great style], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, 2015.
- [8] **V.S. Izmozik, N.B. Leбина,** Peterburg sovetskij. «Novyy chelovek» v starom prostranstve. 1920–1930-e gody [The Petersburg Soviet. “New man” in the old space. 1920–1930s], *Kriga*, St. Petersburg, 2016.

- [9] **A.E. Gorsuch**, “A Woman is Not a Man”: The Culture of Gender and Generation in Soviet Russia, 1921–1928, *Slavic Rev.*, 55 (3) (1996) 636–660.
- [10] **P. Konecny**, Library Hooligans and Others: Law, Order, and Student Culture in Leningrad, 1924–1938, *J. of Social History*, 30 (1) (1996) 97–128.
- [11] **P. Gooderham**, The Komsomol and Worker Youth: The Inculcation of “Communist Values” in Leningrad during NEP, *Soviet Studies*, 34 (4) (October) (1982) 506–528.
- [12] **D.R. Harshman**, Cooking up a New Everyday: Communal Kitchens in the Revolutionary Era, 1890–1935, *Revolutionary Russia*, 29 (2) (2016) 211–233. DOI: 10.1080/09546545.2016.1243616.
- [13] **D. Hudson**, “A woman so curiously fear-free and venturesome”: Eleanor Franklin Egan reporting the Great Russian Famine, 1922, *Women’s History Rev.*, 26 (2) (2017) 195–212. DOI: 10.1080/09612025.2016.1181334.
- [14] **V.A. Smelov**, Politekhnicheskiy institut: tridtsatye gody [Polytechnic Institute: 1930s], Izd-vo Politekhnicheskogo Univ., St. Petersburg, 2008.
- [15] **S.B. Ul’yanova**, [To the question of the relationship of students and professors in the Leningrad Polytechnic Institute in 1920s], in: *St. Peterburgskiy gosudarstvennyy politekhnicheskiy universitet v istorii Rossii XX – nachala XXI v.* [St. Petersburg state Polytechnic University in the history of Russia of XX – beginning of XXI century], Izdatel’stvo Politekhnicheskogo Univ., St. Petersburg, 2013, pp. 148–160.
- [16] **S.B. Ul’yanova**, [Petrograd Polytechnic Institute on the eve and in the period of the Revolution of 1917–1922], in: *Nauka i tekhnika: voprosy istorii i teorii* [Science and technology: questions of history and theory. Proc. of the XXXVIII Intern. annual scientific conf. of the St. Petersburg branch of the Russian national Committee on history and philosophy of science and technology RAS], St. Petersburg, 2017, pp. 83–87.
- [17] **A.V. Lunacharskiy**, Upadochnoe nastroyenie sredi molodezhi. Eseninshchina [Decadent mood among young people. Eseninshchina], Moscow, 1927.
- [18] **N. Bukharin**, Zlye zametki [Evil notes], Moscow, Leningrad, 1927.
- [19] **Sh. Fitspatrik**, Povsednevnyy stalinizm. Sotsial’naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: the city], ROSSPEN, Moscow, 2008.
- [20] **I.V. Sidorchuk**, [Fashion and its relationship with cultural deviance in everyday life and Soviet propaganda of the 1920s], *Kostyumologiya*, 3 (2018). Available at: <https://kostumologiya.ru/PDF/08IVKL318.pdf> (accessed 1.09.2018).
- [21] **M. Rafail**, Za novogo cheloveka [To a new man], Leningrad, 1928.

Sidorchuk Il’ya V.

E-mail: chubber@yandex.ru

Received 24.09.2018.

DOI: 10.18721/JHSS.9302
УДК 327

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КНР В ОТНОШЕНИИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Я.М. Ахмадеева

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассмотрен процесс формирования политики «мягкой силы» Китайской Народной Республики, дан анализ ее применения в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также показан процесс изменения этой политики, современных представлений Пекина о международных отношениях и своей роли в них. Автор статьи раскрывает особенности региона, его основные проблемы с учетом сложившейся системы международных связей. Термин «мягкая сила» зародился в 80-е гг. XX в. и подразумевал проведение выгодной политики государства без прямого военного и политического вмешательства. В начале 2000-х гг. политика «мягкой силы» нашла свою интерпретацию среди ученых-международников КНР. Национальное переосмысление стратегии «мягкой силы» позволило внедрить ее в практику китайского внешнеполитического ведомства. Она получила определенную самобытность и органично влилась в новый внешнеполитический курс страны. В статье затронуты вопросы практического применения китайской региональной политики в отношении акторов международных отношений, представленных в АТР, в начале XXI в.

Ключевые слова: КНР; АТР; внешняя политика; концепция внешней политики; региональное сотрудничество; «мягкая сила»

Ссылка при цитировании: Ахмадеева Я.М. Реализация политики «мягкой силы» КНР в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 16–27. DOI: 10.18721/JHSS.9302

IMPLEMENTATION OF THE “SOFT POWER” POLICY OF CHINA IN THE ASIA-PACIFIC REGION

Ya.M. Akhmadeeva

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article deals with the process of forming the “soft power” policy of People’s Republic of China and analyzes its application in the Asia-Pacific region. This study shows the process of forming and changing the policy of “soft power”, Beijing’s modern views on

international relations and its role in them. We have taken into account the peculiarities of the region, the main problems, the established system of international relations. The term “soft power” originated in the 1980s and implies a profitable policy conducted without direct military and political interference. Since the early 2000s, the policy of “soft power” found its interpretation among the international scholars of China. The national rethinking of soft power allowed to introduce it into the practices of the Chinese foreign policy department. It gained a certain identity and naturally merged into the new foreign policy of the country. We have touched upon the practical application of modern regional policy towards the actors of international relations represented in the region. The article discusses the period of the early 21st century.

Keywords: China; Asia-Pacific region; foreign policy; concept of foreign policy; regional cooperation; “soft power”

Citation: Ya. M. Akhmadeeva, Implementation of the “soft power” policy of China in the Asia-Pacific region, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (3) (2018) 16–27. DOI: 10.18721/JHSS.9302

Введение

Международные отношения – это сложный и многогранный процесс, направленный на реализацию собственных интересов акторами международных отношений (государствами, международными организациями, государственными образованиями и пр.) посредством применения различных методов и способов взаимодействия.

Крупные и ответственные международные игроки выстраивают свою внешнюю политику, исходя из концепций, объединяющих представления об устройстве системы международных отношений, своей роли в них, способах и методах взаимодействия.

Развитие международных отношений в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) зависит в первую очередь от взаимоотношений наиболее влиятельных и крупных игроков – это США, сохраняющие позиции наиболее мощной державы мира; КНР, осваивающая новые отрасли экономики, и Индия, соперничающая с Китаем в вопросах экономического развития и раздела рынков.

Территориальные споры, разделение рынков сбыта, конкуренция за место в системе мирового хозяйствования остаются факторами роста напряженности и возникновения угроз безопасности.

Для решения собственных экономических и внешнеполитических задач с учетом необходимости минимизации конфликтного потен-

циала странами разрабатываются и применяются методы «непрямого», опосредованного, воздействия, не связанного с принуждением или угрозами, ущемлением суверенитета. Новые методы основываются на использовании собственного экономического и культурного потенциала.

С начала 2000-х гг. происходит трансформация внешнеполитического курса Китая под влиянием новой политики «мягкой силы», направленной на достижение собственных интересов с учетом роста экономической и военной мощи государства и при условии высокого культурного потенциала. При этом руководство КНР осознает потенциальную опасность роста напряженности и проблем, которые могут возникнуть при расширении китайской «сферы влияния».

Политика «мягкой силы» органически вплелась в китайскую внешнеполитическую концепцию и нашла отражение в реальной политике.

Изучением процесса формирования нового для Китая метода «мягкой силы» занимается большое число исследователей. Среди работ отечественных ученых можно отметить работу Е.М. Асафьева «„Жесткое” влияние „мягкой силы”» [1], статью преподавателей Дальневосточного федерального университета К.Ф. Лыкова и А.В. Бояркиной «Политико-дипломатическое направление „мягкой силы” во внешней политике КНР в начале XXI в.» [2], рассказыва-

ящую о разновидностях «мягкой силы» Китая и ее применении, и статью Е.И. Сафроновой «Экономическая дипломатия Китая и стратегическая безопасность в АТР» [3], в которой даны примеры реализации современной внешней политики Китая.

Среди иностранных можно выделить работу P. Nanda «Rediscovering Asia: Evolution of India's Look_East Policy» [4], где в рамках АТР рассмотрены проблемы и негативные факторы международного сотрудничества, а также дан обзор отдельных тактик и способов их минимизации.

Постановка проблемы и цели исследования

Целью данной работы является анализ особенностей реализации политики «мягкой силы» Китая в АТР. В статье затронуты вопросы формирования такой политики, ее изменения и влияния на современные международные отношения, а также рассмотрена практика реализации политики в отношении акторов международных отношений, представленных в регионе. Особое внимание уделено формированию политики в условиях региональных особенностей хозяйствования и межгосударственного взаимодействия. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: изучить особенности региона, этапы формирования политики «мягкой силы» КНР, показать факторы, имеющие особое влияние на внешнеполитический курс Китая, привести примеры реализации политики в отношении стран и международных организаций, представленных в АТР.

Методология

В данной работе для раскрытия основных понятий и представлений о политике «мягкой силы» КНР использованы методы анализа исторических документов и выступлений глав государств, руководителей и представителей внешнеполитических ведомств, ученых-международников Китая и других стран. Проведен анализ международной, политической и экономической обстановки, рассмотрена система хозяйствования в АТР.

Результаты исследования

Многие исследователи сходятся во мнении, что АТР в XXI в. будет играть роль «локомотива» мировой экономики, одной из главных движущих сил глобального развития, поэтому

государства, стремящиеся к стабильному темпу развития, должны активно участвовать в азиатско-тихоокеанском сотрудничестве [5].

Азиатско-Тихоокеанский регион включает в себя страны, расположенные по периметру Тихого океана. По наиболее распространенной классификации, к региону относятся 58 государственных образований: США, КНР, Япония, Россия, Австралия, Республика Корея, КНДР, Сингапур, Чили, Никарагуа, Мексика, Канада, Вьетнам, Камбоджа, все островные государства, а также другие страны, имеющие прямой выход к Тихому океану. Иногда к АТР относят Мьянму, Монголию, Непал, Индию, Шри-Ланку и Бангладеш.

Условно АТР можно разделить на субрегионы: северо- и южноамериканский, Океанию, Северную и Юго-Восточную Азию. Данный регион занимает огромную территорию – на него приходится порядка 30 % территории мира, 18,6 % от совокупных мировых площадей лесов [6]. Многие государства АТР островные.

Климат в прибрежной зоне стран АТР морской. Регион подвержен воздействию стихийных бедствий, для него характерны землетрясения, цунами, извержения вулканов, ураганы, длительные затяжные дожди и пр.

Общая численность населения региона около 3,6 млрд человек, что составляет практически половину населения Земли. В нем расположены крупнейшие по численности населения государства – КНР, США, Индонезия, Россия, Япония, Филиппины и пр. Для стран АТР характерна высокая плотность населения – более 300 человек на один квадратный километр (Сингапур, КНР, Республика Корея, Япония), однако здесь встречаются и территории с исключительно низкой плотностью – менее 9 человек на один квадратный километр: (Россия, Канада и Австралия).

Важной чертой АТР является также рост его урбанизации. Особенно быстро растет численность городского населения КНР.

В последнее десятилетие для региона обострилась проблема старения населения на фоне роста благосостояния и развития экономики. Сокращение доли трудоспособного населения неминуемо скажется на темпах экономического роста.

Регион отличается большим разнообразием религий: в относящихся к нему странах

распространены буддизм, ислам, христианство, конфуцианство, даосизм, синтоизм (буддизм различных толкований исповедуется главным образом в странах Юго-Восточной Азии; ислам – в Брунее, Малайзии и Индонезии; христианство – на Филиппинах; конфуцианство – в КНР и двух Кореях; даосизм – в КНР; синтоизм – в Японии). Особенностью АТР является широкое переплетение различных религиозных учений, обрядов. Также весьма значительна здесь численность атеистов, особенно в социалистических странах.

По форме государственного устройства большинство стран региона – это республики. Исключениями являются Австралия, Япония, Малайзия, Бруней, Новая Зеландия, Тувалу и Соломоновы Острова. При этом в КНР, Лаосе, Вьетнаме, КНДР власть конституционно связана лишь с одним политическим движением.

В регионе имеются как развитые, так и развивающиеся страны. К развитым странам относятся: США, Япония, Австралия, Республика Корея, Новая Зеландия, Сингапур. Суммарные экономические показатели АТР опережают другие регионы мира.

Глобализация мирового хозяйства позволила развивающимся странам использовать преимущества большой численности населения. Другим важным фактором стала транспортная доступность – практически все страны имеют выход к морю и крупные глубоководные порты.

Крупнейшими экономическими центрами являются Сан-Франциско, Гонконг, Тайбей, Сингапур, Токио, Сеул, Джакарта и Сидней.

Вместе с тем в регионе сохраняется высокий уровень бедности населения, крайне выражено социальное и экономическое расслоение.

Развитие в АТР хозяйственных связей между странами, рост их экономик, наличие большого числа морских путей обусловили создание различных экономических и политических объединений. Такие крупные региональные форумы и механизмы, как АТЭС, АСЕАН, АРФ, ВАС, ДСА, ШОС, способствуют экономическому развитию и партнерству между странами, «общему оздоровлению ситуации в регионе» [7]. Но единой системы безопасности здесь нет, что затрудняет решение многих спорных ситуаций политического, экономического характера и вопросов безопасности [Там же]. Значимыми международными организациями яв-

ляются: АСЕАН – экономическая организация, состоящая из 10 государств центральной части АТР; ШОС – экономическая организация с выраженной военной составляющей, включающая в себя 8 государств Евразии (Россию, КНР, страны Южной и Центральной Азии); АТЭС – консультативный форум по вопросам региональной торговли, 21 экономика; Форум островов Тихого океана – экономическая организация с выраженной военной составляющей, в нее входят 16 государств (островные государства и Австралия); Секретариат тихоокеанского сообщества – экономическая организация, работа которой направлена на развитие профессионального, научного, образовательного и управленческого взаимодействия, состоит из 22 государств.

В регионе на данный момент развивается не только экономическая интеграция, но и вооруженные силы многих государств, наращивается вооружение, при этом случаются локальные конфликты. Именно в АТР расположены самая боеспособная военная группировка США, мощная система ПРО (на территориях Японии, Республики Корея, Австралии, Тайваня), налажена сеть их военных союзов [Там же]. КНР также наращивает свою военную мощь. Япония стремится снять с себя все ограничения по вооружению и уже обладает определенными возможностями. Не урегулирован и вопрос разработки ядерного оружия КНДР.

Одной из главных характеристик региона является феномен стремительного «возвышения» Китая. Оно стало самым значительным событием, повлиявшим на изменения в структуре международных отношений в XXI в. «Ударная волна из-за подъема Китая» вызвала сильную реакцию в Азиатском регионе [8]. Обеспокоенные данным фактом США начинают вести курс на сдерживание КНР, ищут поддержку на саммитах АТЭС, АСЕАН, ВАС, а также у Японии, Республики Корея, Индонезии, Австралии, Филиппин [9]. В новой американской военной стратегии Китаю отводится особое место, и объясняется это так: «Усиление Китая как мощной региональной державы в отдаленной перспективе может оказать негативное влияние на экономические позиции Америки и на ее национальную безопасность» [10, с. 60].

Для региона характерны и «традиционные проблемы»: территориальные споры вокруг

островов в Южно-Китайском море, проблема Тайваня, корейская ядерная программа, пиратство. Кроме того, здесь обостряются новые угрозы – распространение наркотиков, незаконный оборот оружия, терроризм, рост исламского фундаментализма, проблемы экологической безопасности [11].

Безусловно, главными современными проблемами в АТР являются корейская ядерная программа, тайваньский вопрос и южно-китайский территориальный спор.

Китай, выступающий за мир, развитие, взаимовыгодное сотрудничество, готов предпринимать необходимые действия для разрешения этих проблем и предложил создать общую, всеобъемлющую, совместную и устойчивую концепцию безопасности в Азии [Там же].

Стратегия «мягкой силы» была разработана американским политологом Джозефом Найем. Целью ее было достижение желаемых результатов в политическом поведении других стран [9]. Среди китайских ученых первым стал заниматься данной темой партийный работник Ван Хунин. Он назвал шесть элементов этого понятия: политическая система, политическое руководство, национальный дух и характер, международный имидж, стратегия внешней политики, способность определять тип международных систем и развитие науки и техники [2].

Дальнейшие исследования выделили следующие составляющие китайской «мягкой силы»: «дипломатию, международные институты, инвестиции, систему образования и студенческие обмены, язык страны и степень его популярности в мире» [Там же].

Новый курс внешней политики КНР ознаменовался такими документами, как «Новая концепция безопасности», «Новый подход к развитию», концепция «гармоничного мира». Они стали основой «новой дипломатии».

Дэн Сяопин разработал новый курс внешней политики государства, основанный на указаниях из 28 иероглифов: «Хладнокровно наблюдай, защищай наши позиции, решай дела спокойно, скрывай наши потенциальные возможности и выжидай удобный случай, чтобы действовать, умеешь не высовываться, никогда не претендуй на лидерство» и разъяснениях из 12 иероглифов: «Вражеские войска стоят за стенами. Они сильнее нас. Нам следует занимать в основном оборонительные позиции». Данная

концепция предназначалась для высшего руководящего состава КПК и предупреждала об опасности, которая может возникнуть, когда Китай будет набирать силу [Там же].

Чтобы нейтрализовать растущее подозрение относительно стремительного роста Китая, эксперты в области международных отношений разработали концепции «нового мышления в дипломатии» и «тихой революции».

Согласно новым концепциям, Китай продолжит следовать своим национальным интересам, будет расширять сотрудничество с соседними государствами и налаживать добрососедские отношения, повышать взаимодоверие с развивающимися странами [Там же].

Отражением нового курса внешней политики Китая является «дипломатия Шелкового пути», суть которой заключается в расширении сотрудничества со странами Евразии в финансовой, ресурсной, кадровой и идейной сферах. В 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул концепции построения «экономической полосы Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI в.», целью которых является всеобщее развитие Евразии путем расширения сотрудничества, достижения высокого уровня развития и процветания всех стран – соседей КНР [Там же].

«Тихая революция», приведшая к «новому мышлению», произошла в итоге 20-летней активности Китая на международной арене, его участия в решении мировых и региональных проблем [Там же]. Основывается новая дипломатия на либеральных принципах международных отношений и новой внешней политике, которую поддерживает население Китая [Там же].

Дипломатия «нового мышления» подразумевает: участие Китая в процессе глобального управления; расширение его ответственности соизмеримо с возможностями и влиянием на международной арене; следование национальным интересам страны; возрождение Великого Китая – реализацию «китайской мечты» совместно со всеобщим мировым развитием [Там же].

Особенности нового внешнеполитического курса Китая и его концепции постоянно подвергаются исследованиям, проводятся совещания по вопросам формирования дипломатии. Ученые сходятся во мнении, что Китай становится всё более значимым участником международных отношений. В данной ситуа-

ции особенно важно активизировать «мягкую силу» страны для привлечения большего числа партнеров, расширения и углубления двусторонних отношений, всестороннего стратегического партнерства [2].

С этой целью Ху Цзиньтао в октябре 2005 г. выдвинул концепцию «гармоничного мира», которая заключается в «доброжелательном и партнерском отношении к соседям». Китай для достижения своих целей использует «мягкую силу»: культуру, идеологию, осторожную внешнюю политику, гуманитарную помощь другим странам, инвестиции, туризм, образовательные проекты [1]. Социально-гуманитарная проблематика становится для КНР, которая уже вышла по ряду экономических показателей на передовые позиции в мире, важнейшим дополнительным инструментом позиционирования в мире [12].

Руководство КНР уделяет особое внимание распространению китайского языка и культуры, способствует открытию Институтов Конфуция в разных странах мира. В этих институтах ведется обучение китайскому языку, культуре, истории. «Распространение китайского языка во многом помогает снять беспокойство о „китайской угрозе“», — считает Гу Фэн, директор Института Конфуция в Канаде [1]. В Москве такие институты открыты при МГУ им. М.В. Ломоносова, Российском государственном гуманитарном университете и Московском государственном лингвистическом университете.

Как и другие страны АТР, Китай провел реформу в сфере образования: перешел на трехступенчатую систему подготовки в высших учебных заведениях (бакалавр, магистр, доктор), постоянно внедряет новые технологии. В 2010 г. в КНР был принят «План среднесрочного и долгосрочного развития и реформы системы образования Китая на 2010–2020 гг.», в котором предусматривалось увеличение расходов на образование в 2012 г. до 4 % ВВП [13]. В докладе премьера Госсовета КНР 2010 г. о планах XII пятилетки (2011–2016 гг.) была озвучена потребность в масштабном освоении новых технологий [Там же].

Китай — активный участник международного рынка образовательных услуг. Он не только предоставляет образовательные услуги, но и отправляет своих студентов за рубеж. Количество иностранных студентов, обучающихся в

Китае, с 1990 по 2000 г. выросло с 5 до 40 тыс. человек. Большинство этих студентов изучали китайский язык и литературу. КНР разработала методику определения рейтингов вузов (Шанхайский рейтинг), которой пользуются во всем мире [12].

Еще одно направление «мягкой силы» — это развитие средств массовой информации, целью которых является не только просвещение народов, но и противодействие западным СМИ, могущим «дезориентировать народные массы» [1]. Руководство КНР сделало международными многие каналы, вещающие в стране, в том числе и «Центральное телевидение Китая» (ССТV). Организовано вещание на английском (ССТV-9), французском, арабском, испанском языках, в 2009 г. запущен русскоязычный канал. «Журналистская дипломатия» Китая, несмотря на столь пристальное внимание со стороны руководства страны, сталкивается и с трудностями. К ним можно отнести недостаточный уровень образования и малый опыт работы сотрудников СМИ, сложности в налаживании контактов с зарубежными коллегами, журналистскими организациями. В этой связи необходимо активизировать программы обмена специалистами, повышать качество информационных услуг, расширяя культурное влияние страны [2].

Особый вид современной китайской дипломатии — это «кризисная дипломатия» или «дипломатия стихийных бедствий», целью которой является извлечение выгоды для Китая, увеличение его влияния и распространение интересов путем освещения кризисных ситуаций [Там же].

Китайская «экологическая дипломатия» связана с экономической глобализацией. Суть ее заключается в организации мероприятий, посвященных окружающей среде, ее защите, улучшению экологической обстановки в мире [Там же].

Несмотря на разные аспекты китайской дипломатии, сотрудничество между странами АТР осложнено большим разнообразием в социально-политическом, конфессиональном, этническом, лингвистическом отношениях, препятствующим углубленному сотрудничеству во всех возможных сферах. Страны ограничиваются экономическим сотрудничеством и культурным обменом [12].

Китай стремится распространять конфуцианские ценности социальной гармонии, справедливости, единства человека и природы, завоевать доверие соседних стран, сотрудничать с ними и тем самым приносить и им выгоду в процессе своего процветания [1]. Пекин готов «по мере роста своей военной мощи брать на себя большую ответственность за международную безопасность», а также вести борьбу с наркопреступностью, терроризмом, транснациональными преступлениями, религиозным экстремизмом, сепаратизмом и обеспечивать безопасность на море [Там же].

С целью приобрести больший вес на международной арене Китай участвует в таких региональных организациях, как АТЭС и ШОС, сотрудничает с АСЕАН. Пекин намерен расширять партнерство и для этого уже решил ряд пограничных вопросов, занимает твердую позицию по ядерной проблеме Корейского полуострова, прилагает усилия к развитию двусторонних отношений с Японией, оказывает помощь нуждающимся странам. Таким образом, Китай своими действиями подтверждает слова руководства страны о стремлении к сохранению мира и стабильности в АТР, поддержанию многополярного мира, обеспечению общей безопасности, взаимовыгодного сотрудничества и достижению совместного процветания, строительству гармоничного мира [Там же].

В 2013 г. глава МИД Китая Ян Цзечи заявил, что ситуация с соседями КНР сложная, но последний год отношения активно налаживаются, и важную роль в этом вопросе играет стратегия Китая. Он отметил, что «соседям нужно чаще ходить друг к другу в гости», поддерживать как можно больше контактов [14]. Ян Цзечи рассказал о том, что товарооборот Китая и соседних стран превысил его товарооборот с Европой и США, и это свидетельствует о налаживании экономических связей со странами Азии. Культурные связи также выходят на новый уровень, развиваются академические обмены, проведены Года дружбы [Там же].

Развиваются взаимоотношения стран в рамках ШОС, открыты зоны свободной торговли. Обсуждается вопрос об открытии зоны свободной торговли между Китаем, Республикой Корея и Японией. КНР готова к проведению переговоров о спорных территориях, хотя и отстаивает территориальную целостность стран,

стабильность в регионе, добрососедские отношения. Ян Цзечи считает, что налаживание отношений с КНР, наращивание экономических и культурных связей входит в сферу национальных интересов соседних стран, в этом заинтересован и Китай [Там же].

Контакты государств АТР в гуманитарной сфере закладывают прочную основу для формирования системы региональной безопасности. Взаимодействие стран через различного рода форумы, диалоговое и стратегическое партнерство – основа для коммуникации, обмена информацией и выстраивания межгосударственного сотрудничества в регионе.

Явно прослеживается не только нацеленность китайского руководства на увеличение «мягкой силы» с помощью культурного обмена, но и его желание решить вопрос спорных территорий мирным путем, хотя Китай сейчас модернизирует армию и одной из причин этого называет необходимость защиты своей территориальной целостности. Возможно, за этим кроется и решение тайваньской проблемы, которая считается одной из приоритетных во внешней политике КНР. То есть, делая упор на «мягкую силу», Китай не забывает и о «твердой», и о высокой нестабильности в отношениях с США, о необходимости быть готовым к любым событиям.

Ян Цзечи также отметил, что Боаоский азиатский форум, который прошел в апреле 2013 г. с участием КНР, стран Азии и представителей международных организаций, способствовал развитию взаимопонимания между странами [Там же].

В числе факторов, осложняющих региональное сотрудничество Китая со странами АТР по всем направлениям, можно назвать обеспокоенность США возможностью антиамериканской направленности треугольника Россия – Китай – Индия и ШОС, стремление Китая сдерживать растущее влияние Индии в АТР на фоне не до конца решенных проблем между ними [4], определенную обеспокоенность стран АСЕАН ростом китайского и индийского влияния в регионе [5].

А.С. Дударёнок выделяет такую проблему, как различия между странами АТР в экономическом, политическом и цивилизационном отношениях, что приводит к соперничеству за влияние в регионе [Там же]. Это подрывает про-

цесс мирного урегулирования споров между государствами и препятствует их взаимодействию.

Угрозы для положения Китая в регионе связаны в первую очередь с политикой США, направленной на их «возвращение в АТР». Вашингтон намерен занять лидирующую позицию в регионе. Подобные настроения США связаны с возрастанием роли Китая и Индии в АТР, а также с неучастием Соединенных Штатов в многосторонних региональных структурах, что сократило здесь их влияние. США активизировали контакты с руководителями стран региона, увеличили свои инвестиционные вливания, расширили сотрудничество в сфере обороны, НПО. До сих пор на долю США приходится около четверти мировой экономики, и это означает, что большинство стран мира заинтересованы в том, чтобы что-то у них купить и что-то им продать [15]. Тем самым они «разделяют ответственность», намереваются поставить страны региона в зависимое положение через международное сотрудничество [3].

Китай в связи с подобной политикой США вынужден предпринимать ответные меры по сохранению своих позиций в Северо-Восточной Азии и АТР. Востоковед А. Маслов утверждает, что Китай в последние годы довольно активно развивает свой флот – от гражданских судов ледокольного класса до авианосных кораблей. Это связано с его стратегией развития внешней торговли, расширением экономического сотрудничества с соседними странами и с желанием противопоставить что-то Вашингтону в плане размещения своих кораблей далеко от берегов КНР [16].

Для Китая жизненно необходимы поддержание и расширение внешней торговли, так как это нужно для обеспечения должного прироста экономики. Развитие внешнеэкономических связей важно и для получения доступа к ресурсам и рынкам, и для поддержания уровня жизни постоянно растущего населения [3]. Помимо этого, благодаря внешнеполитическим связям Китай может решать и политические проблемы. Например, благодаря увеличению инвестирования и финансовому содействию Камбодже Пномпень исключил из коммюнике 21-го саммита АСЕАН упоминание о конфликте КНР и Филиппин из-за рифа Скарборо в Южно-Китайском море.

Китай расширяет круг своих друзей и партнеров в первую очередь благодаря «политике пряника». Он создал зону свободной торговли «Китай – АСЕАН», инвестирует в экономики стран АТР, оказывает финансовую помощь, расширяет двустороннюю торговлю. Всё это делается ради того, чтобы страны учитывали интересы Китая при принятии политических и экономических решений [Там же].

Примером влияния КНР на страны региона может служить инцидент с использованием экономического давления на Филиппины в связи с конфликтом в Южно-Китайском море в 2012 г. Тогда, чтобы отвести от берегов рифа филиппинскую береговую охрану, Пекин отказался от поставок фруктов из этой страны (более 30 % всех выращенных на Филиппинах бананов, папайя, манго, кокосов, ананасов) и перекрыл туристический поток в связи с опасениями за безопасность китайских туристов (они составляют третью часть всех туристов на Филиппинах). Эти меры не могли не сказаться на финансовом благополучии филиппинских бизнесменов, которые, в свою очередь, вынудили правительство своей страны пойти на соглашение с Китаем. В итоге в июне 2012 г. Пекин и Манила подписали соглашение об одновременном выводе судов из лагуны Скарборо [Там же]. Еще один хороший пример использования экономического давления – прекращение поставок редкоземельных элементов в Японию, США, ряд европейских стран в сентябре 2010 г. из-за ареста капитана китайского рыболовного судна в водах спорных островов Дяоюйдао (Сенкаку), находящихся под контролем Японии, но рассматриваемых Китаем в качестве суверенной территории. Китай добился освобождения капитана [Там же].

В 2012 г. из-за данных островов разгорелся очередной конфликт между КНР и Японией. Японские власти высказались о намерении купить часть спорных островов у частного лица, в ответ на это по Китаю прокатилась волна антияпонских протестов, был объявлен бойкот японским товарам, несмотря на то, что Япония – это его ведущий торговый партнер. Кроме того, Япония является крупным инвестором в экономику Китая, что позволило создать 10 млн рабочих мест. В случае обострения конфликта Япония может перевести свои производства в другие страны региона, что обострит социальную обстановку в Китае. Помимо это-

го, Япония объявила о вхождении в Транстихоокеанское партнерство – альтернативу АТЭС без России и Китая, и в этом решении ее поддержали США. Данный инцидент показал, что экономическое давление негативно сказалось и на Китае, привело к нежелательным последствиям как в двусторонних, так и в многосторонних отношениях [3].

В связи с ростом влияния Китая в АТР страны региона выражают озабоченность его дальнейшей политикой, включая принципы достижения целей, из-за возможности применения экономического давления. После «возвращения США в АТР» эти страны столкнутся с проблемой выбора партнера, что, в свою очередь, может привести к поляризации сил и нарушить стабильность, а значит, и сказаться на безопасности. Решением данной проблемы может послужить лавирование между сотрудничеством с Китаем и США, которые будут вынуждены предлагать всё более выгодные условия для сотрудничества, чтобы привлечь партнеров на свою сторону. При таком развитии событий Китай явно проигрывает по числу союзников, к тому же США склонны демонстрировать свои военные возможности, так что Пекин вынужден проявлять всё большую экономическую дипломатию [Там же].

Другой угрозой безопасности в АТР является неравномерность развития, маргинализация менее хозяйственно успешных государств, таких как Лаос, Мьянма, Камбоджа, и это несмотря на постоянное получение финансовых вливаний от более развитых стран [Там же].

Для гармоничного существования в АТР Китаю и другим странам необходимо выстраивать свою экономическую дипломатию таким образом, чтобы можно было нивелировать и нетрадиционные для региона угрозы, связанные с окружающей средой, экономической, финансовой и информационной безопасностью, а также с терроризмом, контрабандой наркотиков, инфекционными заболеваниями, морским пиратством, нелегальной миграцией.

Что касается причин успехов, достигнутых Китаем в регионе, то среди них можно выделить, например, контроль государства над внешнеэкономической деятельностью, что способствует взаимодействию между различными структурами для отстаивания своих интересов, дает возможность прислушиваться к

различным мнениям, и имеющуюся у производителей возможность получить поддержку государства [Там же].

Государство контролирует практически все крупные частные китайские предприятия, обладая контрольным пакетом акций, что создает государственные гарантии их деятельности, сокращает многие риски.

В Китае существует единый свод документов, описывающих стратегию развития внешнеэкономических связей страны. В него включены, например, стратегия «Идти вовне» 1997 г., направленная на выход китайских производителей на мировой рынок, «Концепция внешнеэкономической политики по 2010 год» 2006 г., «Средне- и долгосрочная концепция Китая по экспорту машинотехнической продукции на период до 2010 года» 2007 г. [Там же]. Благодаря документально оформленному направлению, четко поставленным перед предпринимателями целям и задачам, государство может контролировать их выполнение.

Китай активно поддерживает предпринимательство на своей территории, причем это касается не только крупных предприятий, но и средних и малых, это позволяет расширить круг исполнителей намеченного курса.

Валютно-финансовая политика китайского руководства также благоприятно сказывается на экономике страны. Государство незамедлительно реагирует на все изменения во внутренней экономике и на мировых финансовых рынках с целью защитить национальную валюту, ее стабильность, регулирует процентные ставки и обменный курс. Курс юаня становится всё более независимым от курса доллара, цены на продукты более устойчивыми, что со временем приведет к тому, что юань станет мировой резервной валютой [Там же].

Этому способствует также и наличие в Китае значительных валютно-финансовых ресурсов, которые можно направлять за рубеж в качестве инвестиций, займов, кредитов, чтобы обеспечивать техническую и монетарную поддержку национального бизнеса и международных партнеров [Там же].

Экономическая составляющая внешней политики Китая в АТР направлена:

- на обеспечение потребностей страны и необходимых преобразований путем расширения внешнеполитических связей;

- недопущение формирования безусловно доминирования одной страны в Северо-Восточной Азии и АТР;

- поддержание и улучшение международного имиджа Китая, нивелирование «желтой угрозы», что Пекину уже удается (позитивно высказываются о КНР более 50 % населения стран АСЕАН, хотя 10 лет назад это делали лишь 30 % [3]);

- продвижение китайской социально-экономической модели развития и системы ведения внешнеэкономических операций;

- налаживание тесных партнерских отношений со странами АТР для долгосрочного сотрудничества, что особенно актуально для энергетических проектов в условиях «возвращения США в АТР», и на первый план тут выходят контракты с российскими нефтегазовыми компаниями, благодаря чему КНР стремится обезопасить свой потенциал развития (который сильно зависит от энергетических ресурсов) и поддерживает антиамериканские настроения в регионе;

- стремление не только участвовать в существующих в АТР международных организациях, таких как АТЭС, «АСЕАН+3», но и создавать новые организации, лидировать в них (Шанхайская организация сотрудничества; зона свободной торговли КНР с АСЕАН; Соглашение об инвестиционном сотрудничестве 2012 г., которое в дальнейшем планируется развить до зоны свободной торговли между Китаем, Японией и Республикой Корея, и др.) [Там же].

Активность Китая в международных организациях и политика, проводимая им с целью интернационализации юаня, свидетельствуют о том, что КНР как супердержава достигла такого этапа развития, когда она готова и следовать ранее созданным правилам и принципам, и создавать новые, продвигая тем самым свои интересы.

Успех политики «мягкой силы» (без применения «жесткой») свидетельствует о благоприятном отношении к сотрудничеству со стороны стран-партнеров, об их экономической взаимозависимости, которая является залогом долгосрочного сотрудничества. Лишь проблемы, связанные с суверенитетом стран и спорными территориями, едва ли могут быть решены путем «мягкой» и «жесткой» силы [Там же].

Заключение

Внешняя политика КНР менялась на всем протяжении истории государства, трансформируясь в соответствии с международной обстановкой и исключительно в целях достижения национальных интересов.

Распад биполярной системы международных отношений и рост экономической и военной мощи Китая заставили это государство искать новые методы международного взаимодействия.

Новая политика «мягкой силы» КНР получила развитие с начала 2000-х гг. и ознаменовала собой эволюцию китайского подхода к международным отношениям.

Практика международных отношений подтверждает курс китайской внешней политики на взаимовыгодное сотрудничество и развитие, принципы равенства и взаимоуважения. Несмотря на все сложности, Китай уверенно провозглашает принципы мирного развития и гармонии в мире и АТР. Он позиционирует себя как ответственную державу, готовую расширять свои внешнеполитические связи на благо всего мира.

При этом реализация китайских интересов основывается на построении диалога с партнерами в рамках как двусторонних связей, так и международных организаций, с оказанием, при необходимости, «мягкого» давления без прямой конфронтации. Часто она осуществляется путем формирования выгодных для страны условий и «подталкивания» партнеров к нужным решениям.

Наиболее сильное противодействие в реализации своих интересов Китай испытывает со стороны США – ключевого игрока в международной политике. В отношении этого государства методы «мягкой силы» показывают свою неэффективность и явно демонстрируют недостаточность опыта китайских дипломатов.

Политика «мягкой силы» стала важным и эффективным методом реализации внешнеполитического курса Китая и уже доказала свою эффективность. Давление через экономику и культуру в условиях АТР является естественным и наиболее рациональным. Сохранение существующих в регионе факторов влияния на международные отношения позволяет предположить сохранение выбранных методов внешней политики КНР и в дальнейшем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Асафьева Е.М.** «Жесткое» влияние «мягкой силы» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Идеология, история, культура, политика, экономика. 2009. № 12. С. 17–28.
2. **Лыков К.Ф., Бояркина А.В.** Политико-дипломатическое направление «мягкой силы» во внешней политике КНР в начале XXI в. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 16.
3. **Сафронова Е.И.** Экономическая дипломатия Китая и стратегическая безопасность в АТР // Китай в мировой и региональной политике. История и современность: сб. ст. 2013. Вып. XVIII. С. 143–157.
4. **Nanda P.** Rediscovering Asia: Evolution of India's Look_East Policy. New Delhi: Lancer Publishers & Distributors, 2003.
5. **Дударёнок А.С.** Влияние гуманитарного сотрудничества на внешнюю политику и безопасность Индии // Працы гістарычнага факультэта БДУ. 2011. № 6. С. 126–133.
6. **Состояние лесов мира, 2009** // Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН. URL: <http://www.fao.org/3/a-i0350r/i0350r01b.pdf> (дата обращения: 24.10.2017).
7. **Трифонов В.И.** Ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: столкновение линий на сотрудничество и на противоборство // Китай в мировой и региональной политике. История и современность: сб. ст. 2012. Вып. XVII. С. 29–44.
8. **Changsen Yu.** Understanding of ASEAN member countries and policy responses to the rise of China (кит.) // Contemporary Asia-Pacific. 2013. № 3. URL: http://niis.csn.cn/xsqk/ddyt/2013d3q/201307/t20130729_1998093.shtml (дата обращения: 22.10.2017).
9. **Nye J.S., Jr.** The paradox of American power: why the world's only superpower can't go it alone // Foreign affairs. 2002. March-April. URL: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/capsule-review/2002-03-01/paradox-american-power-why-worlds-only-superpower-cant-go-it-alone> (дата обращения: 29.10.2017).
10. **Клименко А.Ф.** Новая военная стратегия США и эволюция американо-китайско-индийских отношений в АТР в сфере безопасности // Китай в мировой и региональной политике. История и современность: сб. ст. 2012. Вып. XVII. С. 58–72.
11. **Zhao Xiaozhuo.** Chinese military delegations described the Asia-Pacific security concept (кит.) // Chinese military network. URL: http://military.cnr.cn/zgjq/20170604/t20170604_523784751.html (дата обращения: 25.10.2017).
12. **Лебедева М.** Социально-гуманитарное измерение международных отношений в АТР // Международные процессы. 2013. Т. 11, № 1 (32). С. 4–15.
13. **Клокова Н.** Выход из кризиса по-китайски. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2010/03/05/718176.html> (дата обращения: 20.10.2017).
14. **Пресс-конференция** главы министерства иностранных дел КНР Ян Цзечи // Жэньминь Жибао онлайн. URL: <http://russian.people.com.cn/95197/8160544.html> (дата обращения: 23.10.2017).
15. **Корейба Я.** Конец конца Америки. URL: <https://echo.msk.ru/blog/jacubko/2051176-echo/> (дата обращения: 26.10.2017).
16. **Желенин А.** Пекину нужны свои козыри. URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2017/07/13/1630489.html> (дата обращения: 24.10.2017).

Ахмадеева Яна Михайловна

E-mail: frau-ahmadeeva@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 28.11.2017 г.

REFERENCES

1. **E.M. Asaf'eva**, [“Hard” influence of “soft power”], Southeast Asia: topical development problems. Ideology, history, culture, politics, economics, 12 (2009) 17–28.
2. **K.F. Lykov, A.V. Boyarkina**, [Political-diplomatic direction of “soft power” in the PRC foreign policy at the beginning of the XXI century], Theory and practice of social development, 16 (2015).
3. **E.I. Safronova**, Ekonomicheskaya diplomatiya Kitaya i strategicheskaya bezopasnost' v ATR [Economic diplomacy of China and strategic security in the APR], in: China in world and regional politics. History and modernity, 18 (2013) 143–157.
4. **P. Nanda**, Rediscovering Asia: Evolution of India's Look_East Policy, Lancer Publishers & Distributors, New Delhi, 2003.
5. **A.S. Dudarenok**, [Influence of humanitarian cooperation on foreign policy and security of India], Pratsy gistorychnaga of the faculty of the BDU, 6 (2011) 126–133.

6. [State of the World's Forests, 2009], Food and Agriculture Organization of the United Nations. Available at: <http://www.fao.org/3/a-i0350r/i0350r01b.pdf> (accessed 24.10.2017).

7. **V.I. Trifonov**, Situatsiya v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: stolknovenie liniy na sotrudnichestvo i na protivoborstvo [The situation in the Asia-Pacific region: the clash of lines on cooperation and on the confrontation], in: China in world and regional politics. History and modernity, 17 (2012) 29–44.

8. **Yu Changsen**, Understanding of ASEAN member countries and policy responses to the rise of China (In Chin.), Contemporary Asia-Pacific, 3 (2013). Available at: http://niis.cssn.cn/xsqk/ddyt/2013d3q/201307/t20130729_1998093.shtml (accessed 22.10.2017).

9. **J.S. Nye, Jr.**, The paradox of American power: why the world's only superpower can't go it alone, Foreign affairs. March-April, (2002). Available at: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/capsule-review/2002-03-01/paradox-american-power-why-worlds-only-superpower-cant-go-it-alone> (accessed 29.10.2017).

10. **A.F. Klimenko**, Novaya voennaya strategiya USA i evolyutsiya amerikano-kitaysko-indiyskikh otnosheniy v ATR v sfere bezopasnosti [New US military strategy and

the evolution of US-China-Indian relations in the APR in the sphere of security], in: China in world and regional politics. History and modernity, 17 (2012) 58–72.

11. **Xiaozhuo Zhao**, Chinese military meeting described the Asia-Pacific security concept (In Chin.), Chinese military network. Available at: http://military.cnr.cn/zgjq/20170604/t20170604_523784751.html (accessed 25.10.2017).

12. **M. Lebedeva**, [Socio-humanitarian dimension of international relations in the APR], International processes, 11 (1) (32) (2013) 4–15.

13. **N. Klokova**, [The Chinese way out of the crisis]. Available at: <http://www.rosbalt.ru/main/2010/03/05/718176.html> (accessed 20.10.2017).

14. [Press conference by the Minister of Foreign Affairs of the People's Republic of China Yang Zzechi], Renmin Ribao on-line. Available at: <http://russian.people.com.cn/95197/8160544.html> (accessed 23.10.2017).

15. **Ya. Korabe**, [The End of the End of America]. Available at: <https://echo.msk.ru/blog/jacubko/2051176-echo/> (accessed 26.10.2017).

16. **A. Zhelenin**, [Beijing needs his trump], Rosbalt. Available at: <http://www.rosbalt.ru/world/2017/07/13/1630489.html> (accessed 24.10.2017).

Akhmadeeva Yana M.

E-mail: frau-ahmadeeva@yandex.ru

Received 28.11.2017.

DOI: 10.18721/JHSS.9303

УДК 327+101.1:316

ГЛОБАЛЬНЫЙ ГОРОД КАК ЦЕНТР ГЛОБАЛЬНЫХ УСЛУГ*

Д.Г. Попов, И.Д. Жабенко

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье дан анализ роли глобальных городов в контексте реальных международных отношений и прогнозируемого образа города как коммуникационной единицы. Особое внимание уделено социогуманитарной составляющей субъектности городов в виде агломерационных территорий. Рассмотрены специфика агломерационного дискурса и роль глобальных городов в реализации политических, экономических и социальных практик современности, обозначены уровни агломерационного взаимодействия применительно к международному рынку услуг. Представлены особенности функционирования городов как центров дипломатической активности и как центров науки и образования, культуры и коммуникации. Выделены группы общественности, которые могут выступать в качестве субъектов, объектов и инструментов публичной дипломатии. В результате исследования выявлена и обоснована необходимость анализа города как поставщика глобальных услуг с целью построения эффективного долгосрочного планирования. Авторами статьи предложена матрица для составления рейтинга городов как агентов государств и самостоятельных игроков в процессе реализации коммуникационной стратегии «мягкой силы» и публичной дипломатии.

Ключевые слова: глобальные города; глобальные услуги; агломерация; публичная дипломатия; «мягкая сила»; прогнозируемый образ города

Ссылка при цитировании: Попов Д.Г., Жабенко И.Д. Глобальный город как центр глобальных услуг // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 28–38. DOI: 10.18721/JHSS.9303

GLOBAL CITIES AS A CENTER OF GLOBAL SERVICES

D.G. Popov, I.D. Zhabenko

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The goal of this article is to analyze the role of global cities in the context of real international relations and the projected image of a city as a communication unit. In the course of the study, we have considered the peculiarities of the agglomeration discourse and the role of global cities in political, economic and social practices of the present time; we have also highlighted the levels of agglomeration interaction in relation to the international service market. We have presented the specifics of city functioning as centers of diplomatic activity, science and education, culture and communication. We have also identified groups of public that can act as subjects, objects and tools of public diplomacy. As a result, we have revealed and substantiated that analysis of the city as a

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-0300799).

provider of global services has to be carried out, along with constructing effective long-term planning.

Keywords: global cities; global services; agglomeration; public diplomacy; soft power; projected city image

Citation: D.G. Popov, I.D. Zhabenko, Global cities as a center of global services, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (3) (2018) 28–38. DOI: 10.18721/JHSS.9303

Введение

Одна из ключевых тенденций развития территорий в современном мире — это процесс урбанизации. Интенсивные процессы образования городских агломераций и их развития вызывают вопросы не только у урбанистов, социологов и управленцев, они становятся предметом обсуждения в целом в рамках социальной философии, политической науки и социологии. Новое городское пространство выступает средой для формирования глобальной элиты и глобальной системы нового управления, новых и модернизирующихся социальных практик. Города играют ведущую роль в совершенствовании всех сфер человеческой жизнедеятельности: экономической, социальной, политической, культурной. Количество и качество городского пространства структурируют и определяют не только внутривластную направленность государственной и региональной деятельности властей, но и внешнеполитическую, поскольку агломерации, конурбации и мегалополисы как территориальные образования становятся полноправными субъектами международных отношений, зонами культурного престижа и центрами, где формируются облик и образ будущего как на глобальном, так и на национальном уровне.

Изменчивость геополитического и геоэкономического пространства вынуждает исследователей использовать огромное количество критериев и оценок для выделения и изучения глобальных городов, в результате чего в научной литературе можно встретить множество терминов, описывающих такие города: мегаполис, мировой город, альфа-город, глобальный город и др.

Исходя из анализа существующих теоретических и эмпирических исследований, можно сделать вывод, что глобальный город представляет собой региональный центр, обладающий

значительным уровнем деловой активности, человеческим, информационным и культурным капиталом, развитой инфраструктурой и инновационным потенциалом. В этой связи город — это и «ворота в глобальный мир», что позволяет при наличии достаточных оснований говорить о роли города-региона в мировой политике. Наиболее интересным нам представляется вопрос о социогуманитарной составляющей субъектности городов в виде агломерационных территорий. Рассмотрим вопросы, связанные с возможностями агломераций по проведению в жизнь решений, касающихся дипломатии, а также культурной и научно-образовательной деятельности.

Постановка проблемы и цели исследования

Термин «мировой город» был введен в научный оборот ученым-урбанистом П. Геддесом в 1915 г. в труде «Эволюция городов», где он анализирует опыт средневековых городов-государств и пытается обнаружить похожие черты в современных городах, имеющих наибольшее влияние. Особым признаком мирового города является не только сила его влияния, но еще и его многовековая история. Постепенно теория «мировых городов» замещается теорией «глобальных городов». Автором новой теории стала С. Сассен, развившая идеи П. Дикена и Дж. Фридмана. Дикен подошел к проблеме со стороны геоэкономики и в своем главном труде «Global Shift: The Internationalisation of Economic Activity» [1] сосредоточил внимание на роли городов в производственных цепочках транснациональных корпораций. Для него глобальный город — это в первую очередь центр, выполняющий интернациональные экономические функции. Согласно Фридману, глобальные города — «города с явным доминированием в экономике прежде всего финансовой сферы и сектора услуг. Они тесно связаны системой коммуникаций и финансовыми транзакциями

и вместе составляют всемирную систему контроля над рыночной экспансией» [2].

Основные идеи теории Фридмана заключаются в следующем:

1) глобальный город имеет возможность интеграции в мировую экономику путем взаимодействия с мировым капиталом, он концентрирует в себе капитал, а также предоставляет площадку для осуществления функции контроля над капиталом;

2) глобальный город стремится к концентрации человеческих ресурсов;

3) глобальный город примечателен значительной поляризацией населения, как социальной, так и территориальной;

4) вследствие развития и роста глобальных городов финансовые возможности государства перестают покрывать их социальные издержки.

Но современный интерес к тематике исследования городов как самостоятельных субъектов мировой политики связан в первую очередь с работами С. Сассен [3] и П. Тейлора [4].

Во многом опираясь на идеи Фридмана, Сассен акцентирует внимание на роли городов

в процессах управления мировой экономикой. Международное разделение труда, как одно из следствий глобализации, привело к появлению «центров оказания высокотехнологичных услуг», которыми и являются глобальные города. Суммируя идеи Сассен и других исследователей, можно выделить виды услуг, оказываемых глобальным городом (см. табл. 1).

Группа международных исследователей – «Исследовательская группа глобализации и мировых городов» (Globalization and World Cities Study Group, GaWC) [5] во главе с П. Тейлором составила на основе работ С. Сассен рейтинг городов. Работа группы стала мостом от теоретического изучения глобальных городов к эмпирическому.

Сегодня существует множество классификаций городов по объему влияния, которые складываются на основе выделения их важнейших функций, механизмов их воздействия на мировые экономические потоки и политику. Среди классификаций можно выделить Индекс глобальных городов (The Global Power City Index – GPCI [6]), выпускаемый Институтом

Таблица 1

Услуги, предоставляемые глобальными городами
Services provided by global cities

Вид услуг	Способ реализации
Услуги в сфере дипломатии	Место присутствия дипломатических представительств других государств (наличие посольств и консульств), штаб-квартир и представительств межправительственных и неправительственных международных организаций (ММПО, МНПО)
Финансовые услуги	Размещение штаб-квартир транснациональных корпораций и банков, торговых площадок, инвестиционных компаний и рейтинговых агентств
Деловые услуги	Центры деловой активности и деловой инфраструктуры, пространство присутствия юридических фирм, рекламных и маркетинговых агентств, медиакорпораций
Услуги в политической сфере	Размещение важнейших государственных структур, политических партий, размещение штаб-квартир ММПО и МНПО. Центры политических маркетинговых и социальных исследований. Территория, где происходит «политическая история»
Услуги в сфере культуры и туризма	Проведение культурных мероприятий, предоставление необходимой инфраструктуры, создание модных трендов. Важнейшие центры культурного престижа и социализации населения
Услуги в сфере науки и образования	Центры коллективного пользования научным оборудованием, университеты (академическая мобильность профессорско-преподавательского состава и студентов)
Услуги в форме проектирования образа желаемого будущего	Разработка и моделирование, апробирование концепта «умные города», «технополисы», создание новых форм инфраструктуры и моделей социального поведения

стратегии развития городов совместно с Фондом им. Мори в Токио, и аналитические материалы Исследовательской группы глобализации и мировых городов (Globalization and World Cities Study Group – GAWC).

Результаты исследований с нашим участием по теме статьи представлены в работе 2015 г. «Роль глобальных городов в современной системе международных отношений» [7].

Феномен города как политической, социальной и экономической единицы мировой системы в условиях трансформации международных отношений и перехода к новому технологическому укладу представляет собой интересный предмет исследований. Ключевые вопросы – какую именно роль возьмет на себя данный субъект и каковы инструменты его взаимодействия с окружающей реальностью?

В отличие от европейских городов Средневековья и раннего Нового времени современные города не обладают военными ресурсами, их удел – экономика, технологии и политика, мода и формирование образов будущего. Кроме того, города стали важнейшими демографическими и социальными объектами политических, социальных и экономических субъектов. Города представлены в виде столичных округов, регионов, единиц административно-территориального деления. Но могут ли города сами стать субъектами международных отношений и какова их роль с точки зрения формирования рынка глобальных услуг?

Теория и практика «глобальных городов» и проблема их субъектности насчитывает уже несколько десятилетий. Города, и в первую очередь «города-регионы», «города-государства», «глобальные города» и города – «ворота в глобальный мир», стали по-настоящему узлами новой глобальной экономики, политики и новой социальной реальности, что позволяет нам рассмотреть в работе качественные изменения в характере воздействия агломераций на современные политические и социальные процессы в условиях текущего этапа глобализации.

Методология

Дж. Най рассматривает «мягкую силу» через призму представления и продвижения национальных интересов и ценностей на международной арене, но потребность отстаивания интересов может возникать и внутри государ-

ства, на региональном уровне. Поэтому можно расширить применение данного понятия и на города, тем самым раскрыв его многогранность и возможность применения на разных уровнях территориальных образований. Исследователь считает, что в этом смысле в мировой политике важно формировать повестку дня и привлекать других, а не только заставлять их меняться, угрожая военной силой или экономическими санкциями. Такая мягкая сила, благодаря которой другие хотят того же, что и вы, не принуждает, а привлекает людей [8]. Специфика реализации «мягкой силы» на различных уровнях территориальных образований представлена в табл. 2.

По нашему мнению, следует раскрыть ключевые аспекты воспроизводства «мягкой силы» посредством городов.

Для объяснения возможности участия глобального города в реализации государственной стратегии «мягкой силы» нужно обозначить несколько подходов к определению города:

- 1) город как место концентрации развитых инфраструктурных сетей;
- 2) город как среда обитания «глобального общества»;
- 3) город как система статусов и среда профессионализма;
- 4) город как мир горожан;
- 5) город как бренд.

Все эти подходы к определению города в совокупности характеризуют город как сложную, многокомпонентную систему, способную функционировать в качестве субъекта глобального рынка услуг и участника международных политических процессов. Публичная дипломатия реализуется через выстраивание множества горизонтальных связей на академическом, культурном, общественном уровнях. Сетевой подход к анализу концепции «мягкой силы» позволяет включить глобальные города в список участников ее реализации. Такие города играют значимую роль в процессе воспроизводства составляющих «мягкой силы» – идеологии и культуры.

Интересной представляется также методология исследований, предложенная в рамках проекта «Global Power City Index 2017 Summary» [9]. В этом междисциплинарном исследовании используются структурно-функциональный и мотивационный методы. Выделяются следующие

Таблица 2

**Специфика реализации «мягкой силы»
Specificity of the implementation of “soft power”**

Уровень	Субъект	Объект	Цели	Значение
Планетарный	Сетевая структура агломераций	Глобальные интересы и глобальные проблемы современности	Совместное решение глобальных проблем	Глобальный город
Макрорегиональный	Макрорегиональные агломерационные системы (трансевропейский мегалополис «Голубой банан»)	Проблемы диспропорции развития макрорегиона	Распределение труда и ресурсных потоков	Центр макрорегионального развития
Национальный	Агломерационные коридоры (Санкт-Петербург – Москва)	Достижение баланса интересов государства и региона во внутренней и внешней политике	Разрешение конфликта интересов	Зона культурного престижа и политической коммуникации
Региональный	Агломерация (Московская агломерация)	Проблемы распределения ресурсов, предоставляемых центром и инвесторами	Разрешение конфликта «регион – регион»	Социально-административный центр, ворота в глобальный мир
Локальный	Внутренняя структура агломерации (муниципалитеты, районы)	Проблемы внутреннего развития территории	Городское развитие	Место жизни, учебы, работы, досуга

функции: Economy, R&D, Cultural Interaction, Livability, Environment, Accessibility, а также субъекты, влияющие на городское развитие: Manager, Researcher, Artist, Visitor, Resident.

Результаты исследования

Города как центры дипломатической активности. Функционирование системы международных отношений обеспечивается при помощи дипломатии. Установление между государствами дипломатических отношений влечет за собой обмен дипломатическими представительствами. Количество представительств зависит от интенсивности межгосударственных связей. Как правило, они учреждаются в столице и стратегически важных городах страны.

Продолжая изучение роли городов в дипломатических связях между государствами, можно отметить, что процессы глобализации и нарастание взаимозависимости акторов мирополитической системы привели к появлению нового типа дипломатии – многосторонней, подразумевающей участие более двух сторон в процессе обсуждения и поиска решения проблемы. Мно-

гостороннюю дипломатию еще часто называют конференционной, так как она осуществляется в рамках специально созванной конференции, саммита, комиссии, семинара и т. п. В связи с этим город и городская инфраструктура задействуются при решении организационных и технических проблем, связанных, например, с местом проведения, размещением делегаций, предоставлением необходимых условий для работы.

При учете активности города также следует принимать во внимание количество сделок и договоров, подписанных в городе, проходящие в нем мероприятия и конференции. Высокий уровень политической активности города идентифицируется прежде всего через расположение в нем штаб-квартир и представительств международных структур – межправительственных и неправительственных международных организаций. В рейтинге по количеству штаб-квартир международных межправительственных организаций безоговорочным лидером является Нью-Йорк, в котором находятся ООН и ряд ее крупных структурных подразделений.

Стоит отметить, что развитая инфраструктура и транспортная доступность делают глобальный город привлекательным местом для размещения в нем главных офисов неправительственных организаций и движений, имеющих преимущественно транснациональную основу. Выгодное геополитическое положение и разветвленные политические, экономические и культурные связи глобального города используются акторами как крупный стратегический ресурс, приобретающий особое значение в рамках стратегического партнерства с государствами, на территории которых расположены города.

Города как центры науки и образования. Глобальные города являются центрами мирового масштаба в сфере развития науки и технологий. Во-первых, город – потребитель инноваций и новых технологий. Ему требуются инновации для решения как локальных задач (обустройство и развитие городской среды), так и глобальных (развитие транспортных и коммуникационных каналов, безопасность, защита окружающей среды). Во-вторых, глобальный город выступает в качестве «региона-эскалатора» [10] планетарного масштаба. Именно в нем готовятся специалисты для различных научных областей. Глобальный город является также основным поставщиком инновационных решений, креативных научных кадров.

Экономическое развитие в значительной мере опирается на сектор предоставления научных услуг. В городах располагаются и центры коллективного пользования, аффилированные к НИИ и университетам, что находит отражение в научных статьях, которые публикуют ученые. Получается, что «большая наука» делается в крупных научных центрах, располагающихся в глобальных городах. Это служит фактором миграции исследователей и ученых не только из России, но и из других стран мира.

Однако академическая мобильность затрагивает не только профессорско-преподавательский состав, но и студентов. Молодежную миграцию можно классифицировать разными способами. Самая многочисленная – это внутренняя миграция абитуриентов. По данным Комитета по науке и высшей школе правительства Санкт-Петербурга, в 2017 г. в вузы Северной столицы поступили порядка 70 % иногородних абитуриентов [11]. Это свиде-

тельствует о том, что города являются местом притяжения молодежи, в том числе перспективной и талантливой, но и порождает проблему нехватки общежитий и обостряет адаптационные процессы первокурсников к жизни в новом городе. Такие же проблемы появляются при внешней миграции абитуриентов, но по сравнению с внутренней она носит гораздо более скромный характер.

В условиях глобализации активизируется краткосрочная мобильность студентов. Ведущие вузы мира сотрудничают друг с другом и заключают договоры на проведение стажировок, обменных программ, программ двойного диплома. Это обеспечивает ротацию носителей знаний разных научных школ стран мира, что насыщает исследования новыми идеями и подходами, стимулирует развитие научного знания именно в глобальных городах, потому что региональные центры часто не имеют развитой научной инфраструктуры, следовательно, они менее конкурентоспособны перед глобальными научными центрами (в России ими являются не только Москва и Санкт-Петербург, но и Новосибирск, Томск, Владивосток и др.). В соответствии с этими же критериями проводится академическая мобильность исследователей и профессорско-преподавательского состава, подтверждением чему служит реализуемый Министерством образования и науки проект мегагрантов.

Развитие науки и образования стимулируют и местные власти, если это позволяет бюджет. Так, Комитет по науке и высшей школе Санкт-Петербурга осуществляет грантовую и стипендиальную поддержку как в системе среднего профессионального, так и в системе высшего образования, поддерживает молодых и уже состоявшихся ученых. Всё это формирует облик региона как центра образования и науки.

Города как центры культуры. В условиях глобализации конкурентным преимуществом города является обладание значительным культурным наследием. Всё чаще отмечается связь между высоким уровнем культуры и уровнем экономического развития. В глобальном городе предложение в сфере культуры выступает одним из элементов экономики. Обладание значительным культурным капиталом позволяет участвовать в проведении крупных мероприятий в

сфере культуры и искусства и активно развивать необходимую инфраструктуру для размещения туристов. Глобальный город выступает как центр «зоны культурного престижа» [12, с. 421], ориентир в уровне качества жизни. Можно сказать, что глобальный город становится и центром туристической деятельности, что проявляется в увеличении масштабов туризма и интенсивности туристических потоков.

Р. Коллинз рассматривает цивилизацию как «зону престижа», которая обладает сетевой структурой, образованной социальными контактами и потоками людей. Цивилизация как «зона престижа» отличается от цивилизации как культурной единицы. Цивилизация, по Коллинзу, выступает источником самоидентификации для представителей этой цивилизации, а также притягивает к себе тех, кто находится за ее пределами. В рамках этой теории города рассматриваются как цивилизационные центры — «зоны культурного престижа» цивилизаций, а цивилизация — как регион влияния глобального города.

На формирование «зон культурного престижа» влияют следующие факторы [13, с. 115]:

- уровень экономического развития, достаточный для обеспечения производства культуры;
- исторические предпосылки, культурное миссионерство;
- наличие множества социальных сетей, их пересечений;
- наличие стратегии развития, в том числе в области культуры;
- участие в системе отношений с другими культурными центрами, активное восприятие.

Глобальный город обладает достаточной экономической и инфраструктурной основой, а также достаточным спросом для воспроизведения культуры. В нем происходит пересечение множества глобальных сетей: научных, политических и т. д. Примером пересечения может служить обучение или повышение квалификации зарубежных специалистов, культурный обмен и т. п.

Города как центры коммуникации. Еще одна важная составляющая роли глобальных городов в концепции «мягкой силы» — это предоставление актерам коммуникаций для ее реализации. Основным каналом распространения «мягкой силы» являются коммуникационные

сети СМИ. Объем информационного обмена между городами позволяет актерам наиболее эффективно транслировать свои идеи и ценности предельно большим аудиториям. Также мы можем наблюдать неравномерность распределения информационных ресурсов в мире. Абсолютное большинство СМИ глобального значения расположены в глобальных городах. Техническая сторона вещания полностью зависит от возможностей сетей коммуникаций. Глобальный город в силу своего технологического и инфраструктурного развития может предоставить СМИ новейшие системы распространения информации. Таким образом, он принимает участие в создании и контроле информационных потоков, а значит, и в формировании глобальной повестки дня. К тому же авторитет глобального города усиливает статус новостей. Особое геополитическое положение дополняется способностью создавать, хранить и передавать колоссальные объемы информации. Глобальный город является сервером — местом хранения информации в мировом масштабе.

Инструментами города по распространению своего влияния служат мировые медиакорпорации, рекламные агентства, киностудии, глобально распространяющие информацию, в большинстве своем приобретающую политическую окраску. То, как город может быть использован актерами в качестве проводника «мягкой силы», зависит от «потенциала идеологической консолидации» [12, с. 430]. Любое общество имеет исторически сложившуюся систему ценностей, значимых символов и культурных стереотипов. «Потенциал идеологической консолидации» показывает степень готовности общества принять новые идеи, отличные от традиционных.

Кроме того, глобальный город выделяется концентрацией политической, административной и финансовой элиты. Под воздействием внешнего влияния происходит унификация жизни в пространстве глобальных городов. Культура города всегда была подвержена влиянию миграционных потоков, а глобализация в разы усилила это влияние. Одновременно с этим глобальные города задают уровень потребления для всего мира. С каждым годом в них съезжается всё больше и больше людей, причем как из развивающихся стран, так и из развитых. Такие города дают возможность получить признание,

развитие и более высокие доходы. Этот тезис подтверждается показателями урбанизации.

Глобальные города активно продвигают и популяризируют «городской» образ жизни. При этом такие города практически никогда не попадают в рейтинги по уровню «качества жизни» — причины их притягательности лежат в другой плоскости. Магнетизм города основан на предложении человеку огромного спектра возможностей для самореализации. Пространство глобального города — это высокотехнологичная среда, непрерывные процессы производства, моментальная коммуникация.

Насаждению и популяризации «глобально-го» образа жизни также активно способствуют транснациональные корпорации (ТНК). Для компании гораздо выгоднее иметь стандартизированный рынок, а не подстраиваться под национальную специфику. Но даже если компания идет по пути разработки специальной концепции продвижения своего товара, учитывая особенности рынка той ли иной страны, ей гораздо легче работать, используя ресурсы глобального города.

Заключение

В результате исследования мы предлагаем матрицу для составления рейтинга городов как агентов государств и самостоятельных игроков в процессе реализации коммуникационной стратегии «мягкой силы» и публичной дипломатии. Высшая фаза развития города — агломерация — это глобальный город или, как его еще называют, мировой город или альфа-город. Критерии, идентифицирующие данные важнейшие с экономической точки зрения урбанизированные регионы, аргументируют тезис о функционировании городов как субъектов публичной дипломатии и проводника «мягкой силы» на следующих основаниях:

1. Культура — количество и качество продуктов, производимых в сфере культуры (количество международных культурных обменов и мероприятий, объем туристических потоков).

2. Наука и образование — количество учебных заведений и научных институтов мирового уровня; количество программ обмена; наличие и количество грантов, выдаваемых муниципальными властями зарубежным ученым.

3. Дипломатия — оценка ресурсов города в сфере дипломатии и потенциал влияния в ре-

шении глобальных вопросов (обладание статусом столицы; число дипломатических представительств; участие муниципального уровня власти в международных мероприятиях; предоставление городом площадки для проведения международных мероприятий).

4. Коммуникационная среда — привлекательность города как места для жизни, досуга, взаимодействия, создания информации и обмена ею.

Если же включить в общую совокупность вопросы, связанные с ролью глобальных городов в современном мире, то мы можем увидеть следующее:

1. Уровень деловой активности — интенсивность коммуникационного взаимодействия элит, возможности по формированию групп интересов и групп давления на основе отраслевых интересов. Площадками для урегулирования баланса интересов могут стать международные или национальные отраслевые и экономические конференции, которые проводятся на платформе конурбаций.

2. Человеческий капитал — количество научно-образовательных кластеров, высших образовательных учреждений, входящих в число ведущих «центров знания» мира, наукоградов; студенты, аспиранты, преподавательский состав. Формирование научной, политической, экономической элиты происходит на базе глобальных городов, которые предлагают огромное количество возможностей для реализации собственного потенциала и включения в агломерационную среду в качестве ее полноценного и активного субъекта.

3. Информационный капитал — доля освещения международных новостей в ведущих местных СМИ, информационная и коммуникационная инфраструктура, количество корреспондентских пунктов СМИ глобального значения, базирующихся в данном городе. Именно в городах создаются информационные поводы, усиливаемые статусом столичности. Также агломерация сама по себе является брендом, что подразумевает наличие коммуникационных полей с высокой плотностью информации.

4. Культурный капитал — количественный и качественный показатель туристической привлекательности, музейных и выставочных площадок мирового уровня, участие в международных культурных проектах.

Наглядным примером диалога культур на агломерационном уровне является проведение выставки «Прадо в Эрмитаже» в Санкт-Петербурге и выставки «Шедевры Эрмитажа» в Мадриде в 2011 г. С точки зрения публичной дипломатии таким образом (в данном случае посредством неправительственных культурных организаций) осуществляется поток информационного межкультурного общественного обмена.

5. Политический вес — степень участия и значимость города в международной политической деятельности; уровень международных конференций, проводимых в городе; количество центров политических и международных исследований. Государственные акторы, концентрирующиеся в агломерациях, являются неотъемлемыми субъектами и публичной, и традиционной дипломатии.

6. Инновационный потенциал — количество прорывных открытий и технологий, доказавших свою эффективность на международном уровне и заимствованных другими городами и регионами. Осознание агломерационной идентичности происходит не только на уровне взаимодействия научных кластеров, но и на бытовом социальном уровне, что в обоих случаях является инструментом публичной дипломатии.

7. Инвестиционный капитал — объем инвестиций, количество офисов иностранных компаний, число заключенных контрактов при участии иностранного капитала. В условиях глобализации ТНК играют всё большую роль. В ряде случаев именно благодаря приходу в регион производства ТНК начинается процесс образования агломерации. Серьезным подспорьем экономической выгоде региона от осуществления деятельности ТНК на его территории является и развитая система корпоративной социальной ответственности, что опять же является инструментом публичной дипломатии [7, с. 52].

8. Интересным представляется и использование современного концепта «социотехнического воображаемого» [14] применительно к городу как центральной пространственной единице мира будущего. Утопии и антиутопии — глобалисты и фантасты довольно часто обращают свой научный и творческий поиск к проблематике агломерационного, а в сущности и базового, городского развития. Образы могут варьироваться от блестящих городов

науки и знаний (технополисов) до анклавов цивилизации, окруженных трущобами. Но, по нашему мнению, мир будущего должен исходить из того, что глобальные города и агломерации могут объединяться, создавая единую экономическую, инфраструктурную, производственную, транспортную, культурную сети, с целью образования сетевых мегаструктур будущего. В этой связи исследования урбанистов и философов в области науки и техники пересекаются в исследованиях, посвященных будущему городов.

9. Один из важнейших агломерационных ресурсов — человеческий капитал, лидеры мнений которого являются активными субъектами агломерации. Вообще агломерацию можно рассмотреть как быт людей, именующих себя представителями глобального общества. В связи с этим можно выделить несколько групп общности и определить тем самым сферы функционирования публичной дипломатии:

- представители инокультурной общности, проживающие в агломерации на постоянной основе (экспатрианты, руководители ТНК, дипломатические работники и члены их семей, деятели культуры и искусства);
- временно проживающие на территории агломерации (туристы; инвесторы; субъекты маятниковой миграции, которые работают в городе, но живут за его пределами; государственные служащие; военные);
- бывшие жители, возвращающиеся в родной город на определенное время;
- жители города.

Представители данных аудиторий могут выступать как субъекты, объекты, в том числе и как инструменты публичной дипломатии. Всё зависит от стратегических целей и задач, поставленных в ходе разработки программы развития агломерации и предоставления услуг.

Агломерации — это «ворота в глобальный мир», которые формируют надгосударственную и транснациональную сеть глобального масштаба, влияющую на эволюцию мирового сообщества и его составных частей. Наиболее яркие примеры «глобальных ворот» — самые большие агломерации развитого мира: Нью-Йорк, Лондон, Париж и Токио. Эти глобальные города представляют собой экономические центры развития макрорегионов (Северной Америки, Западной Европы) и государства — Японии.

Одним из способов взаимодействия между подобного рода территориальными образованиями, которые носят транснациональный и надгосударственный характер, является публичная дипломатия. Отличительные особенности публичной дипломатии в XXI в.: она осуществляется государственными и негосударственными субъектами; основывается на концепции «мягкой силы», управлении информационными потоками, брендинге государств и представленности в глобальной сети Интернет; подразумевает внутреннее измерение в любой внешнеполитической акции, так как в современном мире уже невозможно разделить внешне- и внутривнутриполитический дискурс [15, с. 32]. Вышеперечисленные особенности по сути являются и механизмами взаимодействия между агломерациями, т. е. агломерации уже выступают субъектами публичной дипломатии и играют существенную роль в формировании социального, технологического и политического пространства будущего.

Таким образом, глобальные города – это не просто территориальные образования, это узлы,

«зоны культурного престижа», «ворота в глобальный мир» – центры генерации глобальных услуг. Образование агломераций позволяет изменить подход к региональной политике развития, что приведет к полицентричности пространства, в том числе и на международном уровне, и процесс развития территорий будет происходить более равномерно. Транснациональная и надгосударственная коммуникация между агломерациями – это возможная модель по управлению миром будущего. Агломерации, выступая в качестве субъектов генерации глобальных услуг и публичной дипломатии, реализуют концепцию «мягкой силы», именно поэтому глобальные города стоит рассматривать не только как центры экономической мощи и транспортные узлы. Сделав больший упор на социально значимое партнерство, диалог культур, международное взаимодействие между агломерациями, в том числе и через категорию услуг, мы создадим своего рода добавленную ценность бренда территории, что, в свою очередь, приведет к еще большему экономическому процветанию городов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Dicken P.** Global Shift: The Internationalisation of Economic Activity. L., 1992. 512 p.
2. **Friedmann J.** The World City Hypothesis // *Development and Change*. 1986. Vol. 17, no. 1. Pp. 69–83.
3. **Sassen S.** The Global City: New York, London. Princeton: Princeton Univ. Press, 2001. 312 p.
4. **Taylor P.J.** New Political Geographies: Global Civil Society and Global Governance through World City Networks // *Political Geography*. 2005. Vol. 24. Pp. 703–730.
5. **Исследовательская группа глобализации и мировых городов.** URL: <http://www.lboro.ac.uk/gawc/> (дата обращения: 23.05.2018).
6. **Институт стратегии развития городов совместно с Фондом им. Мори в Токио.** URL: <http://mori-m-foundation.org.jp/wordpress/english/ius2> (дата обращения: 23.05.2018).
7. **Попов Д.Г., Фокина В.В.** Роль глобальных городов в современной системе международных отношений // *Управленческое консультирование*. 2015. № 2. С. 50–54.
8. **Nye J.S.** Soft Power. The Means to Success in World Politics. Cambridge, M.A.: Public Affairs, 2004. 130 p.
9. **Global Power City Index 2017. Summary.** URL: http://www.mori-m-foundation.or.jp/pdf/GPCI2017_en.pdf (дата обращения: 23.05.2018).
10. **Hill R.Ch., Kuniko Fujita.** The Nested City // A.J. Jacobs (ed.). *The World's Cities: Contrasting Regional, National and Global Perspectives*. L.: Routledge, 2013. Pp. 119–128.
11. **О первых** итогах приемной кампании в вузы Санкт-Петербурга. URL: <http://knvsh.gov.spb.ru/news/view/1028/#> (дата обращения: 14.03.2018).
12. **Collins R.** Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact // *International Sociology*. 2001. Vol. 16 (3). Pp. 421–437.
13. **Розов Н.С.** Геополитика, геоэкономика и геокультура: взаимосвязь динамических сфер в истории России // *Обществ. науки и современность*. 2011. № 4. С. 107–120.
14. **Jasanoff S.** Dreamscapes of modernity: Sociotechnical imaginaries and the fabrication of power // Jasanoff S., Sang-Hyung Kim. Chicago, L.: Univ. of Chicago Press, 2015. 360 p.
15. **Долинский А.** Дискурс о публичной дипломатии // *Международ. процессы*. 2011. № 1. С. 30–39.

Попов Дмитрий Геннадьевич

E-mail: klacik_p2@list.ru

Жабенко Илона Дмитриевна

E-mail: zhabenkoilona555@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 05.06.2018 г.

REFERENCES

- [1] **P. Dicken**, *Global Shift: The Internationalisation of Economic Activity*, London, 1992.
- [2] **J. Friedmann**, *The World City Hypothesis, Development and Change*, 17 (1) (1986) 69–83.
- [3] **S. Sassen**, *The Global City: New York, London*, Princeton Univ. Press, Princeton, 2001.
- [4] **P.J. Taylor**, *New Political Geographies: Global Civil Society and Global Governance through World City Networks*, *Political Geography*, 24 (2005) 703–730.
- [5] [**Globalization and World Cities Research Network**]. Available at: <http://www.lboro.ac.uk/gawc/> (accessed 23.05.2018).
- [6] [**The Institute for Urban Strategies (IUS) at the Mori Memorial Foundation**]. Available at: <http://mori-m-foundation.or.jp/wordpress/english/ius2> (accessed 23.05.2018).
- [7] **D.G. Popov, V.V. Fokina**, [The Role of “Global Cities” in the Modern System of International Relations], *Administrative consulting*, 2 (2015) 50–54.
- [8] **J.S. Nye**, *Soft Power. The Means to Success in World Politics*, Public Affairs, Cambridge, 2004.
- [9] **Global Power City Index 2017. Summary**. Available at: http://www.mori-m-foundation.or.jp/pdf/GPCI2017_en.pdf (accessed 23.05.2018).
- [10] **R.Ch. Hill, Kuniko Fujita**, *The Nested City*, in: A.J. Jacobs (ed.). *The World’s Cities: Contrasting Regional, National and Global Perspectives*, Routledge, London, 2013. Pp. 119–128.
- [11] [**The first results of the admission campaign in St. Petersburg universities**]. Available at: <http://knvsh.gov.spb.ru/news/view/1028/#> (accessed 14.03.2018).
- [12] **R. Collins**, *Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact*, *International Sociology*, 16 (3) (2001) 421–437.
- [13] **N.S. Rozov**, [Geopolitics, geoeconomy and geoculture; the interconnection of the dynamic spheres in Russian history], *Social sciences and modernity*, 4 (2011) 107–120.
- [14] **S. Jasanoff**, *Dreamscapes of modernity: Sociotechnical imaginaries and the fabrication of power*, in: S. Jasanoff, Sang-Hyung Kim, Univ. of Chicago Press, Chicago, London, 2015.
- [15] **A. Dolinskiy**, [Discourse on the public diplomacy], *International protests*, 1 (2011) 30–39.

Popov Dmitriy G.

E-mail: klacik_p2@list.ru

Zhabenko Iona D.

E-mail: zhabenkoilona555@rambler.ru

Received 05.06.2018.

DOI: 10.18721/JHSS.9304

УДК 327; 32.019.52

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ (РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ, РОССИЯ – СЕВЕРНАЯ КАРЕЛИЯ, ФИНЛЯНДИЯ)*

Е.А. Шлапеко, С.В. Степанова

Институт экономики Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Российская Федерация

В настоящее время в разных частях мира можно наблюдать процессы интеграции, сопровождающиеся, в условиях добрососедских отношений, увеличением числа контактов в различных сферах между жителями приграничных территорий сопредельных государств. Уникальность трансграничной территории заключается в «эффекте соседства», который проявляется в формировании специфического социокультурного пространства с чертами локальных сообществ по разные стороны границы. Процессы интеграции и «эффект соседства», в частности на российско-финляндской границе, становятся предметом как публичной, так и академической дискуссии. Приграничное положение Республики Карелия (Россия) и Северной Карелии (Финляндия) способствует развитию повседневных практик соседства, появлению новых форм взаимодействия на основе сложившегося опыта в прошлом. В статье исследуется процесс формирования трансграничного социокультурного пространства в российско-финляндском приграничье. Проведен анализ повседневных практик взаимодействия в приграничье на примере шопинг-туризма, совместных проектов и народной дипломатии. Обозначены предпосылки и этапы формирования трансграничного социокультурного пространства Республики Карелия и Северной Карелии. Выявлено усиление динамики трансграничных контактов в приграничье. Авторы статьи приходят к выводу, что трансграничное взаимодействие оказывает положительное влияние на развитие добрососедских отношений и активизирует локальные сообщества не только для создания сетей сотрудничества и налаживания прямых связей, но и для развития инициатив местных сообществ, повышения взаимопонимания, доверия и осведомленности.

Ключевые слова: социокультурное пространство; приграничный регион; российско-финляндское приграничье; трансграничная мобильность; Республика Карелия; Северная Карелия

Ссылка при цитировании: Шлапеко Е.А., Степанова С.В. Формирование трансграничного социокультурного пространства в российско-финляндском приграничье (Республика Карелия, Россия – Северная Карелия, Финляндия) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 39–48. DOI: 10.18721/JHSS.9304

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания АААА-А16-116122810228-6 от 19.01.2016 г. по теме «Методология исследования эволюции северных периферийных регионов и разработка механизмов управления их экономическим развитием».

FORMATION OF CROSS-BORDER SOCIO-CULTURAL SPACE OF KARELIA (REPUBLIC OF KARELIA, RUSSIA – NORTH KARELIA, FINLAND)

E.A. Shlapeko, S.V. Stepanova

Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation

Currently, integration processes can be observed in different parts of the world; provided good neighborly relations, these processes are accompanied by an increase in the number of contacts in various spheres between residents of the bordering territories. A cross-border territory is unique because of the “neighborhood effect” of a peculiar socio-cultural space forming, with features of local communities on different sides of the border. The integration processes and the “neighborhood effect” are the subject of both public and academic discussions, including the Russian-Finnish border. The border location of Republic of Karelia (Russia) and North Karelia (Finland) contribute to everyday neighborhood practices developing, to new forms of interaction based on past experience emerging. The goal of the study is to examine the formation of the cross-border socio-cultural space in the Russian-Finnish borderland. The analysis of everyday interaction practices in the Karelian-Finnish border area is illustrated by the examples of shopping tourism, joint projects and people’s diplomacy. The article outlines the prerequisites and stages in the formation of the cross-border socio-cultural space of the Republic of Karelia (Russia) and North Karelia (Finland). The increase of cross-border contacts in the Karelian-Finnish border has been revealed. It is concluded that cross-border cooperation has a positive effect on the development of good neighborly relations and stimulates local communities.

Keywords: socio-cultural space; border region; Karelian-Finnish borderland; cross-border mobility; Republic of Karelia; North Karelia

Citation: E.A. Shlapeko, S.V. Stepanova, Formation of cross-border socio-cultural space of Karelia (Republic of Karelia, Russia – North Karelia, Finland), St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (3) (2018) 39–48. DOI: 10.18721/JHSS.9304

Введение

Усиление роли приграничных и трансграничных территорий в процессе трансформации социокультурного пространства мира обуславливает значительный исследовательский интерес к данной проблематике со стороны научного сообщества. Расширение региональной интеграции (ЕС, НАФТА, АТЭС и др.) в конце XX в. способствовало ренессансу приграничных и трансграничных исследований (Border Studies). Согласно Т.Н. Кучинской, взаимодействие приграничных регионов приводит к «взаимопроникновению культур, их взаимному обогащению, способствуя формированию нового социокультурного образования – транс-

граничного пространства» [1, с. 54]. Характеристикой трансграничного социокультурного пространства выступают разнообразные межкультурные взаимодействия – социокультурные практики [2, с. 80]. Изучение развития трансграничного социокультурного пространства представляется актуальным направлением научных исследований, что обусловлено выявлением как положительных эффектов для развития приграничных российских территорий, так и негативных тенденций [3, с. 63].

Впервые транснациональное пространство в кросс-культурном контексте начали рассматривать в своих трудах зарубежные исследователи в XX в., применяя историко-генетические,

феноменологические и иные подходы [2, с. 82]. Согласно С.Л. Баринову, европейские ученые наибольшее внимание уделяют проблематике исследования предпосылок и условий формирования трансграничных пространств, с основным акцентом на локальный уровень взаимодействия, социокультурные коммуникации [4, с. 47].

Проблематика исследования трансграничного пространства в культурно-философском контексте раскрывается в трудах российских исследователей: А.С. Панарина, М.М. Решетникова, А.И. Уткина и др. Методологические и теоретические проблемы исследования пространственной организации жизни общества нашли отражение в работах отечественных географов, экономистов, политологов. На современном этапе новый импульс развития получили относительно новые концепции соседства [5], близости и удаленности [6], в которых потенциал взаимодействия рассматривается не только через призму физического расстояния или транспортных издержек, но и с учетом влияния нематериальных факторов: локальных институциональных условий, культурной среды, социальных сетей, делового и жизненного опыта ключевых акторов и т. д.

Для определения культурного пространства используются следующие модели: *физико-географическая*, подразумевающая локальные культурные пространства, связанные с национальными традициями и обычаями, характерными для территории; *семиотическая*, рассматривающая культуру как совокупность знаковых систем, при помощи которых происходит межкультурная коммуникация; *социальная*, где ценности действуют в качестве структурирующего механизма, одновременно определяя границы пространств [7, с. 149]. Приграничное сотрудничество рассматривается как форма социализации населения сопредельных регионов в условиях культурного многообразия, формирования многоэтнического сообщества в рамках трансграничных пространств. Приграничные зоны характеризуются наличием заимствованных культурных явлений, готовностью к культурному взаимодействию, некоторой общностью мировоззренческих установок населения [3, с. 66].

Значительный вклад в развитие исследований трансграничного социокультурного пространства Забайкальского края РФ внесли Н.А. Абрамова, Н.С. Зиминая, Т.В. Колпакова

Т.Н. Кучинская, В.С. Морозова, К.С. Дубровская и др.

В области северо-европейской регионалистики накоплен большой объем междисциплинарных работ, посвященных вопросам интеграции стран Северной Европы, субрегиональным организациям и межрегиональному сотрудничеству. Среди них можно выделить работы зарубежных ученых П. Йоземи, Дж. Скотта, М. Перкманна, А. Пааси и российских исследователей: К.В. Воронова, Ю.С. Дерябина, О.В. Зарецкой, Ю.В. Косова, Н.М. Межевича и др. С 1990-х гг. тема участия регионов в развитии внешних связей государства привлекает внимание российских исследователей в контексте более активного участия северо-западных регионов России в трансграничных инициативах Евросоюза и стран Северной Европы. Эта тема нашла свое отражение в работах А.С. Макарычева, Н.Ю. Маркушиной, А.А. Сергунина, Н.К. Харлампьевой, Г.О. Ярового.

Постановка проблемы и цели исследования

Несмотря на возрастающий интерес научного сообщества к проблематике приграничного сотрудничества, изучению международных контактов Республики Карелия и приграничных регионов Финляндии посвящены единичные исследования, в которых внимание сконцентрировано в основном на экономических и исторических аспектах сотрудничества. Недостаточно изучены региональная специфика и практики трансграничного социокультурного взаимодействия в приграничье. Целью нашего исследования является рассмотрение процесса формирования трансграничного социокультурного пространства в российско-финляндском приграничье. Для этого на основе междисциплинарного подхода мы выделим исторические этапы развития трансграничных социокультурных взаимодействий, попытаемся выявить предпосылки формирования трансграничного социокультурного пространства «Карелия», а также рассмотрим современные практики сотрудничества в различных сферах и положительные аспекты формирования трансграничного социокультурного пространства.

Методология

Исследование базируется на работах российских и зарубежных исследователей по изу-

чаемой проблематике, открытых данных интернет-источников, а также на наших собственных наблюдениях. В работе применен междисциплинарный подход, рассматривающий пространственно-региональную организацию жизнедеятельности общества, конструирование и структуру приграничья в рамках философских, культурно-цивилизационных, географических, геополитических, регионоведческих теорий.

Результаты исследования

Предпосылки формирования трансграничного социокультурного пространства «Карелия». В развитии трансграничного социокультурного взаимодействия в российско-финляндском приграничье выделяют три этапа, что обусловлено аспектами взаимодействия государств и спецификой развития приграничья в историческом контексте:

- довоенный период (до 1940 г.);
- советский период (1940–1991 гг.);
- российский период (с 90-х гг. XX в. по настоящее время).

К историческим карело-финским практикам можно отнести корабельничество (разносную торговлю), которое получило распространение в XIX–XX вв. и имело решающее значение в получении «живых» денег для большинства карельских крестьян [8, с. 133]. В советский период истории страны государственная граница разделяла разные ментальные, культурные, политические и экономические миры. Идеологические установки, наряду с системой воспитания, формировали представления и стереотипы в сознании жителей приграничья по отношению к друг другу [9, с. 127]. Вместе с тем внешнеполитические отношения Финляндии и СССР основывались на Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (1948 г.) и поддерживались деятельностью общества «Финляндия – Советский Союз». В 1962 г. было образовано Карельское отделение общества, которое занималось систематическим обменом туристами с Финляндией, проводило показы фильмов этой страны, способствовало увеличению тиража финских журналов и газет, постановке спектаклей на финском языке и обмену культурными делегациями.

В 1994 г. город Йоэнсуу (Северная Карелия) стал побратимом города Петрозаводска, побратимские связи были установлены также с го-

родами Сортавала и Суоярви. Сотрудничество породненных городов создало уникальные возможности для прямого обмена опытом в таких сферах, как городское хозяйство, устойчивое развитие и применение передовых управленческих технологий. Развитие разносторонних общественных контактов способствовало взаимопониманию и формированию позитивного отношения локальных сообществ приграничных территорий.

На рубеже XX и XXI вв. социально-экономические преобразования, изменение геополитического положения России на мировой арене положили начало выстраиванию качественно нового политического, экономического и культурного диалога с зарубежными государствами. «Открытие» внешних границ, упрощение визового режима, появление международных пунктов пропуска сыграли положительную роль в активизации трансграничной мобильности в приграничье, включая скачок числа финских «ностальгических» туристов (до 700 тыс. человек в год) на территории Республики Карелия, в первую очередь в приграничных ее районах [10, с. 140].

С вступлением Финляндии в Евросоюз (1995 г.) в ее региональном сотрудничестве с Республикой Карелия произошли существенные изменения, что выразилось в усилении роли региональных союзов. В 2000 г. был создан Еврорегион «Карелия», который объединил Республику Карелия с финскими приграничными провинциями Кайнуу, Северная Карелия и Северная Остроботния [11]. В начале третьего тысячелетия Республика Карелия, единственная среди регионов СЗФО, приняла региональную программу приграничного сотрудничества. Программа на период 2001–2006 гг. представляла собой ответ на трансграничные инициативы Евросоюза, в частности программы Интеррег IIIВ и Интеррег IIIА (включая подпрограмму Интеррег IIIА-Карелия). Целью совместной карело-финской программы «Наша общая граница 2001–2006» стало привлечение внимания к принятию решений по вопросам трансграничного сотрудничества на региональном уровне. В новый программный период решения по поддержке проектов стали приниматься на уровне Еврорегиона «Карелия» («Добрососедство – Еврорегион „Карелия“», 2006–2009 гг.). Несмотря на критику российских еврореги-

онов, и в частности Еврорегиона «Карелия», привлеченные средства позволили реализовать ряд крупномасштабных проектов, в том числе по модернизации пограничных пунктов пропуска, развитию гражданского и информационного общества.

Повседневные практики соседства в современных условиях приводят к появлению новых форм трансграничного взаимодействия в российско-финляндском приграничье. Так, на этих территориях широкое распространение получили такие практики сотрудничества, как приграничный шопинг-туризм, реализация совместных проектов и народная (общественная) дипломатия.

Практика приграничной торговли и шопинг-туризма. Развитие приграничной торговли (шопинг-туризма) – проявление современности, одна из популярных практик потребления жителей сопредельных государств. В научной литературе, в большей степени в зарубежной, накоплен достаточный опыт осмысления сущности и специфики возникновения феномена трансграничного шопинга [12]. Относительно российско-финляндского приграничья следует отметить работы финских исследователей О. Гуровой и С. Ратиланен по проблематике трансграничного шопинга [13]. Однако такие исследования достаточно фрагментарны и не позволяют определить сущность и специфику явления, ставшего одним из значимых сфер деятельности местного населения приграничных территорий.

Российские туристы (преимущественно жители приграничных районов) – самая многочисленная группа иностранных посетителей Финляндии, въезжающих в страну с туристскими целями. Российские предприниматели и индивидуальные шопинг-туристы являются источником благосостояния для определенной доли жителей финских приграничных районов. В экономическом плане развитие приграничного шопинг-туризма имеет существенное значение для активизации локальной экономики и приграничных территорий в целом по обе стороны границы [8, с. 135]. Поездки жителей Республики Карелия в Финляндию за покупками и в гости к родственникам и друзьям популярны. Наличие Петрозаводского отделения генерального консульства Финляндии в Санкт-Петер-

бурге и визового центра значительно упрощает процедуру получения визы жителям Карелии, которые могут оформить ее сроком на два года и продолжительностью 360 дней.

Для активизации шопинг-туризма в приграничных районах финский бизнес предпринимает стимулирующие меры: обслуживание туристов, включая систему навигации, на русском языке, выпуск русскоязычной информационно-туристской литературы, создание сайтов [10, 13].

Основными факторами, оказывающими положительное влияние на развитие шопинг-туризма в приграничье, являются:

- *территориальная близость*: расстояние от Петрозаводска (Республика Карелия) до города Йоэнсуу (Северная Карелия), по пути следования международного туристского маршрута «Голубая дорога», около 370 км, а от приграничного города Сортавала (Республика Карелия) – менее 140 км;

- *уровень развития транспортной и придорожной инфраструктуры*: развитая транспортная инфраструктура Северной Карелии и активно развивающаяся придорожная инфраструктура в Республике Карелия (обустройство площадок для отдыха, кафе, появление информационных указателей и пр.) создают условия для активизации трансграничной мобильности в приграничных районах;

- *удобный режим работы международных автомобильных пунктов пропуска*: например, МАПП Вяртсиля – Ниирала, характеризующийся наибольшей пропускной способностью, имеет круглосуточный режим работы; еще два пункта пропуска работают в дневное время 12 часов и более;

- *ценовая политика*: самыми популярными финскими товарами у россиян являются продукты питания (сыр, молочные продукты, рыба, чай и кофе, сладости) и хозяйственные товары, финские же граждане приезжают на территорию Республики Карелия с целью приобретения топлива, сигарет, алкоголя, а также сравнительно недорогой электроники, косметики, одежды и обуви;

- *удобный режим работы магазинов, особенно в периоды выходных и праздничных дней*, широкие возможности проведения свободного времени на территориях по обе стороны границы, а также схожесть финно-угорских языков

(финский, карельский, вепсский), облегчающая коммуникацию.

Развитие приграничного шопинг-туризма представляется современным проявлением повседневных практик соседства жителей приграничных территорий Республики Карелия и Северной Карелии. Наличие доброжелательности местного населения по отношению к жителям сопредельного государства, проявляющейся по обе стороны границы, формирует климат добрососедства и способствует развитию трансграничных контактов и обменов. Экономический, культурный, психологический и иные факторы оказывают положительное влияние на формирование трансграничного социокультурного пространства Карелии.

Карелия в проектах трансграничного сотрудничества. Развитие сотрудничества между сопредельными регионами Финляндии и России нацелено на поддержку развития их экономики и общества, расширение взаимодействия органов власти, коммерческих структур и граждан в этих регионах: сначала в рамках реализации соглашения о сотрудничестве в Мурманской области, Республике Карелия, Санкт-Петербурге и Ленинградской области осуществлялись двусторонние межрегиональные проекты на основе финского финансирования, затем с привлечением средств европейских программ, а на современном этапе и с паритетным участием Российской Федерации. Площадкой для обсуждения инициатив и согласования планов по программам приграничного сотрудничества (ППС) стал Еврорегион «Карелия».

Программно-проектный подход международного сотрудничества успешно реализуется на европейском пространстве. Программы приграничного и многостороннего сотрудничества – уникальные инструменты, позволяющие развивать местные и региональные инициативы территорий. Участникам проектной деятельности предоставляется конкурентное преимущество – возможность использовать зарубежный опыт и привлекать дополнительные источники финансирования. За пять лет действия ППС «Карелия» реализовано 66 проектов на сумму 42 млн евро, 30 % из которых было использовано на финансирование инфраструктурных проектов [14]. Тематические задачи согласуются с государственными приоритетам

развития СЗФО РФ и призваны сделать пространство реализации программы привлекательным для жизни людей и ведения бизнеса. В частности, приграничное и межрегиональное сотрудничество является одним из важнейших инструментов в реализации задач Концепции социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2022 г.

Количество проектов и финансирование заявочных раундов распределяют приблизительно равномерно – не более 11 проектов и не более 6,3 млн евро на каждый раунд (см. таблицу). В дополнение к обычным проектам, отбираемым в ходе туров, в рамках программы «Карелия» были профинансированы крупномасштабные (инфраструктурные) проекты, имеющие прямое трансграничное значение и носящие инвестиционный характер. Например, модернизация МАПП Вяртсиля – Нийрала позволила уменьшить время прохождения границы, повысилась дорожная безопасность приграничных территорий на участке Сювяро – Париккала.

Распределение проектов по темам заявочных раундов ППС «Карелия» [14]
Distribution of projects on the topics of the application rounds of the “Karelia”

Название раунда	Количество			Объем финансирования, евро
	концепций	заявок	победителей	
Пространственное планирование	59	18	11	4 799 271
Туризм	25	13	11	6 151 849
Лес и энергетика	24	12	10	6 210 972
Культура	37	20	9	3 617 503
Здоровье и благополучие	19	12	11	3 698 433
Устойчивое использование природных ресурсов	–	19	9	3 957 767
Крупномасштабные проекты	5	5	5	13 915 947
<i>Итого</i>	<i>169</i>	<i>99</i>	<i>66</i>	<i>42 351 742</i>

Например, в рамках первого заявочного тура были заложены основы формирования творческого приграничного кластера («Центр дизайна

и ремесленный бизнес-инкубатор») и развития инновационной предпринимательской среды, разработаны архитектурные концепции и маркетинговые стратегии прибрежных территорий («Города у воды – новые возможности для развития бизнеса»), внедрены технологические и экологические методы освоения пространства периферийных территорий и совершенствования систем водоснабжения [14]. Реализация проектов по туристической тематике (второй заявочный тур) позволила создать семейные центры музейной педагогики, молодежный центр для предоставления туристических и образовательных услуг (Matka.ru), разработать мобильные сервисы в помощь туристу (Smart e-Tourism), открыть информационные туристские центры в муниципалитетах Республики Карелия. Среди конкретных результатов заявочного тура «Сотрудничество в лесном секторе» укрепление делового сотрудничества в лесной и деревообрабатывающей промышленности в регионе Кайнуу (Финляндия) и городе Костомукша, введение в пользование более экологичного источника энергоснабжения в деревне Вокнаволок (Россия). В числе представленных двусторонних инициатив по раунду культура – проекты по развитию сети этнокультурных центров, внедрению информационных технологий и новых форм работы в деятельность учреждений культуры, поддержке талантливой молодежи и сохранению культурного наследия.

Трансграничные взаимодействия становятся фактором, оказывающим ключевое влияние на мировоззрение людей, их восприятие действительности и в конечном итоге на территориальное развитие. По мнению жителей Республики Карелия, ППС способствует укреплению стабильности и социально-экономическому развитию приграничных территорий [15]. Проекты в значительной мере способствуют вовлеченности местных жителей в международное сотрудничество и установлению тесных контактов как между отдельными гражданами, так и между различными организациями. В общей сложности в ППС «Карелия» приняли участие 244 организации: региональные и городские администрации, коммерческие и некоммерческие структуры, учреждения образования, науки, здравоохранения и культуры, другие организации.

Таким образом, можно говорить о том, что социокультурное пространство приграничных

территорий Еврорегиона «Карелия» трансформируется благодаря реализации ППС, сближая их население и улучшая качество его жизни. Среди значительных достижений программы можно отметить не только интенсификацию приграничного сотрудничества, но и стимулирование регионального развития, улучшение предпринимательской среды.

Народная дипломатия в российско-финляндском приграничье. Развитие межгосударственных отношений в последние десятилетия продемонстрировало возрастание роли народной (общественной) дипломатии, которая укрепляет социокультурное сотрудничество, добрососедство и атмосферу безопасности, служит инструментом «мягкой силы», повышающим привлекательность региона и страны, языка, культуры и образа жизни. Благодаря деятельности общественных организаций коренных народов Карелии, их представительству в различных международных и субрегиональных организациях (например, в Международном консультативном комитете финно-угорских народов, экспертном механизме ООН), этнокультурное развитие народов стало важной частью современной национальной политики Республики Карелия [16, с. 156]. Консультативный комитет финно-угорских народов реализует множество проектов по изучению языков малочисленных народов, поддержке ремесел, народных промыслов. Проводятся национально-культурные праздники, осуществляется просветительско-издательская деятельность.

Так, в Республике Карелия на финском языке ежемесячно выходят детский журнал «Kipinä» («Искорка») и литературно-художественный и общественно-политический журнал «Carelia». На территории Финляндии также ведется деятельность ряда СМИ на русском языке, из которых самой крупной является местная газета «Спектр». Изучение финского языка осуществляется на кафедре прибалтийско-финской филологии ПетрГУ, в общеобразовательных школах и дошкольных учреждениях региона, а также в ряде коммерческих центров по изучению иностранных языков. Намечилась тенденция увеличения количества детей, обучающихся национальным языкам. В дошкольных образовательных учреждениях в 2017/18 учебном году карельский, вепсский и

финский язык изучали 1166 воспитанников, а в школах – 6820 учеников.

В Северной Карелии в 2017 г. насчитывалось порядка 3880 иностранных граждан из 106 стран; самые многочисленные из них россияне (43,2 %), следующими по численности являются эстонцы (5,2 %), сомалийцы и тайцы (совокупно 3,8 %) [17]. В столичном городе Йоэнсуу при общей численности населения 76 067 человек проживало 2344 иностранца, из них 955 человек из России [18]. Большинство приезжих – это молодежь, что объясняется наличием в городе Университета прикладных наук «Карелия», Университета Восточной Финляндии, профессиональных колледжей (Учебный консорциум Северной Карелии), а также доступными программами обучения не только на финском, но и на английском языке.

Русский язык в Северной Карелии преподается как в школах, так и высших учебных заведениях. Например, финско-русская школа Восточной Финляндии, основанная по приказу министерства образования страны в 1997 г. для поддержания и развития русского языка и культуры, является единственной в Финляндии школой со специализацией на русском языке за пределами столичного региона и имеет три отделения – в городах Лаппеенранта, Иматра и Йоэнсуу. Таким образом, к основным источникам представлений жителей приграничных территорий друг о друге в настоящее время можно отнести: общение с родственниками и друзьями, проживающими на территории сопредельного государства или часто посещающими данную страну; СМИ; интернет-ресурсы и социальные сети, а также личный опыт посещения соседней страны.

В рамках сотрудничества с финскими партнерами постоянными организаторами мероприятий являются общества дружбы «Карелия – Финляндия» и «Финляндия – Россия». Например, в 2011 г. при поддержке фонда «Русский мир» в городе Йоэнсуу проходили Дни русской культуры, включающие семинары по русскому языку и литературе, викторины и спектакли для детей, интерактивную экспозицию «Ремесло и прикладное искусство Руси», а также литературно-концертные программы и выставки. В том же году были проведены Дни Финляндии в Петрозаводске с участием финских ученых, музыкантов, художников и

артистов. В декабре 2017 г. состоялся юбилейный XX фестиваль «Неделя кино Финляндии в Петрозаводске» (к 100-летию независимости Финляндии), организованный Петрозаводским отделением генерального консульства этой страны в Санкт-Петербурге. На регулярной основе осуществляется взаимная гастрольная деятельность творческих коллективов Республики Карелия и Северной Карелии. Национальный театр Республики Карелия является единственным театром за пределами Финляндии, где спектакли ставятся на финском, карельском и русском языках. Популярны в Финляндии карельские группы и коллективы «Myllärit», «Sattuma», «Santtu Karhu».

Таким образом, в современных сложных внешнеполитических условиях трансграничное сотрудничество некоммерческих организаций позволяет наладить позитивное взаимодействие между людьми, учреждениями, городами и регионами вне «большой политики» и политических противоречий.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить три этапа формирования и развития трансграничного социокультурного пространства «Карелия» (довоенный, советский и современный, российский), характеризующиеся различным уровнем и интенсивностью взаимодействия государств и спецификой развития приграничья в исторической ретроспективе. Следует подчеркнуть, что формирование его происходит «снизу» по инициативе локальных сообществ (бизнеса, региональных и муниципальных органов власти, некоммерческого сектора и общества). Наибольшее проявление трансграничной социокультурной специфики наблюдается в следующих сферах: культуре и искусстве, проектной деятельности, образовании, туризме, информационном пространстве.

В настоящее время в российско-финляндском приграничье отмечается усиление динамики трансграничных контактов. Совместная реализация проектов, ежедневная трансграничная мобильность, взаимный интерес к культуре и языку территорий свидетельствуют о формировании общего пространства приграничного межкультурного взаимодействия. Резюмируя, следует еще раз подчеркнуть значимость развития приграничного социокультурного про-

странства для активизации локальной экономики и приграничных территорий в целом по обе стороны государственной границы, что

подтверждается распространением практик шопинг-туризма, народной дипломатии и проектной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кучинская Т.Н.** Трансграничье как потенциальное пространство соразвития России и Китая // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сб. Восточного центра. 2012. № 11. С. 51–59.
2. **Абрамова Н.А.** Формирование трансграничного социокультурного пространства в условиях российско-китайского приграничья // Вестник ЗабГУ. 2012. № 9 (88). С. 80–84.
3. **Морозова В.С.** Восточный вектор России в социокультурном пространстве приграничного взаимодействия Российская Федерация – Китайская Народная Республика: интеграция, соразвитие или диалог? // Российско-китайские исследования. 2017. Т. 1, № 1. С. 63–71.
4. **Баринov С.Л.** Барьеры приграничных социокультурных коммуникаций в зоне нового западного приграничья России // Изв. РАН. Сер. Географическая. 2011. № 1. С. 45–54.
5. **Вардомский Л.Б.** Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 23–40. DOI: 10.14530/se.2017.4.023-040.
6. **Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н.** Концепция близости: зарубежный опыт и перспективы применения в России // Изв. РАН. Сер. Географическая. 2017. № 3. С. 8–21.
7. **Касаткин П.И.** Культурное пространство: аксиологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 4. С. 145–156.
8. **Шлапекo Е.А., Степанова С.В.** Развитие приграничной торговли в России: общие тенденции и особенности // Вестн. Забайкальского гос. ун-та. 2017. Т. 23, № 1. С. 130–139.
9. **Илюха О.П.** Повседневность советско-финляндского пограничья 1930-х годов в воспоминаниях о детстве // Тр. Карельского науч. центра РАН. 2012. № 4. С. 124–133.
10. **Степанова С.В.** Приграничный туризм на северо-западе Российской Федерации: общие тенденции и особенности развития // Балтийский регион. 2014. № 3 (21). С. 132–144.
11. **Еврорегион «Карелия».** URL: <http://www.euregiokarelia.com/ru/web/euregiokarelia/> (дата обращения: 17.07.2018).
12. **Makkonen T.** Cross-border shopping and tourism destination marketing: the case of Southern Jutland, Denmark // Scandinavian journal of hospitality and tourism. 2016. Vol. 16. Suppl. 1. Pp. 36–50. DOI: 10.1080/15022250.2016.1244506.
13. **Гурова О., Ратилайнен С.** «Турист с Востока»: очерк о восприятии российского потребителя финской прессой // Экон. социология. 2015. Т. 16, № 3. С. 26–45.
14. **Official** web-site of the cross-border cooperation program «Karelia». URL: <http://www.kareliaenpi.eu/> (дата обращения: 09.07.2018).
15. **Милокова И.А., Терентьев К.Ю., Такала И.Р. и др.** Финляндия глазами жителей Республики Карелия: социологический опрос 2017 // Альм. северо-европейских и балтийских исследований. 2017. Вып. 2. DOI: 10.15393/j103.art.2017.785.
16. **Шлапекo Е.А.** Институт общественной дипломатии и его место в трансграничном социокультурном пространстве // Ойкумена. Регионовед. исследования. 2017. № 1. С. 152–162.
17. **Joensuu kaupunki.** URL: <http://www.joensuu.fi/joensuu-lukuina> (дата обращения: 15.05.2018).
18. **Pohjois-Karjala.** URL: <https://tem.fi/documents/1410877/6463080/Pohjois-Karjala.pdf/3177b387-e039-4621-be26-6197795098c3/Pohjois-Karjala.pdf.pdf> (дата обращения: 16.06.2018).

Шлапекo Екатерина Андреевна

E-mail: shlapeko_kate@mail.ru

Степанова Светлана Викторовна

E-mail: svkorka@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.08.2018 г.

REFERENCES

- [1] **T.N. Kuchinskaya**, [Cross-border Area as Potential Space of Russia and China Co-development], in: Rossiya i Kitay: problemy strategicheskogo vzaimodeystviya: sbornik Vostochnogo tsentra [Russia and China: Problems of Strategic Cooperation: Digest of the Eastern Center], 11 (2012) 51–59.
- [2] **N.A. Abramova**, [The formation of transnational socio-cultural space in the conditions of the Russian-Chinese border], Bulletin of Transbaikal State University, 9 (88) (2012) 80–84.
- [3] **V.S. Morozova**, [Eastern Vector of Russian Federation in Socio-Cultural Space of CrossBorder Cooperation between Russian Federation and People’s Republic of China: Integration, Co-Development or Dialogue?], [Russian-Chinese studies], 1 (1) (2017) 63–71.
- [4] **S.L. Barinov**, [Barriers of the Cross-Border Cooperation at the New Borderland of Russia (on example of Central and North-West Regions)], Izvestiya RAN. Ser. Geograficheskaya, 1 (2011) 45–54.
- [5] **L.B. Vardomskiy**, [Post-soviet integration and economic growth of the new borderland of Russia in 2005–2015], Spatial economics, 4 (2017) 23–40. DOI: 10.14530/se.2017.4.023-040.
- [6] **N.Yu. Zamyatina, A.N. Pilyasov**, [Concept of proximity: foreign experience and prospects of application in Russia], Izvestiya RAN. Ser. Geograficheskaya, 3 (2017) 8–21.
- [7] **P.I. Kasatkin**, [Cultural Space: the Axiological Dimension], Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill], 4 (2017) 145–156.
- [8] **E.A. Shlapeko, S.V. Stepanova**, [Development of Cross-Border Trade in Russia: General Trends and Peculiarities], Bulletin of Transbaikal State Univ., 23 (1) (2017). 130–139.
- [9] **O.P. Ilyukha**, Povsednevnost’ sovetsko-finlyandskogo pogranch’ya 1930-kh godov v vospominaniyakh o detstve [Daily Life of the Soviet-Finnish Borderland of the 1930s in Childhood Memories], in: Trudy Karel’skogo nauchnogo tsentra RAN [Proc. of the Karelian Research Center of the RAS], 4 (2012) 124–133.
- [10] **S.V. Stepanova**, [Cross-border Tourism in the Russian Northwest: General Trends and Features of Development], Baltic region, 3 (21) (2014) 132–144.
- [11] **Euroregio Karelia**. Available at: <http://www.euregiokarelia.com/ru/web/euregiokarelia/> (accessed 17.07.2018).
- [12] **T. Makkonen**, Cross-border shopping and tourism destination marketing: the case of Southern Jutland, Denmark, Scandinavian journal of hospitality and tourism, 16 (1) (2016) 36–50. DOI: 10.1080/15022250.2016.1244506.
- [13] **O. Gurova, S. Ratilajnen**, [“Eastern tourist”: a review of images of Russian consumers in Finnish media], Economic Sociology, 16 (3) (2015) 26–45.
- [14] **Official** web-site of the cross-border cooperation program “Karelia”. Available at: <http://www.kareliaenpi.eu/> (accessed 09.07.2018).
- [15] **I.A. Milyukova, K.Yu. Terent’ev, I.R. Takala, A.V. Kuleshova, A.A. Lapshin**, [Finland through the Eyes of the Residents of the Republic of Karelia: Survey 2017], Nordic and Baltic Studies Review, 2 (2017). DOI: 10.15393/j103.art.2017.785.
- [16] **E.A. Shlapeko**, [Institute of Public Diplomacy and its Place in Cross-Border Social and Cultural Space], Oecumene. Regional studies, 1 (2017) 152–162.
- [17] **Joensuu kaupunki**. Available at: <http://www.joensuu.fi/joensuu-lukuina> (accessed 15.05.2018).
- [18] **Pohjois-Karjala**. Available at: <https://tem.fi/documents/1410877/6463080/Pohjois-Karjala.pdf/3177b387-e039-4621-be26-6197795098c3/Pohjois-Karjala.pdf.pdf> (accessed 16.06.2018).

Shlapeko Ekaterina A.

E-mail: shlapeko_kate@mail.ru

Stepanova Svetlana V.

E-mail: svkorka@mail.ru

Received 28.08.2018.

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ВЫБОР СОВРЕМЕННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОРИЕНТИРОВ РАЗВИТИЯ

П.А. Петров, В.А. Серкова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассмотрены социально-философские характеристики глобализма и альтернативные варианты развития современного мира. Анализируются глобалистические принципы развития современного мира, аргументация защитников и критиков концепции экономической глобализации мира и последствия ее распространения на социально-культурную область. Приведена аргументация А. Панарина, Т. Шанина, А. Ишикавы по поводу проникновения глобалистических тенденций в культуру. Выявляются общие проблемы, связанные с построением альтернативных глобализму моделей. Дан анализ причин «вестернизации» современной культуры. Преимуществами глобального управления имеют возможность пользоваться гегемоны – наиболее развитые страны; издержки выпадают на долю так называемых догоняющих, зависимых стран или стран глубокой депрессивной периферии. Глобальная система мирового устройства, будучи результатом совместных усилий в формировании единого (теперь можно говорить, планетарного) экономического пространства, порождает столь же масштабные структурные проблемы, и оборотной стороной глобализма является опасность глобальной нестабильности. На фоне общих глобализационных тенденций мирового развития возрастает необходимость гармонизации форм собственности (личной, коллективной, государственной), разработки долгосрочных программ в области культуры и образования, определения стратегических целей и приоритетов государственной политики, упрочения традиции преемственности власти и укрепления на всех уровнях взвешенной государственной политики.

Ключевые слова: глобализация; панамериканизм; «вестернизация»; модели развития; альтернативы глобализму

Ссылка при цитировании: Петров П.А., Серкова В.А. Глобализационные процессы и выбор современных цивилизационных ориентиров развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 49–56. DOI: 10.18721/JHSS.9305

GLOBALIZATION PROCESSES AND CHOICE OF MODERN CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT ORIENTATIONS

P.A. Petrov, V.A. Serkova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article examines the social and philosophical characteristics of globalism and alternative options for the development of the modern world. We have analyzed the globalist principles of development of the modern world, the arguments of defenders and critics of the concept of economic globalization of the world and the consequences of its spread to the social and cultural area. We have given Panarin's, Shanin's and Ishikawa's arguments on the penetration of globalist tendencies into culture. Common problems associated with constructing models alternative to globalism have been revealed. The reasons for "Westernization" of modern culture have been analyzed. Advantages of global governance can be used by hegemon, i.e., the most developed countries; the so-called "catch-up" dependent countries or countries of deep depressive periphery bear the costs. The global system of the world organization is not only the result of joint efforts in forming a single (it is now possible to call it planetary) economic space, but also generates equally large-scale structural problems, and the flip side of globalism is the danger of global instability. Generating more balanced forms of ownership (personal, collective, state), developing long-term programs in the field of culture and education, defining strategic goals and priorities of state policy, reinforcing the tradition of continuity of government and strengthening a reasonable state policy at all levels are particularly important against the background of general globalization trends in world development.

Keywords: globalism; "westernization" development model; Panarin; Shanin; alternatives to globalism

Citation: P.A. Petrov, V.A. Serkova, Globalization processes and choice of modern civilizational development orientations, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (3) (2018) 49–56. DOI: 10.18721/JHSS.9305

Введение

Понимание вектора развития современного мира — одна из ключевых проблем гуманитарных наук, в частности социальной философии. В этом аспекте особенно важным является прояснить смысл «фундаментальных предпосылок» сохранения цивилизационного многообразия.

Доминирующим вектором развития (информационного, технологического, экономического, финансового) выступают глобализационные тенденции переустройства мира. Глобалистическое движение осуществляется и продвигается усилиями таких организаций, как МВФ, Всемирный банк, а также ряда неправительственных организаций: International Forum on Globalization, Turning Point Project, Public

Citizen, Friends of the Earth, Global Exchange. Достижение «глобального общественного блага», «глобального экономического порядка», «глобальной безопасности» — тренд этих структур, осуществляющих политику управления миром в определенном заданном направлении — либерализация политической и экономической сферы и переориентация социокультурной политики, затрагивающей мировоззрение и ценности.

Именно таким образом утверждается западная прогрессивистская модель развития мира, что является выражением «однополярного», или «панамериканского», мышления. В нем содержится принцип постепенной «вестернизации» культуры. Если необходимость экономического и технологического развития

принимается как неизбежность, то социально-культурные последствия глобализации становятся предметом ожесточенных дискуссий.

Обзор литературы. Базовое понятие глобализации может наполняться различным содержанием в зависимости от целей и идеологического контекста исследования. Ученые по-разному трактуют суть глобализации – в соответствии со своими ценностными ориентирами и социальным контекстом их формирования. Панамериканская модель глобализации была раскрыта в работах П. Гемавата [1], Дж.К. Гэлбрейта [2], С. Хантингтона [3], Б. Линдси [4], М. Паренти [5]. Эти исследователи определяют понятие глобализации как термин, подразумевающий главенствующую роль США в мире. Глобализация в такой интерпретации – это инструмент для обеспечения лидерства США в мире, доминирования западной цивилизационной модели развития и укрепления «нового мирового порядка».

Адепты глобализационной политики утверждают, что она в конце концов приведет ко всеобщему всемирному процветанию и выравниванию условий жизни в разных частях планеты. Ее критики, например А. Панарин, полагают, что под вывеской «глобализационных достижений» скрываются старая колониальная политика контроля одной группы государств с развитой экономикой и инфраструктурой над остальным миром, тактика давления и эксплуатации транснациональными корпорациями национальных слабых экономик. Ниже мы проанализируем аргументы защитников сохранения культурного многообразия – японского исследователя А. Ишикавы [6], английского экономиста Т. Шанина [7], российских аналитиков Ф. Кессиди [8], А. Панарина [9, 10].

Постановка проблемы и цели исследования

Целью статьи является анализ общего принципа развития культуры в эпоху глобализма: действительно ли унификация по западным (преимущественно американским) культурным стандартам является неизбежным следствием экономического преуспевания или возможны альтернативы «вестернизации» культуры и сохранение цивилизационного разнообразия? Ниже будут рассмотрены контраргументы противников панамериканского социально-культурного развития.

Методология

Поскольку аналитика глобализма направлена на проявление тенденций развития мира, вовлеченного в сложную нелинейную систему взаимовлияний и взаимозависимостей, в работе используются метод моделирования (по принципу *als ob*, «как если бы это имело место») и метод компаративистского, сравнительного анализа глобалистических и антиглобалистических аргументов, дающий нам возможность на разных этапах анализа сравнивать промежуточные результаты. На основе работ А. Ишикавы, Ф. Кессиди, А. Панарина, Т. Шанина анализируются альтернативные модели развития культуры в эпоху глобализма.

Результаты исследования

Глубина кризиса, наступившего сразу после ухода СССР с мировой арены и упразднения его как фактора, коррелирующего международную политику, сегодня обнаруживается с новой силой. Это проявляется прежде всего в том, что скомпрометирована сама идея возможности альтернативной политики. Кризис советской системы экономического и социального управления привел многих к иллюзии, что нет альтернативы капиталистической модели развития. Всё это вызывает серьезную тревогу у тех, кто понимает необходимость политики противостояния глобалистской форме организации отношений на всех уровнях и на всех странах социальной жизни.

Основания европоцентристской логики сводятся к положению о том, что европейский путь развития, ориентированный на технологическое и техническое преобразование мира, модернизацию производства и непрерывное расширение среды комфорта, задан европейской экономической культурой, европейским расцветом наук и европейским образом жизни в целом. Не случайно все вариации безальтернативного глобализма имеют характер западного (европоцентристского в прошлом, а теперь евроатлантического, или панамериканского) доминирования.

В идеологии европейского превосходства проявляется действие известного силлогизма, по которому оценивается культура стран, попадающих в орбиту идеологического управления. Посылки этого силлогизма таковы:

- всё истинно ценное в культуре имеет в своей основе западноевропейские стандарты;

- многочисленные этносы, народы и культуры не придерживаются стандартов европейской цивилизации.

Вывод: «эти культуры не причастны к подлинной цивилизации».

Эта теоретическая схема, несмотря на свою простоту, применяется западным миром как универсальная матрица для регулирования множества самых разнообразных культурных ситуаций [11, с. 248]. Позиция культурной безальтернативности вызывает сомнения и у западных исследователей. Многие современные аналитики полагают, что западная эволюционистская модель, ставшая основой теории модернизации и провозглашенного курса на бесконечный экономический рост, рыночную экономику и абсолютную свободу общества потребления, теперь не может вызывать безусловного оптимизма. Вряд ли были осознаны все последствия курса на такую однолинейную схему развития. «Более того, ни оба полюса вместе, ни смесь из характеристик того и другого вовсе не исчерпывают собой социальной реальности и ее потенциальных возможностей. Параллельно происходящий кризис сверхпроектов и растущее неверие в преходящий характер этого кризиса требуют тщательного рассмотрения альтернативных экономических форм» [7, с. 111].

Чтобы прояснить, какие силы формируют альтернативные глобализму движения, воспользуемся методом моделирования и представим центробежные и идущие в обратном направлении центростремительные силы. Примером центростремительных сил могут быть универсалистские, унифицирующие тенденции в культуре. К ним относятся усиление влияния транснациональных корпораций в экономике, проявления действия «жесткой силы» во внешней политике, возрастание роли информационных технологий, увеличение значения массмедиа в культуре. В этом свете особенное значение имеют страны, которые демонстрируют опыт противостояния влиянию суррогатных вариантов универсалистских глобалистических псевдокультур.

Центры, сдерживающие глобалистскую экспансию и оказывающие противодействие глобалистским претензиям, сосредоточены на окраинах Старого и Нового Света — на так называемом «Востоке», о котором как о силе, противодействующей западной модели глобально-

го развития, можно говорить в большей степени метафорически. Понятие «Восток» объединяет разные культурные общности: страны арабского Востока; так называемый «мусульманский Восток»; Индию с весьма сложным этнорелигиозным составом; Японию, показывающую пример наиболее органичного слияния модернизационных и традиционалистских тенденций развития; евразийскую Россию, в которой сопрягаются все противоречия восточно-западного социально-культурного образования. «Восток» включает в себя самые разнообразные культурные основы, развитие которых противопоставляется Западу.

По мнению иракского философа Аль Джанаби, «взаимопонимание Востока и Запада и тем более западно-восточный синкретизм идей и верований исключается как по генетическим, так и по сущностным основаниям... <...> Диалог западной и восточной культур не столь немислим, сколько реально неосуществим в силу коренной разнородности цивилизационных начал; возможны лишь деловые и практически позиционные отношения при осознании и сохранении их гетерогенности и фатально неустранимой антиномичности» [Цит. по: 12, с. 177].

Противопоставление традиционных («восточных») и «новых» цивилизаций не всегда продуктивно с точки зрения преодоления привычных стереотипов. Специфика и динамика развития восточных культур раскрываются с учетом понимания возможностей их экономической модернизации при сохранении культурной основы. Действительно уникальный опыт освоения достижений западной цивилизации некоторыми «восточными» странами, например Японией, невозможно осознать, придерживаясь привычного противопоставления восточной и западной цивилизационных моделей, или традиционалистской формы техногенному содержанию, поскольку в японской модели культурного развития синтезированы обе противоположности. Японцы придерживаются в своем социокультурном развитии своего рода заповеди: «японская основа, западные технологии». Именно таким образом в историческом движении в XX столетии японцы смогли избежать противопоставления культуры и цивилизации.

А. Ишикава, профессор университета Чуо в Токио, пишет: «Следует сказать, что подходы

к модернизации в Японии эволюционировали от вестернизации к японизации, и в настоящее время социально-экономические достижения, претворенные в жизнь в соответствии с этими концепциями, по всей видимости, требуют альтернативной основы для дальнейшего развития. До настоящего времени новая парадигма подходов к последующей модернизации еще не выработана. Чтобы заполнить этот пробел, нередко обращаются к американской модели, т. е. к американизации, часто наблюдаемой в современном мире. Однако такой подход противоречит сложившейся общей линии модификации японской модели и ее приспособления к глобальным изменениям во внешней среде» [6, с. 67]. Самое главное, что выразил профессор Ишикава, — это неизбежность достижения разумного компромисса между «вестернизацией» и «японизацией», укрепление национально-культурной основы позволяет оппонировать западному влиянию, а вовсе не проигрывать ему.

Такой же позиции придерживается и российский политолог А. Панарин, показавший, как действует динамический центр, экспансия которого не знает преград, на периферию: она заполняется в конце концов вложенными в нее содержаниями и постепенно утрачивает свою культурную основу. С точки зрения Панарина, только сохраняя собственную природу и собственное лицо, периферия экономического развития имеет возможность включаться в геополитическое, экономическое, военное или технико-экономическое соперничество в соответствии с проектами собственных интересов. Именно это важно для формулировки ответов на геополитические вызовы — последние должны быть интерпретированы стороной, которой они были получены. Ответом на вызовы может быть только укрепление того, что наиболее подвержено трансформациям в глобалистической реальности: культурная полнота, традиция и разнообразие. Собственная культура становится роскошью для стран, подверженных глобализационным преобразованиям. Попечительствовать нужно тому, что подвергается рискам в процессе объединения.

Российский аналитик Ф. Кессиди полагает, что, способствуя коммуникации преимущественно в сфере информационных и технологических достижений, глобализация усугубляет конфликты как на почве национальных эконо-

мических и политических, так и на почве ценностных интересов [8].

Однако очевидно, что старый европоцентризм, не однажды теоретически развенчанный, начиная с блестящей работы О. Шпенглера, уже ни концептуально, ни практически-политически не выдерживает критики. Это относится как к «малому» (европейскому), так и к «большому» (американскому) глобализму.

Что касается России, то ее «риски», связанные с глобализацией, вызваны тем, что она вступала в мировую глобальную экономику в основном в качестве «планетарного ресурса» сырья, пространства и недр. Именно пространственно-природный потенциал России составлял содержание понятия «российский глобальный фактор» (RGF) [13]. Однако реализующиеся амбиции России вернуть себе роль мирового лидера на фоне мировых глобалистических тенденций развития ставят вопрос о долгосрочных планах развития России. Но что можно противопоставить американской прогностической модели? Россия в основных и принципиальных для суверенитета вопросах внешней и внутренней политики сдвинулась с послеперестроечного распутия, и неудивительно, что во многом усложнились задачи относительно прогнозирования ее будущего развития. Здесь возможны два принципиально отличных подхода.

Первый подход еще в 1990-х гг. выразил такой авторитетный российский аналитик, как А. Панарин, полагающий, что без принципиального предварительного моделирования будущего невозможна никакая осмысленная стратегическая политика и что «в глобальном мире перед каждым народом возникает жесткая дилемма: либо ему удастся выстроить собственную эффективную стратегию будущего, либо эту стратегию выработают за него другие в соответствии с собственными интересами» [9, с. 14].

Другую точку зрения выражает один из интереснейших английских ученых в области политической экономии Т. Шанин, выступающий с критикой традиционного для российского менталитета типа прогностического проектирования. Он сравнивает перспективные проекты развития с выстрелом в пустоту и полагает при этом, что они «опасны, если принимать их всерьез. Ведь даже удача плана сама по себе

подрывает его. Удачный шаг вперед означает, что возникает новая ситуация, которую нельзя стопроцентно определить в начале пути. А если шаг неудачный, то и того более» [7, с. 118]. Собственно, Шанин критикует линейную модель прогнозирования, но ее отрицание не ставит под сомнение прогностическую ценность проективных моделей развития в общем. Отказ от широкомасштабного стратегического проектирования будущего сегодня только на руку нынешним экономическим и политическим лидерам, политика которых отмечена нарастающим агрессивным стремлением к достижению господства в мировом масштабе. Эти лидеры в своей «большой политике» защищают свои экономические интересы, в сферу которых, так или иначе, тотально попадают все зоны глобализующегося мира.

По мнению А. Панарина, в этом невозможно не усмотреть вызова. Если это так, то этот вызов ждет ответа [10]. Эти ответы формулируются на всех уровнях культурного строительства и культурной политики, начиная с формирования национальной образовательной стратегии и заканчивая вопросами сохранения культурного наследия, включая национальные языки, национальную литературу, национальный кинематограф, способный конкурировать с многочисленными «фабриками грез», охрану национального ландшафта и национального образа жизни, основанного на особом образе функционирующих ценностях. Социальная философия в этом смысле могла бы стать формой особой практики моделирования целостной модели национальной культуры и национального самосознания. Но возможно это только в том случае, когда философия понимается как «род согласованного знания», в котором этические принципы понимаются как «полная ценностная определенность», что особым образом проявилось, например, в русской религиозной философии Вл. Соловьёва, П. Флоренского, И. Ильина и С. Булгакова [14, с. 13].

В области ценностных оснований культуры тактика идеологов глобализации существенно меняется: на первом этапе дело касалось снятия многообразных ограничений, запретов и табу, упразднения господствовавшей в предыдущую эпоху идеологии и власти государственной монополии. На втором этапе речь ведется уже об ослаблении государственных границ и других

национальных защитных механизмов, о сведении к минимуму государственных механизмов регулирования во всех областях социальной жизни, о дискредитации государственного вмешательства в экономику и политику, включая культуру, что фактически может означать запрет на защиту национальных интересов [15].

Между тем отечественные исследователи осознают сложность комплекса проблем обеспечения национальной безопасности. О. Бельков полагает, что «разнородность объектов национальной безопасности (личность, группа, общество, государство) и несовпадение (порой противопоставление) их интересов является своеобразным источником опасности национальному благополучию страны» [16, с. 64].

Один из факторов, препятствующих балансу общественных отношений, – неконструктивная государственная политика. Сдерживание финансовой, экономической, политической нестабильности только за счет увеличения затратных статей бюджета и роста распорядительно-бюрократических структур государства не способствует решению проблем государственной безопасности, является лишь имитацией реальной деятельности. Другой фактор – свертывание социальных программ защиты профсоюзов, детских, молодежных организаций, сокращение и упразднение системы льгот для малоимущего населения. Глобалистская идеология формирует циничную философию нового социал-дарвинизма, выживаемости сильного и достижения целей любой ценой.

Исследователи отмечают, что до недавнего времени у России была своя ниша, которая способствовала сохранению и концентрации духовности за счет высокой культуры и высокой науки. Это было, так сказать, «цивилизационным капиталом» России. Можно по-разному относиться к советскому периоду русской истории, но в любом случае невозможно отрицать, что это было время грандиозного исторического эксперимента, включавшего в качестве элемента и культуротворчество, начавшееся сразу после окончания Гражданской войны и широко развернувшееся в период индустриализации страны, создания ядерного и космического проектов. В современных условиях резко возрастает необходимость в воссоздании такого «капитала» применительно к России. Чтобы выжить в миропроектной борьбе, требуется со-

здание своей модели будущего. Сегодня модель, которая бросает вызов панамериканизму, — это модель радикального исламского фундаментализма. Однако она ничуть не лучше концепции панамериканского доминирования, поскольку является деструктивной по отношению к традиционным институтам и структурам.

Заключение

В современном мире при экономическом и финансовом доминировании однополярной системы мироустройства мы не можем согласиться с отсутствием продуманных альтернативных моделей развития. Тем большую ценность имеют наработки в этой области, которые

не ограничиваются критикой однополярной модели глобализации, но предлагают иной фокус социальной аналитики, дающий возможность дальнейшего прояснения и развития сути глобализационных альтернатив. На фоне общих глобальных тенденций мирового развития возрастает необходимость гармонизации форм собственности (личной, коллективной, государственной), разработки долгосрочных программ в области культуры и образования, определения стратегических целей и приоритетов государственной политики, упрочения традиции преемственности в национальной культуре и утверждения на всех уровнях взвешенной государственной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гемават П.** Глобальная интеграция без барьеров. М.: Альпина Паблишер, 2013. 415 с.
2. **Гэлбрейт Дж.К.** Какова американская модель на самом деле? Мягкие бюджеты и кейнсианская деволюция // Логос. 2003. № 2. С. 13–30.
3. **Хантингтон С.** Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
4. **Линдси Б.** Глобализация: повторение пройденного. М., 2006.
5. **Паренти М.** Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США. М.: Поколение, 2006.
6. **Ишикава А.** Эволюция концепций и практики модернизации в Японии // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 1. С. 65–68.
7. **Шанин Т.** Формы хозяйства вне систем // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 109–115.
8. **Кессиди Ф.** Глобализация и культурная идентичность. URL: <http://www.russ.ru/politics/20021223-kes-pr.html> (дата обращения: 20.04.2017).
9. **Панарин А.С.** Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2001.
10. **Панарин А.С.** Искушение глобализмом. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 416 с.
11. **Серкова В.А.** Советский опыт взаимодействия с северными народами в глобальном контексте // Арктика: история и современность: тр. междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 19–20 апреля 2017 г.). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 245–252.
12. **Аникеев Е.Н., Сёмушкин А.В.** Диалог цивилизаций: Восток — Запад // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 173–178.
13. Электронный ресурс. URL: <http://reports.weforum.org/> (дата обращения: 20.04.2017).
14. **Серкова В.А.** Ценностная основа русской религиозной философии // Генеалогия ценностей в русской философии серебряного века: сб. науч. тр. СПбГЭУ. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2013. С. 11–30.
15. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
16. **Бельков О.А., Комаров Н.П.** Безопасность: методологический анализ этнокультурных оснований феномена безопасности общества // Человеческий капитал. 2013. № 1 (49). С. 59–68.

Петров Петр Андреевич

E-mail: kalinin11823@gmail.com

Серкова Вера Анатольевна

E-mail: henrypooshel@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 04.02.2018 г.

REFERENCES

- [1] **P. Ghemavat**, Global'naya integratsiya bez bar'erov [Global integration without barriers], Alpina Publisher, Moscow, 2013.
- [2] **J.K. Galbraith**, [What is the American model really? Soft budgets and Keynesian devolution], Logos, 2 (2003) 13–30.
- [3] **S.P. Huntington**, Politicheskiy poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh [Political order in changing societies], Progress-Traditsiya, Moscow, 2004.
- [4] **B. Lindsey**, Globalizatsiya: povtoreniye proydenogo [Globalization: the repetition of the], Moscow, 2006.
- [5] **M. Parenti**, Demokratiya dlya izbrannykh. Nastol'naya kniga o politicheskikh igrakh USA [Democracy for the elect. A handbook on political games in the USA], Pokoleniye, Moscow, 2006.
- [6] **A. Ishikava**, [Evolution of concepts and practices of modernization in Japan], Problemy teorii i praktiki upravleniya [Problems of theory and practice of management], 1 (2003) 65–68.
- [7] **T. Shanin**, [Forms of economy outside systems], Questions of philosophy, 8 (1990) 109–115.
- [8] **F. Kessidi**, [Globalization and cultural identity]. Availbale at: <http://www.russ./ru.politics/20021223-kesspr.html> (accessed 20.04.2017).
- [9] **A.S. Panarin**, Global'noye politicheskoye prognozirovaniye [Global political forecasting], Algoritm, Moscow, 2001.
- [10] **A.S. Panarin**, Iskusheniye globalizmom [The Temptation of Globalism], Eksmo-Press, Moscow, 2002.
- [11] **V.A. Serkova**, Sovetskiy opyt vzaimodeystviya s severnymi narodami v global'nom kontekste [Soviet experience of interaction with northern peoples in a global context], in: Arktika: istoriya i sovremennost' [Arctic: History and Modernity: Proc. of the Intern. scientific conf.] (St. Petersburg, Apr. 19–20, 2017), Politekhnicheskii Univ. Publ., St. Petersburg, 2017, pp. 245–252.
- [12] **Ye.N. Anikeyev, A.V. Semushkin**, [Dialogue of Civilizations: East-West], Questions of philosophy, 2 (1998) 173–178.
- [13] On-line resource. Availbale at: <http://reports.weforum.org/> (accessed 20.04.2017).
- [14] **V.A. Serkova**, Cennostnaya osnova russkoy religioznoy filosofii [The value basis of Russian religious philosophy], in: Genealogiya cennostey v russkoy filosofii serebryanogo veka [Genealogy of values in the Russian philosophy of the Silver Age: coll. of Proc. of. SPbGEU], SPbGEU Publ., St. Petersburg, 2013, pp. 11–30.
- [15] **M. Kastels**, Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economics, Society and Culture], GU VShE Publ., Moscow, 2000.
- [16] **O.A. Bel'kov, N.P. Komarov**, [Safety: a methodological analysis of ethno-cultural grounds for the phenomenon of public safety], Chelovecheskiy kapital [Human capital], 1 (49) (2013) 59–68.

Petrov Peter A.

E-mail: kalinin11823@gmail.com

Serkova Vera A.

E-mail: henrypooshel@rambler.ru

Received 04.02.2018.

DOI: 10.18721/JHSS.9306

УДК 316.775

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНЖЕНЕРА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.Г. Поздеева, И.Р. Тростинская, Л.И. Евсева

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В настоящее время инженерная деятельность эволюционирует в направлении целостности системы «социум – природа – техника – субъект». Деятельность инженера приобретает глобальный характер, что требует новых подходов к пониманию влияния внедряемых технологий и инженерных решений на экономические, политические и социальные отношения. Формирование профессиональной ответственности будущего инженера связано не только с освоением нормативов, регулирующих производственные, технико-технологические и организационно-управленческие аспекты деятельности, но и с этическими нормами, с готовностью нести ответственность за новаторскую деятельность и внедрение научных разработок. Новые условия требуют новых подходов к анализу отношений человека и технологий. Оценка возможности и успешности внедрения технологии требует понимания социального контекста ее использования в будущем. Формирующийся креативный класс и специалисты инженерной инновационной сферы должны обладать более высоким уровнем ответственности. Это поднимает проблему формирования ответственности уже на стадии выбора профессии, и особенно при ее получении в образовательной среде. Современная подготовка специалистов инженерной сферы должна быть направлена на формирование способности к эффективной коммуникации и пониманию профессиональной и этической ответственности. Будущие инженеры должны иметь дело не столько с негативными последствиями научно-технического прогресса, сколько с форсайтами, изучением будущего, что делает актуальной проблему формирования корпуса ответственных инженеров, владеющих навыками социальной оценки техники и инноваций.

Ключевые слова: инженерное образование; инновационная сфера; научная коммуникация; профессиональная ответственность; ответственные исследования; социальная оценка техники; образовательная среда

Ссылка при цитировании: Поздеева Е.Г., Тростинская И.Р., Евсева Л.И. Проблемы формирования профессиональной ответственности инженера в условиях современной инновационной деятельности // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 57–65. DOI: 10.18721/JHSS.9306

PROBLEMS OF FORMING THE PROFESSIONAL RESPONSIBILITY OF THE ENGINEER IN THE CONDITIONS OF MODERN INNOVATIVE ACTIVITY

E.G. Pozdeeva, I.R. Trostinskaya, L.I. Evseeva

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

Engineering is currently evolving towards the integrity of the system uniting society, nature, technologies and the subject. Engineering acquires a global character, which necessitates

new approaches to understanding the impact of technologies and engineering solutions on economic, political and social relations. Forming the professional responsibility of the future engineer is connected not only with mastering the standards regulating the production-related, technical and technological, organizational and managerial aspects of the activity, but also with ethical norms, willingness to take responsibility for innovative activity and introduction of scientific developments. New approaches are needed to analyze human relations and technology. Assessing the possibility and success of introducing technologies implies understanding the social context of their future uses. The emerging creative class and specialists in the engineering innovation sphere should have a higher level of responsibility. This raises the issue that responsibility has to be formed at the stage of choosing a profession, and especially when it is acquired in the educational environment. Modern training of specialists in the engineering field should be aimed at building the capacity for effective communication and understanding of professional and ethical responsibilities. Future engineers should deal not so much with the negative consequences of scientific and technical progress as with foresights, studying the future, which adds importance to the problem of forming a body of responsible engineers possessing the skills of social assessment of technology and innovations.

Keywords: engineering education; innovative sphere; scientific communication; professional responsibility; responsible research; social assessment of technology; educational environment

Citation: E.G. Pozdeeva, I.R. Trostinskaya, L.I. Evseeva, Problems of forming the professional responsibility of the engineer in the conditions of modern innovative activity, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (3) (2018) 57–65. DOI: 10.18721/JHSS.9306

Введение

В современном информационном обществе нельзя не заметить, что инженерная деятельность эволюционирует в усложняющемся режиме взаимодействия между социумом, природой, техникой и субъектом, приобретает глобальный характер и становится стержнем любой деятельности. По мнению Ч. Веста, президента Национальной инженерной академии США, парадигма инженерного образования требует переосмысления в сторону ее большей интеграции с социальными науками: будущие специалисты технической сферы должны отличаться готовностью к созданию проектов с высокой степенью системной интегрированности [1]. Это означает, что будущие инженеры, представляющие собой основу формирующегося креативного класса, должны обладать более высоким уровнем ответственности по отношению к своим разработкам и их внедрению. А это ставит проблему понимания значимости ответственности как на стадии выбора профессии, так в процессе ее освоения в вузе.

Формирование профессиональной ответственности будущего инженера сегодня в большей степени связано не столько с освоением нормативов, регулирующих производственные и организационные стороны профессиональной деятельности, сколько с этическими нормами и готовностью нести ответственность за свои проекты и разработки, что коррелирует с проблемой развития субъектности на этапе обучения в вузе [2]. Современная подготовка будущих инженеров должна быть направлена на формирование комплекса компетенций, в котором значимое место занимают ответственное отношение в связке с коммуникативной компетентностью, владение навыками социальной оценки инноваций и готовность к исследовательской экспертизе [3].

Обзор литературы. Концепция «ответственной науки и инноваций» актуализировалась в последнее время в контексте технологизирующегося общества [4]. В России изучение этой сферы находится пока на стадии становления. По мнению Е.Г. Гребенщиковой [5], понятие «ответственные исследования» подразумева-

ет ориентацию на упреждающее управление, активное участие представителей социальных групп и различных агентов, что определяет социогуманитарные параметры технаучного развития.

Ответственные исследования и инновации лежат на пересечении социальных, политических и экономических наук. Пожалуй, первыми активно стали разрабатывать проблематику ответственности представители бизнеса, занятые разработкой моделей корпоративной и социальной ответственности. Импульс к исследованиям, получившим название «ответственных», также возник в связи с прорывами в биологической науке, исследованиями в медицине и в тех сферах, которые затрагивают зоны риска для человечества. Подход, реализуемый применительно к ответственным исследованиям, предполагает применение методов упреждения, форсайтов, отталкивается от рефлексивности и стимулирует реактивность. Эти ракурсы сегодня важны и для исследований, касающихся конструирования будущего, которое принимается за основу в ответственных исследованиях по социальной оценке инноваций.

В плоскости ответственных исследований получило закрепление понятие «социальная оценка техники» (*Technology Assessment, TA*). Под *социальной оценкой техники* понимают эпистемологическую претензию на систематическое и многостороннее исследование и раннее распознавание на основе всех имеющихся знаний возможных последствий научно-технического развития [6]. Она необходима для принятия решений в области научно-технической политики, обоснованных с точки зрения естественных, технических и общественных наук. Целью ответственных инноваций является создание и внедрение инноваций более приемлемым способом, социально желательным и устойчивым.

В контексте этого подхода современные инженеры уже не могут быть этически нейтральными к производству и внедрению своих разработок. Это касается и тех, кто готов разрабатывать и применять сложные комплексы технологий в своей жизни и в производстве, это так или иначе актуально для каждого, ведь современный субъект уже не мыслит свою жизнь и работу без сложных технологий [7].

Социальная оценка техники (*TA*) трактуется Е.Н. Макаровой и О.В. Колесовой [8] как те-

ория оценки последствий научно-технического развития на основе всех имеющихся знаний естественных, технических и гуманитарных наук. Особенностью является то, что исследование основывается на замере социальных ожиданий. Сегодня *TA* преодолела переход от преимущественно политического дискурса, реализуемого в практике политического консультирования, к партисипативному повороту, суть которого закреплена в западноевропейской программе «Ответственные исследования и инновации» (*Responsible Research and Innovation, RRI*). На основе этого движения сформировалась трехэлементная коммуникативная модель, в которую включены политики, эксперты и гражданское общество, заинтересованные в ответственных исследованиях и этически обоснованных последствиях внедрений [9].

Таким образом, развитие проблематики ответственных исследований привело к возникновению терминологического комплекса. Здесь фигурируют термины: «ответственные исследования», «ответственные инновации», «социальная оценка техники и технологий», что, безусловно, вызывает размывание и тавтологичность. Но именно «ответственные инновации» выступают одним из условий реализации инновационной программы Европейского союза «Горизонт 2020» (*Horizont 2020*). В этой программе отмечено, что под *ответственной инновацией* понимается подход, который позволяет предусмотреть и оценить возможные последствия и социальные ожидания в отношении научных исследований и инноваций с целью содействия в разработке инклюзивных и устойчивых исследований и инноваций [10].

Можно говорить о важности интегрального подхода, объединяющего социально-гуманитарную экспертизу инновационных проектов, технаучную парадигму и прикладную этику в процессе разработки новых сценариев технологического будущего. А. Грюнвальд рассматривает ответственные исследования как расширенную версию социальной оценки техники [11, с. 10].

В российской практике междисциплинарных исследований сегодня сложились два направления:

1. Рассмотрение концепта «ответственные исследования и инновации» (ОИИ) как расширенной программы «социальной оценки техни-

ки», дополненной прикладной этикой и техникой [12].

2. Исследования в области биоэтики в персонализированной медицине [13].

Идеи ОИИ распространяются и на сферу бизнеса, но подходы и интерпретации зависят от отраслевой специфики и национального контекста. А. Инцель и Л. Ксонка выделяют здесь четыре ключевых элемента: предвосхищение, осмысление, инклюзивное взаимодействие, открытость [14]. Предвосхищение предполагает оценку внешних вызовов; осмысление требует выделения сфер реальности и отраслей экономики, участвующих в разработках; инклюзивное взаимодействие очерчивает круг социальных агентов – участников непосредственных действий; открытость предполагает корпоративную социальную ответственность, доступ, обучающие технологии.

Постановка проблемы и цели исследования

Подход с позиций ответственных инноваций направлен как на расширение временного горизонта ответственности, так и на развитие форм «упреждающего управления», в которых проявляются основные технологические тренды. Формирование ответственности будущего специалиста в рамках практико-ориентированной образовательной модели, основанной на широком применении инициативных исследований, разработок и проектной деятельности, актуализирует изучение отношения студентов к самой ответственности в контексте будущей профессии, их готовности к ней в рамках инициативных разработок и интереса к инновационной и предпринимательской деятельности.

В этой связи важной задачей является обнаружение и измерение элементов формирующейся профессиональной ответственности у студентов, определение места и роли ответственности в контексте профессиональной подготовки. Среди студентов проводятся социологические исследования, отражающие отношение к проблеме ответственности, связь с направленностью на участие в разработках и проектах, готовность к риску и инновационной деятельности.

Целью является исследование основных параметров понимания студентами ответственности в плоскости своей профессиональной сферы деятельности, а также постановка про-

блемы формирования в рамках практико-ориентированной образовательной модели вуза готовности будущих специалистов инженерной сферы к ответственным исследованиям и социальной экспертизе внедрения новых технологий и разработок.

Методология

Методологическим подходом к изучению формирования ответственности у студентов может выступать теория запланированного поведения [15]. Согласно этой теории, целенаправленным действиям индивида предшествует формирование *намерений*, которые, в свою очередь, зависят от следующих факторов:

- персонального отношения к соответствующей деятельности (*attitude*);
- уровня воспринимаемого поведенческого контроля (*perceived behavioral control*), связанного с представлениями о простоте или сложности реализации задуманного;
- субъективных норм (*subjective norm*), обусловленных общественным мнением, способным побудить индивида к воплощению намерений либо отвратить от него.

Так, выявленная социологами в исследованиях, проведенных среди студентов, связь между предпринимательскими намерениями и фактической деятельностью эмпирически подтверждает положения теории запланированного поведения. Совершив выбор в пользу сферы деятельности, связанной с предпринимательством, студенты отчетливо осознают необходимость приступить к реализации каких-либо действий уже в период обучения, чтобы сформировать задел для будущего развития своего бизнеса. Но связь между намерениями и действиями является достаточно слабой: исследования показали, что наличие намерений имеет вес не более чем в 30 % случаев дальнейшего вовлечения студентов в реальные действия [16].

Результаты исследования Н.А. Шматко показали, что одних технических компетенций и умения решать узкоспециализированные инженерные задачи для современного рынка труда недостаточно: от инженеров ожидают активного поведения в отношении перспектив продвижения производимой ими продукции, в том числе на внешнем рынке [17]. Также, по мнению отечественных работодателей, на пер-

вом плане находится *ответственность*: в среднем около 70 % из них ставят это качество на первое место для таких профессий, как инженер, программист, проектировщик, бухгалтер, менеджер, секретарь, квалифицированный рабочий, специалист по работе с клиентами (которые тоже должны быть ответственны и легко обучаемы). Меньше всего наниматели ждут от соискателей карьерных амбиций [18].

Таким образом, проблема формирования ответственности будущих специалистов инженерной сферы четко поставлена в контексте инновационных процессов. В рамках меняющейся модели высшего образования она отражается в статусе универсальной (установленной для всех ступеней образования) компетенции выпускника, сформулированной как «ответственность и коммуникативная компетентность».

Для изучения понимания готовности к ответственным исследованиям и социальной экспертизе инноваций необходимо оттолкнуться от понятия «ответственность», при этом можно рассматривать ее как интегративное качество личности, детерминирующее активность субъекта на основе свободного выбора и предвидения его результатов и направленное на формирование и развитие личностного механизма контроля, способности отвечать за свои действия перед самим собой, обществом и государством [19]. Структурный подход к ответственности предполагает выделение когнитивного, эмоционального, волевого, динамического, мотивационного, поведенческого и результативного компонентов. В этой системе увязываются усвоенные знания о нормах и правилах поведения, способность адекватно анализировать полученные результаты, субъективное отношение к своим поступкам, переживание успехов и неудач, эмпатические способности личности, наличие эмоций, интериоризированные субъектом смыслы и ценности, традиции и нормы, освоенные алгоритмы, навыки социально и профессионально одобряемого поведения [Там же. С. 9].

В работах М.В. Мукониной выделены три уровня профессиональной ответственности:

- базовый — минимальный уровень, характеризуется пониманием личностью необходимости следовать должностным инструкциям, что закреплено в «привычке» выполнять регламентирующие деятельность правила;

- исполнительский — средний уровень, характеризуется умеренно положительным отношением личности к своим профессиональным обязанностям, готовностью к выполнению деятельности;

- сверхнормативный — высокий уровень, предполагает, что добросовестное выполнение личностью профессиональных обязанностей выступает в качестве единственно приемлемого способа деятельности [20].

Подход, разработанный Т.П. Емельяновой [21], опирается на конструирование социальных представлений в условиях общественной трансформации. Формирование профессиональной ответственности она связывает с личностными качествами и процессом обучения, а социальные представления, по мнению исследователя, выполняют помимо универсальных функций (адаптации к ситуации, познавательной, ориентации поведения) также важную в современных условиях функцию стабилизации эмоционального состояния [Там же]. По данным исследований Т.П. Емельяновой, проведенных среди студентов инженерной специальности «Энергетика», суть профессиональной ответственности в представлениях будущих энергетиков заключается прежде всего в высоком профессиональном уровне работника и качестве его работы. В том, что касается вектора направления ответственности, респонденты отметили позиции «руководство», «клиенты» и «коллеги». Однако среди мнений студентов не оказалось такого важного элемента, как ответственность личности перед собой в процессе деятельности.

Результаты исследования

С целью определения отношения учащихся к ответственности и их готовности к ответственным исследованиям в январе 2018 г. был проведен опрос студентов Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Исследовательский фокус включал в себя готовность студентов к профессиональной деятельности, сопряженной с ответственностью и экспертным анализом. Она формируется на основе их представлений о самой сущности ответственности, предполагает активность и вовлеченность в разработки и эксперименты, в инициативные проекты и мероприятия, а также основывается на готовности соблюдать

установленные нормы, дисциплину, оказывать помощь другим, идти на риск.

Данные опроса позволяют охарактеризовать общую ситуацию, в которой отражены понимание учащимися своего профессионального будущего, их активность, представление о собственной причастности к научному прогрессу, готовность к инновационной и предпринимательской деятельности. Можно отметить общий невысокий уровень активности студентов и нечеткость их представлений о профессиональном будущем. Среди опрошенных (выборка по исследованию, в котором мы принимали участие, состояла из 4 тыс. человек) только 64 % собираются работать по специальности, 28 % затруднились ответить, причем 68 % респондентов имеют представление о том, кем они будут работать. От 57 до 86 % студентов (в зависимости от форм активности) не принимают участия в мероприятиях университета в учебное и во внеучебное время [22].

В марте 2018 г. в СПбПУ было проведено разведывательное исследование методом онлайн-опроса по выборочной совокупности в количестве 110 студентов – представителей разных институтов Политеха, посвященное теме готовности к предпринимательской и инновационной деятельности. Учащимся были заданы вопросы о понимании сути профессиональной ответственности и ответственного поведения. Среди респондентов 51 % согласны с тем, что в современном обществе ответственность личности за свои действия повышается, 29 % не согласились с этим мнением, а 20 % затруднились дать ответ. Свою способность идти на риск студенты оценили следующим образом: практически половина респондентов (54 %) готовы рисковать, 16 % – не готовы, 30 % затруднились с ответом.

На основании ответов на вопросы о понимании сущности профессиональной ответственности можно констатировать следующее распределение позиций:

1. Большинство студентов (69 %) считают, что профессиональная ответственность – это прежде всего *дисциплина, организованность и умение укладываться в поставленные сроки.*

2. На втором месте по количеству единодушных ответов (около 50 %) отмечены такие параметры, как: *самостоятельность, умение использовать имеющиеся в распоряжении ресурсы;*

доведение процесса до желаемого результата; умение оценить последствия своих действий и поведения.

3. Менее половины студентов (44 %) считают смыслом профессиональной ответственности *высокое качество работы.*

4. *Выполнение поставленных вышестоящими лицами задач* отметили 31 % студентов.

5. *Готовность идти на риск* как смысл профессиональной ответственности отметили только 13 % респондентов.

Проанализировав наиболее характерные стратегии ответственного поведения, отмеченные учащимися, можно сформировать следующий набор стратегий:

- стремятся использовать все имеющиеся возможности и привлечь тех, кто может помочь в достижении результата, – почти половина студентов (46 %);

- всегда берутся за дело самостоятельно, доводят его до конца, несут за это ответственность – 21 %;

- выбирают работу по заранее известному алгоритму – 18 %;

- сначала узнают мнение экспертов, всё взвешают, а потом принимаются за дело – 15 % студентов.

Таким образом, можно отметить, что для студентов в целом характерна довольно четкая стратегия ответственного поведения, смысл и модель которой они формируют сами.

К основным элементам профессиональной ответственности учащиеся отнесли следующие составляющие:

- умение распределять обязанности среди членов коллектива, группы и постоянное обучение, совершенствование навыков для достижения безошибочности действий и минимизации неудач – соответственно 83 и 84 % студентов;

- доверие и готовность помогать – 24–27 %;

- ответственность за выполнение задачи, организованность и доведение дела до конца – всего по 1 % респондентов.

Можно обобщить, что в представлениях студентов-политехников профессиональная ответственность включает в себя в основном самостоятельность, организованность, дисциплину, результативность. Эти качества дополняются навыками привлекать ресурсы, находить единомышленников и управлять коллективом, умением рисковать. Большое значение для

молодежи в формировании ответственного поведения имеет наличие возможностей постоянного личностного совершенствования и повышения уровня знаний. И заметная часть студентов отмечает необходимость доверия как основы профессиональной ответственной деятельности. Такой образ ответственности свидетельствует о доминировании в сознании студентов позиции микроуровня, а также о том, что системный взгляд на профессиональную деятельность у них еще не сложился. Это связано со сложностью анализировать ее в комплексе и в контексте институциональных процессов и глобальных тенденций.

Заключение

Обращение к проблемам социальной оценки техники требует развития трансдисциплинарного коммуникативного пространства, в котором происходит осознанный выход за рамки экспертного сообщества, а число участвующих социальных акторов ширится за счет

включения в дискурс и коммуникацию не только ученых и специалистов техносферы, но и заинтересованных представителей различных социальных групп. Происходит изменение публичной сферы, где возникают новые структуры и темы диалога. В области инженерной и научной коммуникации значимое место отводится проблемам этики, биоэтики.

Формирование дискурса этической экспертизы на основе технико-технологических инноваций под управлением компетентных специалистов становится основанием для устойчивого развития общества [23]. Обеспечение готовности студентов – будущих инженеров – к ответственным исследованиям и социальной экспертизе инновационных разработок требует создания междисциплинарной профессиональной и образовательной среды, в которой возможна научная коммуникация представителей экспертного сообщества, ученых, преподавателей, молодежи по оценке форсайт-проектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vest С.М. Engineering. Innovations and the Challenges of the 21st century // Vanderbilt University, 2010. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1_cV1FmiUKw (дата обращения: 09.09.2018).
2. Шипунова О.Д., Денисков А.В. Субъектные взаимодействия в условиях современного технологического уклада // Междунар. науч.-исслед. журн. 2018. № 1–3 (67). С. 136–140. DOI: 10.23670/IRJ.2018.67.135.
3. Шипунова О.Д., Березовская И.П., Денисков А.В. Эволюция принципов проектирования взаимодействий в профессиональной среде // Вестн. науки Сибири. 2018. № 2 (29). С. 34–47.
4. Dobryakova M., Kotel'nikova Z. Social Embeddedness of Technology: Prospective Research Areas // Foresight Russia. 2015. № 9 (1). С. 6–19. DOI: 10.17323/1995-459x.2015.1.6.19.
5. Гребенщикова Е.Г. Ответственные исследования и инновации (RRI): переосмысление ответственности и партиципативные стратегии // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 12. URL: <http://human.snauka.ru/2015/12/13269> (дата обращения: 11.08.2018).
6. Горохов В.Г., Грунвальд А. Каждая инновация имеет социальный характер (Социальная оценка техники как прикладная философия техники) // Высшее образование в России. 2011. № 5. С. 135–145. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5347> (дата обращения: 28.08.2018).
7. Середкина Е.В., Черникова И.В. Гуманитаризация инженерного образования и социальная оценка техники // Вестн. ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2015. № 2. С. 37–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarizatsiya-inzhenerного-obrazovaniya-i-sotsialnaya-otsenka-tehniki> (дата обращения: 30.08.2018).
8. Макарова Е.Н., Колесова О.В. Социальная оценка техники и будущее искусственных наночастиц // Вестн. ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 2. С. 58–65.
9. Середкина Е.В. Социальная оценка техники в поворотные времена: вызовы трансдисциплинарности и национального // Вестн. ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 2. С. 66–73. DOI: 10.15593
10. Шилина М.Г. Ответственные инновации как фактор социальной ответственности корпорации: формируя концептуальную рамку исследования // Медиаскоп. 2017. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2313> (дата обращения: 15.08.2018).
11. Grunwald A. Responsible innovation: bringing together technology assessment, applied ethics, and STS research // Enterprise and Work Innovation Studies. 2011. No. 7. Pp. 9–31.

12. **Середкина Е.В.** Ответственные исследования и инновации, социальная оценка техники и устойчивое развитие // Вестн. ПНИПУ. Социально-экономические науки. Философия. 2016. № 2. С. 122–131.

13. **Рабочие** тетради по биоэтике / под ред. П.Д. Тищенко. Вып. 24. Философско-антропологические основания персонализированной медицины (междисциплинарный анализ). М., 2016.

14. **Inzelt A., Csonka L.** The Approach of the Business Sector to Responsible Research and Innovation (RRI) // Foresight and STI Governance. 2017. No. 11 (4). Pp. 63–73. DOI: 10.17323/25002597.2017.4.63.73.

15. **Ajzen I.** The Theory of Planned Behavior // Organizational Behavior & Human Decision Processes. 1991. No. 50 (2). Pp. 179–211.

16. **Bogatyeva K., Shirokova G.** From Entrepreneurial Aspirations to Founding a Business: The Case of Russian Students // Foresight and STI Governance. 2017. No. 11 (3). Pp. 25–36. DOI: 10.17323/25002597.2017.3.25.36.

17. **Шматко Н.А.** Компетенции инженерных кадров: опыт сравнительного исследования в России и странах ЕС // Форсайт. 2012. Т. 6, № 4. С. 32–47.

18. **Материалы** Исследовательского центра портала Superjob.ru 2015. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/111824/otvetstvennost-vazhneekarernyh-ambicij/> (дата обращения 02.09.2018).

19. **Корнев А.А.** Воспитание ответственности у студентов вуза в объединениях спортивной направленности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2014.

20. **Муконина М.В.** Организационно-экономические регуляторы профессионально ответственного отношения: методология и результаты исследования // Сибирский психол. журн. 2014. № 53. С. 148–166. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-ekonomicheskie-regulyatory-professionalno-otvetstvennogo-otnosheniya-metodologiya-i-rezultaty-issledovaniya> (дата обращения: 03.09.2018).

21. **Емельянова Т.П.** Профессиональная ответственность в обыденном сознании студентов-энергетиков // Информ. гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 2. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Emelianova_Professional-Responsibility-Students/ (дата обращения: 25.08.2018).

22. **Политех** глазами студентов: образование, наука, политика. Альманах социологических исследований 2016–2017 гг. / сост.: Л.В. Панкова, И.Р. Тростинская, Е.Г. Поздеева, А.Г. Танова / под ред. Е.М. Разинкиной. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017.

23. **Шипунова О.Д., Березовская И.П.** Особенности когнитивного взаимодействия в практике научной коммуникации // Дискурс. 2018. № 3. С. 3–9.

Поздеева Елена Геннадиевна

E-mail: elepozd@mail.ru

Тростинская Ирина Рафаиловна

E-mail: irtrost@mail.ru

Евсеева Лидия Ивановна

E-mail: levseeva@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.09.2018 г.

REFERENCES

[1] **C.M. Vest**, Engineering, Innovations and the Challenges of the 21st Century, Vanderbilt University, 2010. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=1_cV1FmiUKw (accessed 09.09.2018).

[2] **O.D. Shipunova., A.V. Deniskov**, [Subject interactions in the conditions of modern technological structure], Intern. Scientific and Research Journal, 1–3 (67) (2018) 136–140. DOI: 10.23670/IRJ.2018.67.135.

[3] **O.D. Shipunova, I.P. Berezovskaya, A.V. Deniskov**, [Evolution of the principles of designing interactions

in a professional environment], Bulletin of Siberian Science, 2 (29) (2018) 34–47.

[4] **M. Dobryakova, Z. Kotel'nikova**, [Social Embeddedness of Technology: Prospective Research Areas], Foresight Russia, 9 (1) (2015) 6–19. DOI: 10.17323/1995-459x.2015.1.6.19.

[5] **E.G. Grebenshchikova**, [Responsible Research and Innovation (RRI): rethinking responsibility and participatory strategies], Humanitarian research, 12 (2015). Available at: <http://human.snauka.ru/2015/12/13269> (accessed 11.08.2018).

- [6] **V.G. Gorokhov, A. Grunvald**, [Each innovation has a social character (Social evaluation of technology as an applied philosophy of technology)], *Higher Education in Russia*, 5 (2011) 135–145. Available at: <http://gtmar.ket.ru/laboratory/expertize/5347> (accessed 28.08.2018).
- [7] **E.V. Seredkina, I.V. Chernikova**, [Humanitization of engineering education and social assessment of technology], *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic Univ. Culture. History. Philosophy. Right*, 2 (2015) 37–47. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarizatsiya-inzhenernogo-obrazovaniya-i-sotsialnaya-otsenka-tehniki> (accessed 30.08.2018).
- [8] **E.N. Makarova, O.V. Kolesova**, [Social evaluation of technology and the future of artificial nanoparticles], *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic Univ. Culture. History. Philosophy. Right*, 2 (2016) 58–65.
- [9] **E.V. Seredkina**, [Social assessment of technology in turning times: challenges of transdisciplinarity and national], *Vestnik PNIPU. Culture. History. Philosophy. Right*, 2 (2017) 66–73. DOI: 10.15593.
- [10] **M.G. Shilina**, [Responsible innovation as a factor of corporate social responsibility: forming a conceptual framework for research], *Mediascope*, 2 (2017). Available at: <http://www.mediascope.ru/2313> (accessed 15.08.2018).
- [11] **A. Grunwald**, [Responsible innovation: bringing together technology assessment, applied ethics, and STS research], *Enterprise and Work Innovation Studies*, 7 (2011) 9–31.
- [12] **E.V. Seredkina**, [Responsible research and innovation, social assessment of technology and sustainable development], *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic Univ. Socio-economic sciences. Ser. Philosophy*, 2 (2016) 122–131.
- [13] **Rabochiye tetradi po bioetike** [Workbooks on bioethics], Ed. P.D. Tishchenko, No. 24. *Filosofsko-antropologicheskiye osnovaniya personalizirovannoy meditsiny (mezhdistsiplinarnyy analiz)* [Philosophical-anthropological foundations of personalized medicine (interdisciplinary analysis)], Moscow, 2016.
- [14] **A. Inzelt, L. Csonka**, *The Approach of the Business Sector to Responsible Research and Innovation (RRI), Foresight and STI Governance*, 11 (4) (2017) 63–73. DOI: 10.17323/25002597.2017.4.63.73.
- [15] **I. Ajzen**, *The Theory of Planned Behavior, Organizational Behavior & Human Decision Processes*, 50 (2) (1991) 179–211.
- [16] **K. Bogatyreva, G. Shirokova**, [From Entrepreneurial Aspirations to Founding a Business: The Case of Russian Students], *Foresight and STI Governance*, 11 (3) (2017) 25–36. DOI: 10.17323/25002597.2017.3.25.36.
- [17] **N.A. Shmatko**, [Competence of engineering personnel: the experience of comparative research in Russia and the EU countries], *Foresight*, 6 (4) (2012) 32–47.
- [18] **Materials** of the Research Center of the portal Superjob.ru 2015. Available at: <https://www.superjob.ru/research/articles/111824/otvetstvennost-vazhneekarernyh-ambicij/> (accessed 02.09.2018).
- [19] **A.A. Kornev**, *Vospitaniye otvetstvennosti u studentov vuza v obyedineniyakh sportivnoy napravlenosti* [Education of responsibility for university students in sports associations. Abstr. cand. diss.], Kostroma, 2014.
- [20] **M.V. Mukonina**, [Organizational-economic regulators of professionally responsible attitude: methodology and results of research], *Siberian Psychological J.*, 53 (2014) 148–166. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-ekonomicheskie-regulyatory-professionalno-otvetstvennogo-otnosheniya-metodologiya-i-rezultaty-issledovaniya> (accessed 03.09.2018).
- [21] **T.P. Yemelyanova**, [Professional responsibility in the ordinary consciousness of students–power engineers], *Informational humanitarian portal “Knowledge. Understanding. Skill”*, 2 (2013). Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Emelianova_Professional-Responsibility-Students/ (accessed 25.08.2018).
- [22] **Politekh** glazami studentov: obrazovaniye, nauka, politika. *Almanakh sotsiologicheskikh issledovaniy 2016–2017* [Polytech through the eyes of students: Education, science, politics. Almanac of sociological research 2016–2017], ed. E.M. Razinkina, Publishing house of Polytechnic Univ., St. Petersburg, 2017.
- [23] **O.D. Shipunova, I.P. Berezovskaya**, [Features of cognitive interaction in the practice of scientific communication], *Discourse*, 3 (2018) 3–9.

Pozdeeva Elena G.

E-mail: elepoz@mail.ru

Trostinskaya Irina R.

E-mail: irtrost@mail.ru

Evseeva Lidiya I.

E-mail: l.evseeva@mail.ru

Received 24.09.2018.

DOI: 10.18721/JHSS.9307
УДК 1:165; 1:167; 30:303.01

СИМУЛЯЦИЯ «СИМВОЛИЧЕСКОГО» В КОНЦЕПЦИИ МАССМЕДИА Ж. БОДРИЙЯРА

Л.В. Мурейко

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье выявляется основание для различения феноменов, обозначаемых Ж. Бодрийяром понятиями «симуляция» и «симулякр», «символическое» и «симулякр». Подчеркивается, что критическая позиция ученого по отношению к засилью симулякров в современном обществе требует учитывать различие им понятий «символическое как таковое» и «символическое насилие», чему в исследовательской литературе обычно не уделяется должного внимания. Акцент сделан на возможности структурного представления основного свойства симулякра четвертого (фрактального) порядка, позволяющего ему отрываться от реальности («полная взаимозаменяемость противоположностей»). Автор статьи приходит к выводу, что основанием симуляции символического со стороны кода массмедиа является имитация симулякром двойственности символа с доведением до предела нейтрально-промежуточного поля между двумя его сторонами. При этом используется бинарная семиотическая структура кода массмедиа (и симулякра). Свою унифицирующую, формальную знаковую систему код массмедиа вуалирует такими свойствами символа, как визуальность, эмоциональность и др.

Ключевые слова: символическое; симуляция; симулякр; символ; структура; бинаризм; массмедиа

Ссылка при цитировании: Мурейко Л.В. Симуляция «символического» в концепции массмедиа Ж. Бодрийяра // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 66–78. DOI: 10.18721/JHSS.9307

SIMULATION OF “SYMBOLIC” IN BAUDRILLARD’S CONCEPT OF MASS MEDIA

L.V. Mureyko

Petersburg State Transport University, St. Petersburg, Russian Federation

We have revealed the basis of the difference between the phenomena denoted by Baudrillard as “simulation” and “simulacrum”, “symbolic” and “simulacrum”. It is emphasized that Baudrillard’s own critical position on the dominance of simulacra

in modern society means that the difference between the concepts of “symbolic” as such and “symbolic violence” has to be taken into account, which is generally poorly understood in literature. The emphasis is on the possibility of structural representation of the main properties of the fourth (fractal) order simulacrum allowing it to break away from reality (“complete interchangeability of opposites”). We have come to the following conclusions. The basis of simulation of the symbolic by the mass media code is the simulation of the symbol duality by the simulacrum, bringing the neutral-intermediate field between its two sides to the limit. The binary semiotic structure of the mass media code (and simulacrum) is used. The mass media code veils its unifying, formal sign system with such properties of the symbol as visibility, emotionality, etc.

Keywords: symbolic; simulation; simulacrum; symbol; structure; binarism; mass media

Citation: L.V. Mureyko, Simulation of “symbolic” in Baudrillard’s concept of mass media, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (3) (2018) 66–78. DOI: 10.18721/JHSS.9307

Введение

Объектом нашего исследования является символическое как свойство языка и его симуляция в современном обществе, предметом исследования – особенность концептуального подхода Ж. Бодрийера к изучению указанного объекта с использованием таких понятий, как «симуляция» и «симулякр», «символическое как таковое» и «символическое насилие», «система» и «структура».

Сегодня усиливается тенденция срастания медиа и массмедиа, при том что назначение последних – не просто быть проводником информации, но и продуцировать особого рода среду обитания людей, укореняющуюся в повседневности: в ней сознание не выделяет себя. В этой связи возрастает актуальность проблемы онтологической достоверности транслируемых в медиа представлений о реальности. На пути к решению этой проблемы необходимо выявление механизма симуляции продуктивной символической сферы культуры средствами массмедиа.

О способности массмедиа к симуляции реальности как их характерной черте и символическом, порождающем раздвоение и затем вариативность интерпретации фиксированного значения, написано немало работ. Симуляция реальности вытекает из мимезиса (подражания), но в симулякре происходит сначала его отрицание (антимимезис), а затем переход к постмимезису – многогранному лабиринту бесконечных взаимных подражаний и отражений знаков друг в друге.

Проблема как спекулятивного, так и творческого мимезиса, порождающего симулятивную реальность, исследовалась еще древними греками. В наше время особенности симулятивных процессов в их связи с символическим кроме Ж. Бодрийера исследовали Р. Барт, Ж. Делёз, Ж. Лакан, Ж. Деррида, У. Эко, Ж.Ф. Лиотар, В. Беньямин, С. Жижек, российские ученые И.А. Мальковская, С.Г. Кара-Мурза, Ю.В. Пулю, Ж.Т. Тощенко, Б.М. Гаспаров, Д.В. Иванов, В.Ф. Бурлачук, В.А. Емелин и др.

Однако, несмотря на значительное количество публикаций по данной теме, понимание средств распознавания искусственных конструкций восприятия реальности именно за счет симуляции символических средств культуры всё еще остается недостаточно проясненным.

Постановка проблемы и цели исследования

Медиасреда формирует особого рода пространство, включенное в ткань повседневности. Оно является одновременно пространством и особыми адаптивными средствами, и искусственных потребностей, и новых способов референций, и размывания границ неявных принуждений. В этих условиях исследователи феномена симуляции реальности (и особенно ее предельной формы – симулякра) сталкиваются с существенными трудностями, что связано как с многоликостью этого явления, так и с тем, что для них проблематично взглянуть на симуляцию реальности как бы со стороны (из-за интеграции всех коммуникативных средств в обществе при ведущей роли массмедиа и втягивания ис-

следователя в формируемую ими особую среду глобальной системы коммуникации). Немаловажную роль в усложнении возможности критического взгляда на образ реальности играет неявная симуляция продуктивных культурных символических средств, осуществляемая современными массмедиа. В этой связи целью исследования является уточнение структурного механизма симуляции символической сферы культуры, как он представлен в концепции Ж. Бодрийяра, и критический анализ этой концепции.

Методология

В исследовании используются методы сравнительного, структурно-функционального и семиотического анализа.

Результаты исследования

Симуляция реальности, понимаемая в самом общем виде, — это лишь видимость реальности, ее имитация, замещение, которое может быть как контролируемым, так и не контролируемым сознанием.

Отметим специфическое понимание Ж. Бодрийяром понятия «симуляция». Оно уже понятия симулякра. Ученый выделяет в социальной истории четыре порядка симулякров, при том что *симуляция как таковая относится только к двум последним из них*, которые являются характерной чертой общества с коммуникационной системой глобального характера, срастающейся с массмедиа. Согласно Бодрийяру, *симуляция в собственном смысле* характеризует отношение знаков друг к другу как означающих, но не отношение означаемого и означающего. *Символическое как таковое — антипод симулякрам и симуляции, но симулякры могут его имитировать, особенно симулякры двух последних порядков.*

Символическое как таковое в толковании Бодрийяра, как нейтральное поле смыслов, стремясь сбросить привычные штампованные формы мысли, обращаясь к неизвестной реальности, требует в первую очередь отказа от общезначимых форм детерминации познаваемого, а значит, истории.

Сегодня действительно происходит драма истории [1], переосмысливаются сам феномен революции и роль в ней интеллектуалов [2], но можно ли отбросить полностью формы исто-

рической мысли? Сам Бодрийяр, противореча себе, полагает необходимым, аналитически подходить к выявлению сути симулякра, обратиться к истории смены разных видов имитации реальности.

Три типа порядков симулякров, как они представлены в «Символическом обмене...» в качестве этапов разных способов имитации реальности в истории европейской цивилизации от эпохи Ренессанса до нынешнего времени, — это 1) «подделка», 2) «производство», 3) «симуляция». При этом «симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка — на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка — на основе структурного закона ценности» [3, с. 111]. Имитация вещей в их естестве симулякром-«подделкой» поддерживается традицией, кастовостью общества. Имитация вещей в их естестве симулякром-«производством» базируется на принципах эквивалентности, труда, класса, авангарда, идеологии.

Позднее (в работе «Фатальные стратегии») Бодрийяр к трем «порядкам» симулякров добавляет четвертый — фрактальный. Термин «фрактальность» был введен Б. Мандельбротом для обозначения в математике дробных объектов, которые состоят из предельно малых, хаотически связывающихся частиц. Симулякр фрактального порядка — предельная форма симулякров, всесторонне, пролонгированно, неконтролируемо захватывающая сознание.

Симулякр — это замещение знаком чего-то такого под названием «реальность», что как таковое не известно за пределами современной знаковой системы, потерявшей связь с естественным, природным миром [4, с. 17–21].

На наш взгляд, суть симулякра в его толковании Бодрийяром как искусства притворства реальностью лучше всего дана им в следующем определении со ссылкой на Екклезиаста: «Симулякр — это вовсе не то, что скрывает собой истину, но — это истина, скрывающая, что ее нет» [Цит. по: 5, с. 8]. Выходит, желание истины как соответствия реальности — неистребимо. Это основа доверия знаку. На этом и спекулирует симулякр, контролируя зазор между реальностью и сомнением в ней.

В анализе проблемы симуляции Бодрийяр обращается к идейно-методологическому ба-

зису постмодернизма, привлекая и критически переосмысливая идеи политической экономии К. Маркса, семиотики Ф. Соссюра и Ч. Пирса, а также социологии М. Мосса, исследовавшего особенности экономического и культурного обмена в архаических обществах.

Позиция Бодрийяра в понимании симулякра органично вписывается в парадигму его постмодернистского толкования в целом. Так, очевидно совпадение в своей основе взглядов на симулякр Ж. Бодрийяра и Ж. Делёза. Когда Делёз уточняет методологическую основу своего толкования симулякра, сравнивая свою позицию с позицией Платона, он пишет: «Платон предлагает различать два измерения: измерение ограниченных и обладающих мерой вещей, измерение фиксированных качеств и „чистое становление вне какой-либо меры“, пребывание „сразу в двух смыслах“» [6, с. 13]. И далее: «...различие здесь проходит не между моделью и копией, а между копиями и симулякрами. Чистое становление, беспредельность — вот материя симулякра, поскольку он избегает воздействия идеи и ставит под удар как модели, так и копии одновременно» [Там же. С. 14]. И еще важное дополнение к этому Делёза: «Сам Платон иногда сомневается, не находится ли такое чистое становление в совершенно особом отношении с языком. В этом, видимо, основной смысл *Кратила*» [Там же].

Как было отмечено выше, идейно-методологическая база философских взглядов Делёза и Бодрийяра во многом сходна. Различие их позиций в том, что Делёз видит больше позитивного, плодотворного в симулякрах современного общества, позволяющих, с его точки зрения, расшатать стереотипную одномерность классического взгляда на реальность, Бодрийяр же больше акцентирует внимание на риски широкого распространения симулякров, что, по его мнению, несет с собой еще большую степень программируемости мышления. И «чистое становление, беспредельность» Бодрийяр, скорее, относит к позитивно оцениваемому им символическому, которое ближе к реальности. Но символическое сегодня, полагает ученый, захвачено массмедиа и искусно имитируется симулякром четвертого порядка, что требует выработки средств сопротивления этому.

В современной философской энциклопедии симулякр определяется как «образ, лишен-

ный сходства с предметом, но создающий эффект подобия» [7, с. 542]. Важно подчеркнуть то, что обеспечивает семиотическую возможность этого. Сам Бодрийяр разъясняет такую возможность следующим образом: с глобализацией массмедиа наступила «стадия полной относительности, всеобщей подстановки, комбинаторики и симуляции. *Симуляции в том смысле, что теперь все знаки обмениваются друг на друга, но не обмениваются на нечто реальное...*» (выделено мной. — Л. М.) [3, с. 52].

С чем это связано? Согласно Бодрийяру, капитализм сегодня («неокапитализм») не просто не собирается сдавать свои позиции, но и усиливает их за счет сделки с властью массмедиа и стремления к всеохватывающей форме существования всех сфер жизни (в том числе сфер потребностей, инстинкта самосохранения, информации, права, свободы, коммуникации, духовной культуры). Усиление властных позиций капитализма осуществляется именно посредством отрыва знака от его референта.

Как это возможно? За счет обесценивания на уровне знаковой системы обозначений всех противоположностей, за счет нейтрализации противоречия и симуляции оборачиваемости бинарного отношения «означаемое» — «означающее» при неявной доминанте означающего. Для современного капитала, полагает Бодрийяр, «иерархизировать инстанции — слишком опасная игра, грозящая обернуться против него. Нет, он умеет нивелировать, нейтрализовывать, разграфлять общей разметкой, делать неразличимым — и именно так он и действует согласно своему закону...» [Там же. С. 95–96].

В целом небывалое распространение симулякра, согласно Бодрийяру, обусловили следующие факторы: 1) союз современного капиталистического государства и массмедиа, втягивающих в себя все другие виды коммуникации; 2) разрыв в экономической сфере двух видов стоимости (меновая и потребительной); 3) замещение классов массами (усредненными индивидами с нейтральной субъектностью); 4) небывалые темпы развития техники и технологий, в том числе технологий влияния на сознание. Благодаря этому реальное замещено искусственным и управляемым со стороны массмедиа его представлением.

«Символическое», как его определяет Бодрийяр, «это... акт обмена и социальное отно-

шение, кладущее конец реальному, разрешающее в себе реальное, а заодно и оппозицию реального и воображаемого» [3, с. 243]. Форма символического — это форма обратимости, т. е. циклического обращения. Настоящий символический обмен, символическое как таковое, близкое к реальности, согласно Бодрийяру, было лишь в архаическом обществе, где отсутствовала иерархия, связанная с государственной властью.

Важно отметить толкование Бодрийяром особенности свойства *устойчивости* современной *социальной системы* — свойства, обеспечиваемого знаковым кодом.

Многие исследователи отмечают отказ постмодернизма от понятий «система» и «структура», но этот отказ относится к данным понятиям только в их классическом и структуралистском понимании.

Термин «структура» (*лат.* «строение», «устройство») в самом общем понимании означает взаимосвязь элементов в системе. Через наличие устойчивого характера этой связи структура обеспечивает внутреннюю организацию, целостность и тождественность системы самой себе. Понятия «структура» и «система», подразумевающая множество вариантов связей элементов в системе, акцентируют внимание на организующей их «форме».

В структурализме важнейшим является такое свойство системы, как бинарность, рассматриваемая как биполярность, которая носит характер диссимметрического диполя [8], т. е. «центрации» на одной из сторон противоположения с исключением свободной их перестановки. При противоположении «означаемого» и «означающего» первое из них имеет статус доминирующего и «считает» второе *своей* противоположностью. В работе «Структурализм как деятельность» Р. Барт детально представил технологию создания структур в структурализме. Основа этой технологии — в «регулярной повторяемости одних и тех же единиц и их комбинаций». «Комбинаторные правила» позволяют перестановки регулярных повторений, их различные комбинации и перекодировки в границах других знаковых систем, но только в рамках «формы», задаваемой «комбинаторными правилами» «регулярной повторяемости» с исключением какой-либо случайности.

Постструктурализм, постмодернизм в своем критическом отношении к классике и структурализму в понимании структуры и системы ориентируются на такое понимание бинарности и формообразующего фактора, при котором они были бы открыты развитию мира с учетом его постоянного изменения, обновления, конкретности, значимости случая. Важный момент постструктуралистского понимания структуры состоит в акценте на *промежуточном поле между бинарными оппозициями*, на возможности логического установления и (во избежание излишней формальности) конкретного учета множества переходных позиций и многочисленных различий, из-за чего возникает хаос в их отношениях. И это подрывает возможность строго организованных оппозиций и позволяет выйти за рамки программируемого мышления.

У. Эко в этой связи пишет: «Онтологическая ошибка не в том, чтобы всегда держать под рукой гипотезу тождества, стоящую на службе фронтального исследования различий. Онтологическая ошибка — считать запас возможного нетождества исчерпанным» [9, с. 322].

В условиях отвлечения внимания от субстанции, обеспечивающей тождество означаемого и означающего, акцентируется микродетализация промежуточного поля между означаемым и означающим, что смещает внимание с предметно-содержательной стороны сообщения на невидимый механизм ее конструкции. В рамках этой невидимой, «беспредметной», «теневой» стороны сообщения возможна оборачиваемость противоположностей, множественная интерпретация означаемого. Внимание к ней должно высвечивать «подлинное», служить базисной «подпиткой» для рефлексивного сомнения в возможно искусственных, стереотипных конструкциях образов реальности. Отсюда широкий интерес к символическим средствам архаического типа мышления, еще не знающего потребительского отношения к вещам, а также к не «запятнанному» технологиями манипуляции сознанию. По мнению Бодрийяра, современная система массмедиа искусно имитирует архаический тип мышления, в котором совмещались близость к реальности и безусловное доверие символическому ее представлению.

Будучи под влиянием работ М. Мосса о социальной основе специфического структурирования мышления в первобытном обществе,

Бодрийяр уточняет особенность связи современной социальной системы и соответствующего ей способа структурного, упорядоченного представления о мире, поддерживаемого коммуникативно-знаковым кодом. В первобытном обществе социально-экономический обмен базировался на непрестанной обратимости дара, его возмещении. В этих условиях было невозможно наделить ценностью лишь один из элементов структуры или вывести из обмена один сегмент. Все социальные отношения строились на безостановочном возвратном движении обмена.

В современном обществе власть, в том числе над порядком мышления, состоит в одностороннем одаривании, без возможности ответа. Однако социальная система симулирует как очевидность прямо противоположное, а именно, что власть базируется на оборачиваемом, равноценном обмене и, значит, на возможности возмещения властью того, что ею взято неправомерно. Посредством этого «перевертыша» социальной системой и осуществляется символическое господство. Так, на «дары» массмедиа, на их одностороннее распространение передач нечем отдариться, нечем в достаточной мере ответить, возразить, всегда будет символическая задолженность ответа в связи с монополией массмедиа на код.

Социологи В. Бурлачук и В. Танчер, анализируя понятие символического в творчестве Бодрийяра, отмечают, что он констатирует отсутствие в современной культуре символического [10]. Они отмечают также парадоксальность подобного утверждения в связи с тем, что нет культуры без символа и, значит, символического. И далее ученые приходят к выводу, что специфическая позиция Бодрийяра состоит в том, что он отказывает современности в символическом потому, что оно якобы присуще лишь архаическому обществу с оборачиваемым равноценным обменом.

На наш взгляд, здесь упускается из виду, что Бодрийяр различает понятия «символическое насилие» и «символическое как такое». Первое из них присуще современности, а второе не только архаическому мышлению, но и мышлению, оппозиционно настроенному по отношению к современному капитализму, породившему общество потребления. Нельзя сказать, что, согласно Бодрийяру, символиче-

ское не востребовано современным обществом, оно симулируется, исподволь реализуясь в виде символического насилия.

Систему символического насилия обеспечивает коммуникативный код. Еще в работе «Система вещей» Бодрийяр обращал внимание на изменение представлений людей о предметном мире в обществе, где на первый план выходит потребление вещей при их перепроизводстве: «вещи как бы болеют раком» с характерным свойством «безудержного размножения в них внеструктурных элементов» [11, с. 104].

Заместителем субстанции, «природного» и «рыночного» законов, которыми ранее регулировались ценности и их знаки, становится медийный код символического обмена (исходный смысл понятия кода берется Бодрийяром из структурной лингвистики и семиотики). Механизм действия кода, согласно Бодрийяру, аналогичен механизму ДНК. В его основе – самовоспроизводство с опорой на равноценность противоположностей («двух спиралей»). Задача кода – упорядочить «безумное становление» знаков в их оторванности от предметного мира, свести их к квазипредметным, квазипространственным формам. Генеративная формула кода – это «формула бинарности, кибернетической двоичности – не чистое повторение, а мельчайшее отклонение, минимальный зазор между двумя элементами, т. е. „мельчайшая общая парадигма”, способная поддерживать фикцию смысла» [3, с. 151].

Код действует так, что *симуляция обратимого обмена* (обращения дара) в сочетании с односторонним одариванием проявляет себя *через цензуру двойственно читаемого знака*. Благодаря этому можно приручить, сделать своим всё то, что считалось Другим, выходящим за рамки системности. И если вы не довольны системой, пытаетесь ее критически осмыслить, предложить другое, то система в ответ предложит вам *своего Другого*.

Напомним, что символическое как такое Бодрийяр толкует следующим образом: «Неукоснительная обратимость отношений... такова суть символической обязанности» [Там же. С. 48]. Действие, которое могло бы превзойти структурное насилие кода, по Бодрийяру, руководствуется следующим принципом: «Да будет каждый элемент... истреблен, да упразднится ценность в этом самоперевороте

элемента» [3, с. 48]. Иначе говоря, прорвать код может лишь «бес-порядок символического».

В обществе потребления, обществе масс *код подчиняет себе символическое, используя его бинарность, двойственность (в том числе своего и Иного) для самодостаточности системы, для замыкания ее на самой себе, чтобы она была полной собственницей всех представлений о реальности.* В системе массмедиа, в симулякре отдаленность, различие двух полюсов бинарности вопроса и ответа, в действительности, полагает Бодрийяр, симулятивна. Она представляет собой «эффект реальности внутри самого знака», или «тактическую галлюцинацию». Означаемое теряет свою собственную специфику, которую признавал структурализм, и становится другой стороной означающего. Вопрос о копиях реальности, о ее отражении не возникает.

Итак, Бодрийяр устанавливает факт имитации кодом массмедиа бинарной схемы представления реальности, характерной для архаического мышления. Общее в симулятивных действиях кода массмедиа и символической системы архаического мышления, наиболее близкого к самой реальности, — установление структурного различия бинарных сторон через отнесенность не к общему для них субстанциальному основанию, а к их переменной функциональной взаимосвязи.

Некоторые из отечественных философов, не представляя себе бинера без таких свойств, как противоречие, иерархия и структура, анализируя толкование постмодернизмом бинарности мышления в выражении им реальности и ссылаясь на отказ Бодрийяра от структуры, высказывают недоумение: если в неупорядоченной целостности все бинеры нейтрализованы, то как возможно познание этой целостности? [См.: 12].

Ответ со стороны постмодернизма предполагает следующее. Бинер выражает двойственность целого, которую классическое мышление выражает через противоречие, иерархию как условие структуры. Постмодернизм рассматривает такой вариант бинарности, когда ее стороны различны, но ни одна из них не обладает приоритетом, что обеспечивает им обратимость, но не слияние. При этом отказ от структуры в ее классическом варианте, со ссылкой на ее излишнюю нормативную жесткость, формальное представление единичного,

конкретного, нового, часто происходит в пользу не заданной, поисковой целостности, открытой непредсказуемому, полноте деталей, связи неиерархического характера.

Ж. Делёз в своей работе «Логика смысла» (в разделе «Восьмая серия: структура» [6, с. 68–73]), критически осмысливая структуралистское толкование К. Леви-Строссом структуры (через разведение двух линий: означающего и означаемого), отмечает, что в понимании структуры наиболее важным моментом является *зазор* между означаемым и означающим. Этот *зазор, промежуток* между означаемым и означающим, представляемый парадоксальным элементом, сам по себе лишен смысла, но способен принять на себя любой смысл. Его Делёз называет «символической значимостью нуля» [Там же. С. 70], или знаком, указывающим на необходимость символического неизвестного содержания в дополнение к уже известному, ограниченному содержанию предполагаемого означаемого.

Для Бодрийяра структура так же, как и для Делёза, может существовать через равноценность всё же различающихся противоположностей, представляющих «систему», открытую новому, непредсказуемому, или искомую целостность, но не структуру в классическом смысле. Стремясь *нейтрализовать посредством симулякра любой зазор между означаемым и означающим*, но неявно используя смысл структуры в структуралистском понимании, код массмедиа тем самым использует симуляцию символического как такового.

Выйти за рамки той реальности, которая программируется современной социальной системой общества потребления, полагает Бодрийяр, можно, только освободив символическое как таковое из-под власти кода массмедиа. Средство осуществления этой цели должно быть радикальным — это такой свободный язык поэзии, который соответствует принципу обратимости оппозиций. При этом необходима «смертельная спекуляция, единственным методом которой является радикализация всех гипотез. Даже „код” и „символическое” — всё еще термины-симуляторы; хорошо бы суметь постепенно вывести их за пределы речи» [3, с. 48]. И только так можно выйти за рамки той реальности, которая программируется социальной системой, замыкающей на себя такие противоположно-

сти, как объект-субъект, причина-следствие, обусловленность-свобода. Однако одной радикализацией, стихией сопротивления привычному, согласно Бодрийяру, делу не поможешь. Он имеет в виду необходимость особой структуры (формы, структурирующей мышление и практику), иной по сравнению с классическим и структуралистским ее пониманием, по сути похожей на ту, которую предлагает Делёз.

Фиксируя жесткую замкнутость на себя социальной системы за счет программируемых симулякров, подчиняющихся знаковому коду, Бодрийяр отмечает особую роль в радикальном прорыве к реальности поэтического языка сюрреалистического толка, отвлекающегося от предметного содержания и экспериментирующего с формой. При этом, по Бодрийяру, должна остаться привязанность к форме в том смысле, в каком она дает творческую раскованность мышлению без риска потерять время и энергию на поток слов о бесконечном многообразии предметного мира.

Обращение Бодрийяра к языку поэзии в противовес всепроникающему дискурсу медиа можно понять. Поэзия действительно обладает особыми дискурсивными средствами обнаружения реальности. М. Мамардашвили говорит о том, что поэт – это феноменолог, выполняющий акт редукции по отношению к привычному знанию символическими средствами [13, с. 44].

П. Рикер отмечает, что поэтический язык создает «слияние» смысла и чувственного восприятия в отличие от непоэтического, где смысл ради конвенциональной общности значений знака предельно «очищен» от сенсорной составляющей. При этом союз смысла и ощущений создает видение объектов, как бы замкнутых на себе. В результате «язык, вместо того, чтобы быть лишь чем-то на пути к действительности, сам оказывается материалом, как мрамор для скульптора» [14, с. 46].

Понимание символического производно от понимания символа. Что же такое символ? В самом общем понимании символа обычно имеется в виду особый способ раздвоенности его функционирования (между двумя формами предметности, между означаемым и означающим, между фрагментарностью и целостностью восприятия мира, между сакральным и повседневным, между своим и иным).

Выходящая на первый план предметно-образная форма обозначаемого, выражая незримые, неопределенно сложные природные и социокультурные связи, становится другой предметностью, не поддающейся обычным дискурсивным средствам выражения. В отличие от обычного знака символ производит эмоциональное напряжение, обусловленное невыразимостью прямым образом того, что в нем представлено и что в пределе осваивается через ритуал или вариативно *деятельное* включение в символическую культурную среду.

В толковании А.Ф. Лосевым, символ вещи – это особый знак, «не мертвый», но «рождающий собою многочисленные единичные структуры, обозначенные им в общем виде как отвлеченно-данная идейная образность» [15, с. 68]. Эта «идейная образность» обеспечивает встречу, единство материального и идеального, сущего и инобытия, познанного и непознанного, личного и безличного. Важно, что обращенность символа к космическим масштабам мира, к возвышенному, сакральному, легко вписывается в повседневность. С позиции повседневной практической жизни, обычного опыта, символ удивительным, чудесным образом разрешает в себе ранее неразрешимое противоречие. Он обеспечивает связность идеально разумного смысла и абсурдной стихии, меонической текучести истории [16, с. 489].

Имея это в виду, можно согласиться с К.А. Свасьяном в том, что «символа собственно нет ни в одной из его форм; бытие его – в метаморфеме, т. е. в переходе форм» [17, с. 116–117].

Символ может быть использован и для расширения свободы, и властно: в качестве принуждения [18]. Будучи включенным в ритуал, символ одновременно содействует и структуре, и антиструктуре соответствующего действия [19, 20].

В концепции символа М. Кастельса, как он ее излагает в монографии «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (в пятом разделе «Культура реальной виртуальности...») [21], назначение символа – наделять практику неким значением, которое отклоняется от его прямого семантического определения, он считает основанием для виртуальной реальности во все времена. С этой позиции во всех обществах реальность и ее символическое отображение не существуют раздельно. Симво-

лическая природа языка заставляет его кодировать двусмысленность, но так, что разнообразие возможных интерпретаций значения остается приоткрытым.

Особенность культурного пространства современного общества, полагает Кастельс, определяется тем, что в нем система коммуникаций, представляющая собой цифровую, сетевую интеграцию всего множества видов коммуникации, охватывает и втягивает в себя все проявления культуры. Символическая система языка со свойством символа к отклонению от строго фиксированного значения факта начинает превалировать над системой строгих значений настолько, что виртуальная реальность замещается строительством реальной виртуальности. Это значит, что «виртуальное» (как существующее на практике, но не в строго данной форме или наименовании) уже *не отделяется от опыта* коммуникации.

Бодрийяр явно или неявно учитывает все вышеперечисленные свойства символа. При этом он выводит на уровень предела такое его свойство, как установление примирительного, нейтрально-промежуточного поля между оппозициями. На таком понимании символа базируется понятие символического в концепции Бодрийяра.

Подчеркнем: в текстах Бодрийяра не выделено, но подразумевается важное основание самой возможности массмедиа симулировать символическое посредством своего кода с присутствием ему симулякра. Таким основанием является *имитация симулякром двойственности символа с доведением до предела нейтрально-промежуточного поля между двумя сторонами символа. Это происходит с использованием бинарной семиотической структуры кода массмедиа (и симулякра)* через двойственность замыкающегося на себе знака. Одна сторона двойственности знака – симулируемое означаемое, а другая – означающее. При этом означаемое теряет свою собственную специфику, которую еще признавал структурализм, и становится другой стороной означающего.

Само по себе символическое (без программирования посредством кода массмедиа), согласно Бодрийяру, предполагает производное символа, семиотические стороны которого («означаемое» и «означающее») свободно оборачиваются, что он показывает на примере

коммуникативного обмена знаками-символами в архаическом обществе.

Итак, характерные свойства символа – это двойственность (свойство наделять практику неким значением, отклоняющимся от его прямого семантического определения); предметно-образный способ выражений в действительности незримого; посредническая роль между конкретным и неопределенной целостностью мира, в который включено это конкретное; нейтрализация контрарного характера взаимоотношения противоположностей; особый способ (форма) структурирования связи между конкретным и целостностью мира, реализуемый через функцию трансформации.

Добавим к этому и то важное онтологическое свойство символа, на которое указывал М.К. Мамардашвили: символ «всегда есть то, что мы не до конца понимаем, но что мы есть как понимающие, как существующие» [13, с. 59].

Заметим, что символ поддерживает близость субъективного переживания и реальности, если человек готов расстаться с самим собой, существующим в привычном измерении мира. И именно практика уникального переживания, поддерживаемая формой поэтического языка, может создать иное измерение пространства и времени бытия человека, которое может оказаться подготовкой способности к неформальному пониманию мира и другого человека.

Конечно, нельзя не учитывать, что сегодня массмедиа в невиданных ранее масштабах фабрикуют видимость индивидуальности, на что справедливо указывает Бодрийяр. И всё же зададимся вопросом: необходимы ли в современных условиях социальной жизни, как считает Бодрийяр, абсолютная радикализация средств языка и полный отрыв от общезначимых форм знания?

Очистительная в отношении симулякров функция художественной формы языка, на которую надеется Бодрийяр, в конечном счете базируется на формах мышления, складывающихся в фундаментальных усложняющихся связях социальных отношений, не исключая стихии, непредсказуемости. Вряд ли они могут быть полностью схвачены знаковой системой массмедиа. При чрезмерной искусственности вещи будут давать «отпор» (Б. Латур).

Когда И. Пригожин, как и Ж. Бодрийяр, пересматривает классическое понимание струк-

туры, он вводит для сложных неустойчивых систем понятие «диссипативные структуры» [22, с. 54], связывая диссипацию с генерацией радикально новых, ранее не известных структур, способствующих отысканию новых типов динамики и порядка. При этом возможность конструктивной роли диссипативных процессов он усматривает во всех типах сложных систем и непременно при взаимодействии системы с реальностью внешней среды. Тем самым любая с необходимостью изменяющаяся упорядоченная система, в том числе и социально-коммуникативная, не исключает стихии, встречи с непредсказуемым, уникальным.

На возможность избежать сетей коммуникативного кода массмедиа, не выходя из современной системы коммуникации, указывает М. Кастельс. Он убежден: не существует «некодированного» реального опыта, через который мы воспринимаем реальность. Новой коммуникационной системе, базирующейся на символической природе языка, кроме интеграции всех сообщений программирующего характера и господства ряда персон и сообществ в распределении потоков информации, также свойственны, считает он, мультимодальность и неустойчивость. В борьбе за представление реальности победит тот, кто это понимает, кто настроен на широкое мобильное взаимодействие, освоил язык и механизмы сетевой коммуникативной системы. Только на этой основе, согласно Кастельсу, возможно создание новых кодов для контроля уже сложившихся и тем самым создание *новой двойственной* системы господства и свободы производимой в обществе информации.

Согласимся с Кастельсом, но не полностью. Бодрийяр прав, когда в новом сетевом типе коммуникации он всё же придает немаловажную ценность непосредственно личным, не сетевым контактам, которые Кастельс относит к разряду маргинальных и малозначимых.

Предупреждение Ж. Бодрийяра об опасности захвата системой массмедиа бытийных основ сознания, подкрепленное обстоятельным анализом социально-семиотического механизма симуляции реальности, нельзя игнорировать. Важно в этой связи обратить внимание на исследования по трансформации социальных эмоций, самоидентификации индивидуальности в условиях расширяющегося поля ки-

беркультуры [23–26], исследования изменения нейроструктур при формировании новых стереотипов [27–29].

Следует также учитывать продуктивные наработки символического интеракционизма в исследовании коммуникативного аспекта в идентификации индивидуального, деятельно включенного в символическую среду общества, как и связи неконтролируемых пластов языка и прагматических установок [30–32]. Отметим и актуальность разработок моделей антиязыка [33], архаизированного языка [34], нового языка искусства [35] как моделей дискурсов, альтернативных дискурсу массмедиа.

Вместе с тем стоит поставить под вопрос возможность полностью принять концепцию средств противостояния дискурсу массмедиа в виде поэтического языка, базирующегося на радикально свободной оборачиваемости сторон бинарности. Здесь следует обратиться к идеям М. Бахтина, всегда акцентирующего проблему поступка, проблему *выбора* одной из двух и более возможностей. В излишней задержке на оборачивании противоположностей, в том числе субъекта и объекта, как справедливо отмечает М. Мамардашвили, есть опасность того, что будем мы бродить по разным местам «безъязыкие, с перепутанной памятью, с переписанной историей, не зная порой, что действительно происходило вокруг нас и в самих нас, не чувствуя права на знание свободы и ответственности за то, как ею пользоваться» [13, с. 120].

Заключение

1. Согласно Бодрийяру, основанием симуляции символического в современном обществе является *имитация симулякром двойственности символа. Симулякром доводится до предела нейтрально-промежуточное поле между двумя сторонами символа. Это происходит с использованием бинарной семиотической структуры кода массмедиа (и симулякра) через двойственность замыкающегося на себе знака.*

2. На пути методологического решения вопроса о контроле определенным образом структурированного («правильного», «адекватного») мышления в современной сложной, глобальной системе коммуникации важно обратить внимание как минимум на три следующих средства.

1) Разработка специфики ситуативных порядков повседневной жизни в этнометодо-

логии [36], конкретизирующей идеи символического интеракционизма, — порядков, находящихся в промежуточной среде между системой, структурой и структуриацией. (*Система* поддерживает относительно *стабильные совокупности* действий. *Структура* формирует *правила* трансформации структурных элементов действия. *Структуриация* производит *изменение правил* — структур — взаимодействия индивидов [37].)

2) Дальнейшая разработка «органической логики евразийства» 20–30-х гг. XX в., продолженной Л.Н. Гумилевым. Органическая логика «евразийцев», опирающаяся на специфику и

ритм биогеоценозов в природе, влияющих на особенность этносов, жизнь отдельного человека, несет в себе продуктивные средства коррекции механистического стиля мышления, ограниченно понимающего реальность.

3) В исследовании базисных объяснительных схем, на которые опирается создание инструментов дискурсивной диверсии [38], важно расширение возможностей дискурса социально-гуманитарных наук в понимании уникального, стихийного за счет выявления и использования продуктивных зерен дискурса поэтики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Самылов О.В.** История как драма: к вопросу о формировании принципа историзма // Манускрипт. 2012. № 3–2. С. 159–163.
2. **Фортунатов В.В., Самылов О.В.** Интеллигенция и революция в России // Перспективы будущего в образовательном процессе: сб. тез. национальной науч.-техн. конф. СПб.: Изд-во ПГУПС, 2016. С. 128–130.
3. **Бодрийяр Ж.** Символический обмен и смерть. М.: Добросвет : КДУ, 2006. 389 с.
4. **Бодрийяр Ж.** Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
5. **Зенкин С.** Жан Бодрийяр: время симулякров // Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет : КДУ, 2006. С. 5–40.
6. **Делёз Ж.** Логика смысла. М.: Академия, 1995. 298 с.
7. **Огурцов А.П.** Симулякр // Новая филос. энцикл. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 542–544.
8. **Голубева Н.А.** Диссимметрия «игры в бисер»: краткое введение в метатеорию постмодернизма: моногр. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. 188 с.
9. **Есо U.** La struttura assente. Milano, 1968.
10. **Бурлачук В., Танчер В.** Символ и симулякр. Концепция символа в социологии постмодерна // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 1. С. 15–29.
11. **Бодрийяр Ж.** Система вещей. М.: Рудомино, 2001. 224 с.
12. **Егоров А.Г.** Познание и бинер // Казанская наука. 2011. № 7. С. 27–30.
13. **Мамардашвили М.** Как я понимаю философию. М.: Прогресс : Культура, 1992. 416 с.
14. **Рикер П.** Живая метафора // Семиотика. Т. 1. Благовещенск, 1998. С. 16–46.
15. **Лосев А.Ф.** Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. М.: Искусство, 1995.
16. **Лосев А.Ф.** Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 962 с.
17. **Свасьян К.А.** Проблема символа в современной философии. Благовещенск, 2000.
18. **Smith P.** Narrating the Guillotine: Punishment Technology as Myth and Symbol // Theory, Culture and Society. 2003. Vol. 20. Pp. 27–51.
19. **Turner V.** The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. Chicago: Aldine, 1969.
20. **Turner V.** Metaphors of AntiStructure in Religious Culture // Dramas, Fields and Metaphors. Symbolic Action in Human Society. Ithaca; L.: Cornell Univ. Press, 1975. Pp. 272–299.
21. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: Изд-во Высш. шк. экономики, 2000. 600 с.
22. **Пригожин И., Стенгерс И.** Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой [пер. с англ.]. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
23. **Rogers K.B., Schroder T., Scheve C., von.** Dissecting the sociality of emotion: A multi-level approach // Emotion Rev. 2014. No. 6 (2). Pp. 124–133.
24. **Rogers K.B., Robinson D.T.** Measuring affect and emotions // Stets J.E., Turner J.H. (eds.). Handbook of the Sociology of Emotions. Vol. II. N. Y.: Springer, 2014. Pp. 283–303.
25. **Robinson L.** The cyberself: The selfing project goes online, symbolic interaction in the digital age // New Media and Society. 2007. No. 9 (1). Pp. 93–110.
26. **Gottschalk S.** The presentation of avatars in second life: Self and interaction in social virtual spaces // Symbolic Interaction. 2010. No. 33 (4). Pp. 501–525.
27. **Nelson T.D.** The neurobiology of stereotyping and prejudice // Franks D.D., Turner J.H. (eds.). Handbook of Neurosociology. N. Y.: Springer, 2013. Pp. 349–358.

28. **Niemeyer R.E.** What are the neurological foundations of identities and identity-related processes? // Franks D.D., Turner J.H. (eds.). Handbook of Neurosociology. N. Y.: Springer, 2013. Pp. 149–165.

29. **Hopcroft R.L.** Neurosociology and theory of mind (TOM) // Franks D.D., Turner J.H. (eds.). Handbook of Neurosociology. N. Y.: Springer, 2013. Pp. 231–241.

30. **Salvini A.** Symbolic interactionism and social network analysis: An uncertain encounter // Symbolic Interaction. 2010. No. 33 (3). Pp. 364–388.

31. **Manning P.K.** Semiotics, pragmatism, and narratives // Reynolds L.T., Herman-Kinney N.J. (eds.). Handbook of Symbolic Interactionism. Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 2003. Pp. 1021–1039.

32. **Altheide D.L.** The control of narrative of the internet // Symbolic Interaction. 2004. No. 27 (2). Pp. 223–245.

33. **Нилогов А.** Философия антиязыка. СПб.: Алетейя, 2013. 216 с.

34. **Гиренок Ф.И.** Эстетика катастрофы // Философия хозяйства. 2013. № 6. С. 125–129.

35. **Что такое искусство? (Круглый стол)** // Филос. журн. 2016. Т. 9, № 4. С. 18–47.

36. **Гарфинкель Г.** Обыденное знание социальных структур: документальный метод интерпретации в профессиональном и непрофессиональном поиске фактов // Социол. обозр. 2003. Т. 3, № 1. С. 3–5.

37. **Гидденс Э.** Устроение общества. Очерк теории структуриации. М.: Академ. проект, 2003. 528 с.

38. **Шипунова О.Д.** Инструменты дискурсивной диверсии // Петербургская весна культуры: матер. XIV Междунар. форума (Санкт-Петербург, 19–20 мая 2016 г.). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. С. 82–85.

Мурейко Лариса Валериановна

E-mail: lamureiko@gmail.com

Статья поступила в редакцию 01.08.2018 г.

REFERENCES

[1] **O.V. Samylov**, [History as drama: on the formation of the principle of historicism], Manuscript, 3 (2) (2012) 159–163.

[2] **V.V. Fortunatov, O.V. Samylov**, [Intelligentsia and revolution in Russia], in: Perspektivy budushchego v obrazovatel'nom protsesse [Prospects of the future in the educational process. Proc. of the Nation Forum], PGUPS Publ., St. Petersburg, 2016, pp. 128–130.

[3] **J. Baudrillard**, Simvolicheskiy obmen i smert' [Symbolic exchange and death], Dobrosvet, KDU, Moscow, 2006.

[4] **J. Baudrillard**, Simulyakry i simulyatsiya [Simulacra and simulation], Tulskiy poligrafist, Tula, 2013.

[5] **S. Zenkin**, Zhan Bodriyyar: vremya simulyakrov [Jean Baudrillard: time of simulacra], in: J. Baudrillard, Simvolicheskiy obmen i smert' [Symbolic exchange and death], Dobrosvet, KDU, Moscow, 2006, pp. 5–40.

[6] **G. Deleuze**, Logika smysla [The Logic of sense], Akademiya, Moscow, 1995.

[7] **A.P. Ogurtsov**, Simulyakr [Simulacrum], in: [New encyclopedia of philosophy], in 4 vol., of vol. 3, Mysl', Moscow, 2010, pp. 542–544.

[8] **N.A. Golubeva**, Dissimetriya «igry v biser»: kratkoye vvedeniye v metateoriyu postmodernizma [Dissymmetry “the glass bead game”: a brief introduction to meta-theory of postmodernism. Monogr.], Moscow, 2009.

[9] **U. Eco**, La struttura assente, Milano, 1968.

[10] **V. Burlachuk, V. Tancher**, [The symbol and the simulacrum. The concept of symbol in postmodern sociology], Sociology: theory, methods, marketing, 1 (2004) 15–29.

[11] **J. Baudrillard**, Sistema veshchey [System of things], Rudomino, Moscow, 2001.

[12] **A.G. Yegorov**, [Cognition and biner], Kazan science, 7 (2011) 27–30.

[13] **M. Mamardashvili**, Kak ya ponimayu filosofiyu [As I understand philosophy], Progress, Kul'tura, Moscow, 1992.

[14] **P. Riker**, Zhivaya metafora [Live metaphor], in: [Semiotics], of vol. 1, Blagoveshchensk, 1998, pp. 16–46.

[15] **A.F. Losev**, Problema simvola i realisticheskoye iskusstvo [The problem of symbol and realistic art], Iskusstvo, Moscow, 1995.

[16] **A.F. Losev**, Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii [Essays on ancient symbolism and mythology], Mysl', Moscow, 1993.

[17] **K.A. Svas'yan**, Problema simvola v sovremennoy filosofii [The problem of symbolism in modern philosophy], Blagoveshchensk, 2000.

[18] **P. Smith**, Narrating the Guillotine: Punishment Technology as Myth and Symbol, Theory, Culture and Society, 20 (2003) 27–51.

[19] **V. Turner**, The Ritual Process: Structure and Anti-Structure, Aldine, Chicago, 1969.

- [20] **V. Turner**, Metaphors of AntiStructure in Religious Culture, in: Dramas, Fields and Metaphors. Symbolic Action in Human Society, Cornell Univ. Press, Ithaca, London, 1975, pp. 272–299.
- [21] **M. Kastels**, Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information age: economy, society and culture], Moscow, 2000.
- [22] **I. Prigozhin, I. Stengers**, Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy [Order out of chaos: man's New dialogue with nature], Progress, Moscow, 1986.
- [23] **K.B. Rogers, T. Schroder, C. von Scheve**, Dissecting the sociality of emotion: A multi-level approach, Emotion Rev., 6 (2) (2014) 124–133.
- [24] **K.B. Rogers, D.T. Robinson**, Measuring affect and emotions, in: J.E. Stets, J.H. Turner (eds.), Handbook of the Sociology of motions, of vol. II, Springer, New York, 2014, pp. 283–303.
- [25] **L. Robinson**, The cyberself: The selfing project goes online, symbolic interaction in the digital age, New Media and Society, 9 (1) (2007) 93–110.
- [26] **S. Gottschalk**, The presentation of avatars in second life: Self and interaction in social virtual spaces, Symbolic Interaction, 33 (4) (2010) 501–525.
- [27] **T.D. Nelson**, The neurobiology of stereotyping and prejudice, in: D.D. Franks, J.H. Turner (eds.), Handbook of Neurosociology, Springer, New York, 2013, pp. 349–358.
- [28] **R.E. Niemeyer**, What are the neurological foundations of identities and identity-related processes? in: D.D. Franks, J.H. Turner (eds.), Handbook of Neurosociology, Springer, New York, 2013, pp. 149–165.
- [29] **R.L. Hopcroft**, Neurosociology and theory of mind (TOM), in: D.D. Franks, J.H. Turner (eds.), Handbook of Neurosociology, Springer, New York, 2013, pp. 231–241.
- [30] **A. Salvini**, Symbolic interactionism and social network analysis: An uncertain encounter, Symbolic Interaction, 33 (3) (2010) 364–388.
- [31] **P.K. Manning**, Semiotics, pragmatism, and narratives, in: L.T. Reynolds, N.J. Herman-Kinney (eds.), Handbook of Symbolic Interactionism, AltaMira Press, Walnut Creek, CA, 2003, pp. 1021–1039.
- [32] **D.L. Altheide**, The control of narrative of the internet, Symbolic Interaction, 27 (2) (2004) 223–245.
- [33] **A. Nilogov**, Filosofiya antiyazyka [Anti-language philosophy], Aleteyya, St. Petersburg, 2013.
- [34] **F.I. Girenok**, [The aesthetics of disaster], Philosophy of economy, 6 (2013) 125–129.
- [35] **[What is art? Round table]**, Philosophical Journal, 9 (4) (2016) 18–47.
- [36] **G. Garfinkel**, [The everyday knowledge of social structures: the documentary method of interpretation in professional and non-professional search for the facts], Sociological rev., 3 (1) (2003) 3–5.
- [37] **E. Giddens**, Ustroyeniye obshchestva. Ocherk teorii strukturatsii [Organization of society. Essay on the theory of structuration], Akademicheskii proyekt, Moscow, 2003.
- [38] **O.D. Shipunova**, Instrumenty diskursivnoy diversii [Tools of discursive sabotage], in: Peterburgskaya vesna kul'tury ["Petersburg spring culture". Proc. of the Intern. Forum], St. Petersburg, 2016, pp. 82–85.

Mureyko Larisa V.

E-mail: lamureiko@gmail.com

Received 01.08.2018.

DOI: 10.18721/JHSS.9308

УДК 111

МАНИПУЛЯТИВНАЯ ВОСПРИИМЧИВОСТЬ ТИНЕЙДЖЕРОВ И ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ*

И.Б. Романенко, Ю.В. ПуюРоссийский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Внедрение виртуальной реальности в сознание человека привело к тому, что она заняла значительное место в жизни тинейджеров, породив целый ряд зависимостей и трансформаций личности, о которых идет речь в данной статье. Компьютерная зависимость — это патологическая связь между человеком и компьютером, отличающаяся снижением уровня самоконтроля, вытеснением «нормальной» жизни и привязанностей и т. п. Другой важной проблемой существования тинейджера в информационном обществе является его манипулятивная восприимчивость, уязвимость. Особую опасность для исследуемой аудитории имеет метод профильного (поведенческого) таргетирования, поскольку предполагает точечное воздействие на индивида на основе тщательно собранной и определенным образом обработанной информации. В статье также поднята проблема обоснования стратегий выстраивания продуктивного взаимодействия с тинейджерами. Результаты проведенного исследования могут быть полезны в социальной практике, педагогическом процессе, при экспертных оценках современной ситуации в области информационных технологий.

Ключевые слова: виртуальная реальность; манипуляция; тинейджер; жизненная активность; продуктивное взаимодействие; компьютерная зависимость; аддитивный континуум; самоопределение; свобода

Ссылка при цитировании: Романенко И.Б., Пую Ю.В. Манипулятивная восприимчивость тинейджеров и виртуальная реальность // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 79–86. DOI: 10.18721/JHSS.9308

MANIPULATIVE RECEPTIVITY OF TEENAGERS AND VIRTUAL REALITY

I.B. Romanenko, Yu.V. Puyu

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

Virtual reality permeating the human consciousness has taken a significant place in the life of teenagers, giving rise to a number of addictions and personal transformations which will be discussed in the article. Computer addiction is a pathological connection

* Грант РФФИ (проект № 18-011-00759а «Формирование постматериальных ценностей молодежи в образовательном пространстве и молодежных субкультурах: социокультурная аналитика состояния развития и прогностика социальных рисков»).

forming between a person and a computer, which is characterized by a lower level of self-control, displacement of “normal” life and attachments, etc. Manipulative susceptibility of a teenager in the information society is another important problem. The method of profile (behavioral) targeting has a special danger for the studied audience because it assumes a point impact on the individual on the basis of carefully collected and processed information. We have also raised the issue of justifying strategies for building productive interaction with teenagers. The results of the study can be useful in social practice, the pedagogical process, expert assessments of the current situation in the field of information technology.

Keywords: virtual reality; manipulation; teenager; vital activity; productive interaction; computer addiction; addictive continuum; self-determination; freedom

Citation: I.B. Romanenko, Yu.V. Puyu, Manipulative receptivity of teenagers and virtual reality, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (3) (2018) 79–86. DOI: 10.18721/JHSS.9308

Введение

Создание микропроцессорных технологий в XX в. привело к изобретению компьютеров, в том числе и персонального компьютера. Началось их массированное вторжение в индустриальную, социальную, профессиональную, личную и бытовую жизнь человека, что сказалось на развитии многих отраслей промышленности, деятельности административных учреждений, систем связи, банков, средств массовой информации.

В реальной жизни осмысление и адекватное понимание специфики виртуальной реальности являются насущной необходимостью. В осмыслении данного феномена всё же следует исходить из понятия «реальность». Виртуальная реальность – это тоже реальность, но обладающая специфическими чертами. Социально-философский анализ этого феномена позволит понять данную специфику с точки зрения ее смыслового постижения и определения ее сущности, выделения системообразующих факторов, идентификации проблемного поля социальной философии в осмыслении виртуальной реальности и т. д.

Виртуальная реальность представляет собой индивидуальную или групповую *гиперреальность*, продукт взаимодействия ее создателей, а также сознательной или бессознательной активности ее потребителей, участвующих в виртуальном процессе. Внедрение виртуальной реальности в сознание человека привело к тому, что она заняла значительное место в его жизни (особенно в жизни молодых людей и тинейджей), породив целый ряд зависимостей и трансформаций личности.

ро), породив целый ряд зависимостей и трансформаций личности.

Постановка проблемы и цели исследования

Актуализация проблемы компьютерной и интернет-зависимости молодого поколения связана с несколькими феноменами, ставшими достоянием повседневной жизни современного общества, и прежде всего с ухудшением психического и физического здоровья человека. Компьютерная и интернет-зависимость входит в Международную классификацию болезней и теперь уже признается *психическим расстройством* и болезнью XXI в.

Перемещение жизненной активности в виртуальную среду имеет целый ряд последствий, о которых должны знать современные молодые люди. Оно приводит к выработке *компьютерной зависимости*. Отметим особую привлекательность использования компьютера в различных сферах образовательной деятельности с точки зрения его *многофункциональности*. Использование компьютерных технологий в учебном процессе позволяет оперативно получать информацию, необходимую для аналитической, систематической, прогностической деятельности [1, 2]. Последнее обстоятельство молодые люди, как правило, упускают из виду, они сосредоточены главным образом на поиске информации из различных источников, заняты непрерывным блужданием по поисковым сайтам и базам данных.

Далее проясним социально-философский смысл понятия «компьютерная зависимость»

как имеющего принципиальное отношение к жизни современного подростка и молодого человека. Компьютерная зависимость — это *патологическая связь* между человеком и компьютером, которая отличается снижением уровня самоконтроля, вытеснением «нормальной» жизни и привязанностей [3], наличием навязчивого желания подключиться к Интернету и неспособностью отключиться от него [4], проведением длительного времени за компьютером и т. д. В результате Интернет становится заменителем реальной жизни, реальных человеческих отношений и коммуникаций.

Врачи констатируют, что проведение длительного времени за компьютером пагубно сказывается на физическом и психическом здоровье тинейджеров, находящихся в пубертатном периоде: расстройство режима дня, двигательной активности, питания, ухудшение зрения, осанки, возрастание нервозности в случае сбоя техники, ухудшение отношений с родителями и другими взрослыми и т. п. [5] Психологическое состояние подростка-аддикта характеризуется следующими состояниями: фрустрации, подавленности, апатии, тревожности, депрессии, раздражительности, скуки, неудовлетворенности своим современным состоянием и ближним окружением, а также нежеланием следовать правилам, предписаниям, регламентам и т. п.

Методология

Среди различных типов компьютерной зависимости наибольшую распространенность среди представителей данной возрастной группы имеют: 1) «навязчивый серфинг», связанный с безостановочным поиском информации по поисковым сайтам и базам данных; 2) виртуальные знакомства; 3) компьютерные игры и т. д.

Итак, какие же иллюзии порождает виртуальная реальность? Какие иллюзорные преимущества и блага получает тинейджер в виртуальном мире? К новым обретаемым иллюзорным возможностям подростка можно отнести следующие:

- вседозволенность;
- иллюзию того, что он сам устанавливает правила игры, регламенты, принципы взаимодействия;
- возможность анонимных отношений и знакомств (не требующих обратной связи, выстраивания системы доверия и ответственности);

- примеривание на себя различных социальных ролей, сценариев жизни, вариантов идентификации;

- возможность реализации фантазий;
- виртуальный шпионаж (возможность сбора информации о своих знакомых и интересантах);

- реализация стратегии поиска идеального друга, партнера, товарища, собеседника и т. д.;

- комфортное общение без необходимости удержания внимания собеседника;

- ощущение доступности любой информации и т. д.

Большинство подростков-аддиктов плохо адаптированы в социуме, имеют проблемы в учебе, семье, быту, со сверстниками и противоположным полом. Реальный мир представляется такому молодому человеку скучным, неинтересным, опасным. Отсюда потребность жить в другом мире, где всё доступно, где действуют приемлемые для него правила (им же самим установленные), где ни за что не надо нести ответственности, есть возможность исправить свои ошибки, всё начать сначала, поменять окружение, отношения, привязанности.

Интернет-зависимости присущ *аддиктивный континуум*, уход в виртуальную жизнь с бесконечным стремлением к положительным эмоциям, отыгрыванием незавершенных эмоциональных состояний и переживаний, попыткой достичь удовлетворения, в действительности же — иллюзия удовольствия, суррогат и псевдореальность [6]. Другой вариант интернет-зависимости связан со стремлением к сильным негативным переживаниям, активизирующим агрессию, напряженность, страх, с попыткой разрядить аккумулированное внутреннее напряжение, неудовлетворенность через проигрывание определенных психотравмирующих ситуаций из прошлого. Оба варианта являются способами «бегства от реальности».

Стратегии помощи «виртуаману» могут быть различными: психологическими, педагогическими, социально ориентированными и т. п. Но прежде всего необходимо помочь тинейджеру понять свои истинные желания и ранее использованные им стереотипы получения псевдоудовольствия, а именно помочь подростку:

- определить естественные способы реализации желаний;

- осознать ранее использованные им стереотипы получения суррогатного удовольствия как способы псевдоразрядки и дистанцирования от своего внутреннего конфликта;

- наметить пути проработки неосознаваемого им внутреннего конфликта;

- научиться ставить значимые для людей данной возрастной группы цели, тренировать рефлексивные способности, обретать навыки достижения целей (концентрированность, сосредоточенность, поэтапность и последовательность шагов, формирование обратных связей и т. п.).

Результаты исследования

Компьютерные технологии создают огромные возможности для образования, профессионального развития молодого человека, его самоидентификации и реализации, творческого, интеллектуального и духовного развития. В современном обществе каждый подросток в процессе своего взросления, социализации, инкультурации проходит через искушение виртуальной свободой, так же как в дальнейшем он пройдет через многие другие жизненные искушения (славой, деньгами, властью, информацией и т. п.) [7, 8]. Важно еще в юношеском возрасте выработать *внутреннюю устойчивость* перед искушениями и испытаниями, которая формируется постепенно на основе развития рефлексивно-аналитических способностей, критицизма, интеллектуальной проницательности, начитанности, знакомства с достижениями культуры, необходимой социализированности подростка в кругу сверстников и взрослых, выстраивания доверительных отношений в семье и т. п. [9–11].

Другой важной проблемой существования тинейджера в информационном обществе является его *манипулятивная восприимчивость*, уязвимость. Манипулирование представляет собой «психологическое взаимодействие, направленное на неявное побуждение другого человека к совершению нужного для манипулятора действия» [12, с. 29]. К основным чертам манипулятивного воздействия отнесем следующие: 1) использование информации как главного средства воздействия; 2) ее направленность на характерные для данного индивида особенности: потребности, интересы, привычки, склонности, навыки и т. п.; 3) скрытый ха-

рактер воздействия субъекта манипуляции на объект. Сферой часто используемых манипулятивных практик является институт политической рекламы, направленной на побуждение электората (определенной электоральной аудитории) к совершению определенных действий, принятию решений по отношению к конкретному кандидату. Для реализации политических целей используются определенные, хорошо отработанные манипулятивные технологии: наклеивание ярлыков, принцип слогана, формирование имиджа кандидата предвыборной гонки и пр.

Механизм манипулятивного воздействия в современных политических практиках предполагает: направленность на целевые аудитории; использование разнообразных методов психологического воздействия и каналов распространения рекламной информации; закрепление в общественном сознании определенных стереотипов, взглядов, идей.

Новацией последних лет стал метод «профильного таргетирования», направленный на изучение и формирование поведенческих особенностей, основанный на изучении «больших данных» (Big Data), успешно проявивший себя во время предвыборной кампании Д. Трампа в 2016 г. Основными характеристиками данного метода являются три понятия: volume (объем), velocity (скорость), variety (многообразие). Британская компания «Cambridge Analytica», приглашенная для продвижения политического имиджа будущего американского президента, использовала этот метод на протяжении всей предвыборной кампании. Big Data представляет собой огромную совокупность информации, эшелонированную на три основных блока, в рамках которых учитывались: демографические и географические характеристики (пол, возраст, доход, этническая принадлежность, образование и т. д.); психографические характеристики (экономическая стабильность, покупательная активность, политические убеждения, стиль жизни, доступная сотовая связь, отношение к рекламе и пр.); персональные характеристики (социальная устойчивость, подверженность влиянию, контактность, открытость, доброжелательность, невротизм и т. п.) [13].

Сведения об электорате предвыборным штабом собирались из самых разнообразных источников. Для этой цели использовались те-

лефонные справочники, кадастровые списки, медицинские карты и базы данных, сведения о подписке на периодические издания и пр. Особенно тщательно анализировались списки сторонников Республиканской партии по различным направлениям (в том числе «лайки» и «репосты» в социальных сетях). В результате кропотливой обработки огромного массива информации выстраивался психологический портрет каждого потенциального избирателя. В ходе последующих действий человек становился объектом точечных манипулятивных атак, в процессе которых воздействие на индивида строилось на основе анализа и обработки множества предварительно систематизированных данных о нем.

В качестве основного действующего канала распространения рекламной продукции был выбран Интернет для пересылки персонально-таргетированной информации (рекламной продукции), которая формировалась с учетом поведенческих особенностей конкретного человека.

В настоящее время метод профильного (поведенческого) таргетирования является одним из активно развивающихся направлений в сфере рекламы, довольно опасный в случае использования его в отношении подростковой аудитории, поскольку предполагает точечное воздействие на индивида на основе тщательно собранной и определенным образом обработанной информации. Данный метод задействует отлаженный механизм сбора и обработки информации об интересах, о склонностях, предпочтениях, действиях пользователя в Интернете через анализ данных о характере, частоте просмотров определенных сайтов, сделанных поисковых запросах, заказах и т. п. В результате вырисовывается профиль объекта как обладающего конкретными привычками, пристрастиями, склонностями и слабостями.

Инновационность данного метода построения политической рекламы состояла в задействовании огромного массива информации (анализ «больших данных») о потенциальном электорате, с одновременной его индивидуализированной проработкой, созданием индивидуализированной политической рекламы через изучение профиля объекта и последующим воздействием на него. Данный метод предполагает взаимосвязь трех составляющих: источник – канал – профиль [14].

Обозначим также этапы таргетированного манипулятивного воздействия:

- сбор, обработка «больших данных» с целью выявления особенностей объекта манипуляции;
- определение мишеней манипулятивного воздействия;
- профильный анализ на основе психометрических моделей;
- создание психологического портрета;
- определение канала воздействия;
- осуществление точечного, индивидуализированного таргетирования (создание условий, при которых человек изменяет свои взгляды);
- дезориентация в принятии решений под воздействием неоощуемого манипулятивного прессинга;
- формирование иллюзии свободного выбора.

Следует подчеркнуть то обстоятельство, что использование методов и технологий профильного таргетирования является особенно опасным способом манипулятивного воздействия на подростков и молодежь. Уязвимость тинейджеров как объекта манипулятивной атаки состоит в том, что им нечего противопоставить, они не обладают необходимыми способами защиты. В абсолютном большинстве случаев подросток не осознает, что является объектом таргетированного воздействия. По схожей схеме, как правило, действуют вербовщики ИГИЛ и прочих экстремистских организаций. Они также пользуются методами изучения и анализа слабых сторон характера и жизненных условий молодых людей, предлагая быстрые способы выхода из сложной житейской ситуации. При этом целью манипулятивного воздействия является формирование иллюзии выбора. Тинейджер оказывается в ситуации бессознательного изменения ориентиров (дезориентации) и принятия решения под воздействием неоощуемого манипулятивного прессинга.

Безусловно, необходимо задуматься над тем, какими ресурсами обладает система образования для того, чтобы противостоять данной ситуации. Что можно противопоставить? Чем вооружить молодого человека с еще не сформированными ценностями, нравственными идеалами, жизненными ориентирами? Развитие мировоззрения и культуры – это длительный процесс, где также присутствуют искушения и

испытания, но при этом формируется способность противостоять деструктивным влияниям социума. Относительно длительная вовлеченность молодого человека в образовательный процесс тоже является защитой. В рамках изучения социогуманитарных дисциплин должна быть актуализирована тематика жизненного мира молодого человека и тех опасностей, которые противостоят его взрослению и социализации. Столь же актуальной в системе современного образования является разработка «мягких» методов и методик развития мировоззрения тинейджеров, культивирование чтения, развитие критичности, рефлексивных способностей, осторожности (в предоставлении избыточной персональной информации) и т. п. В целях противостояния манипулятивным воздействиям политической рекламы в рамках учебного процесса крайне уместны проведение ролевых игр, организация тематических тренингов, подготовка методических разработок для студентов вузов, а также соответствующих данной тематике методических материалов для учителей и преподавателей университетов.

Заключение

Манифестация значимости гуманитаристики в современном обществе и образовании представлена в работах К.С. Пигрова, где отстаивается идея непреходящей ценности гуманитарного знания и образования для различных

возрастов, проясняется ее «человекоберегающая» функция. Гуманитаристика в данном контексте понимается как школа *свободы и независимости*, «высокого покоя души», признающая самоценность субъекта как единства творчества, призвания и ответственности, где неуместна количественная оценка профессионализма, призвания, таланта. Для молодых людей с «нерастраченными силами и нереализованными потенциалами» изучение гуманитарных дисциплин является средством преодоления онтологического страха (не найти себя, не реализоваться, не состояться и т. п.). Для молодого человека проблема состоятельности по существу является проблемой осознания и превращения собственных способностей в «свой талант, в свою исключительность» на фоне любви к самим продуктам Духа. В этом смысле гуманитаристика понимается как *культивирование любви* [15, с. 152]. Гуманитарное познание стремится к постижению личностного начала в человеке. Гуманизм современного образования заключается не в декларировании абстрактных ценностей, а в создании человеколюбивых условий и способов передачи знания от учителя к ученику [11]. В этом состоит итог развития европейской цивилизованности, осознавшей и обозначившей проблему духовно-нравственного воспитания как насущной задачи и одновременно как трудноосуществимого проекта в системе образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончарко Д.Н. Кризис репрезентации в этике // Вестн. Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2009. Т. 1, № 3. С. 106–112.
2. Гончарко Д.Н., Гончарко О.Ю. Диалоговые стратегии в логическом образовании: история и современность // Символическая Вселенная ребенка: между информацией и знанием: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2016. С. 342–346.
3. Questions & Answers about Depression and its Treatment: a consultation with a leading psychiatrist / Ivan K. Goldberg. Philadelphia: Charles Press, 1993. 139 p.
4. Пую Ю.В., Романенко И.Б., Султанов К.В. Манипулятивные воздействия и образовательные технологии: формирование дискуссионно-диалоговой культуры студентов // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 4 (37). С. 132–137.
5. Пую Ю.В., Свиридкина Е.В., Кузнецова Е.А. Современные манипулятивные технологии политической рекламы // Научное мнение. 2016. № 12. С. 58–62.
6. Романенко И.Б., Пую Ю.В., Султанов К.В. Компьютерная зависимость – болезнь, которую легче предотвратить, чем лечить // Вестн. Московского гос. обл. ун-та. Философские науки. 2016. № 3. С. 132–139.
7. Романенко И.Б., Романенко Ю.М. Аристотелевская философия образования // Аксиология массовой культуры. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. С. 253–263.
8. Романенко Ю.М. Миф как наука о формах правильного воображения // Мифология и повседневность. СПб.: Изд-во Рус. христ. гуманитарной акад., 1998. С. 78–83.

9. **Картина** человека: философия, культурология, коммуникация: колл. моногр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2016.

10. **Левченко Л.В.** Интеллектуальный капитал: методологические принципы и методы научного познания // Вестн. Омского ун-та. Сер. Экономика. 2013. № 3. С. 143–147.

11. **Романенко И.Б.** Социокультурная идентичность и духовно-нравственное воспитание (размышления о статье Д.К. Бурлаки «Духовно-фундированное образование в постсекулярном обществе») // Вестн. Рус. христ. гуманитарной акад. 2013. Т. 14, № 2. С. 65–71.

12. **Пую Ю.В.** Философия манипулирования. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009. 243 с.

13. **Расследование** Das Magazin: как Big Data и пара ученых обеспечили победу Трампу и Brexit. URL: <http://theins.ru/politika/38490> (дата обращения: 17.03.2017).

14. **Бабурин В.А., Яненко М.Е.** Технологии Big Data в сервисе: новые рынки, возможности и проблемы // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2014. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-big-data-v-servise-novye-rynki-vozmozhnosti-i-problemy> (дата обращения: 17.03.2017).

15. **Султанов К.В., Пигров К.С.** Гуманитаристика как основание человеческого капитала // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3 (36). С. 150–153.

Романенко Инна Борисовна

E-mail: in_romanenko@rambler.ru

Пую Юлия Валерьевна

E-mail: dgudi-spb@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.09.2018 г.

REFERENCES

[1] **D.N. Goncharko**, [The Crisis of Representation in Ethics], Bulletin of the Leningrad State Univ. of A.S. Pushkin, 1 (3) (2009) 106–112.

[2] **D.N. Goncharko, O.Yu. Goncharko**, [Dialogue Strategies in Logical Education: History and Modernity], in: Simvolicheskaya Vselennaya rebenka: mezhdru informatsiyey i znaniyem [The Symbolic Universe of the Child: between Information and Knowledge. Collection of Scientific Papers], Herzen State Pedagogical Univ. of Russia Publ., St. Petersburg, 2016, pp. 342–346.

[3] **Questions & Answers about Depression and its Treatment: a consultation with a leading psychiatrist**, Ivan K. Goldberg, Charles Press, Philadelphia, 1993.

[4] **Yu.V. Puyu, I.B. Romanenko, K.V. Sultanov**, [Manipulative Influences and Educational Technologies: Formation of a Discussion-Dialogue Culture of Students], Society. Environment. Development, 4 (37) (2015) 132–137.

[5] **Yu.V. Puyu, Ye.V. Sviridkina, Ye.A. Kuznetsova**, [Modern Manipulative Technologies of Political advertising], Scientific opinion, 12 (2016) 58–62.

[6] **I.B. Romanenko, Yu.V. Puyu, K.V. Sultanov**, [Computer addiction is a disease that is easier to prevent than treat], Bulletin of the Moscow State Regional Univ. Philosophical Sciences, 3 (2016) 132–139.

[7] **I.B. Romanenko, Yu.M. Romanenko**, [Aristotle's philosophy of education], in: Aksiologiya massovoy kul'tury [Axiology of Mass Culture], Publishing House

of Petersburg Polytechnical Univ., St. Petersburg, 2014, pp. 253–263.

[8] **Yu.M. Romanenko**, [Myth as a science about the forms of correct imagination], in: Mifologiya i povsednevnost' [Mythology and Everyday Life], Publishing house Russian Christian Humanities Academy, St. Petersburg, 1998, pp. 78–83.

[9] **Kartina cheloveka: filosofiya, kul'turologiya, kommunikatsiya** [The Picture of Man: Philosophy, Culturology, Communication. Collective Monograph], Herzen State Pedagogical Univ. of Russia Publ., St. Petersburg, 2016.

[10] **L.V. Levchenko**, [Intellectual Capital: Methodological Principles and Methods of Scientific Research], Bulletin of Omsk Univ. The Economy, 3 (2013) 143–147.

[11] **I.B. Romanenko**, [Socio-Cultural Identity and Spiritual-Moral Education (Reflections on the Article by D.K. Burlaka "Spiritually-Funded Education in the Post-Secular Society")], Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy, 14 (2) (2013) 65–71.

[12] **Yu.V. Puyu**, Filosofiya manipulirovaniya [Philosophy of Manipulation], Publishing House of Petersburg Polytechnical Univ., St. Petersburg, 2009.

[13] **Rassledovaniye** Das Magazin: kak Big Data i para uchenykh obespechili pobedu Trampu i Brexit [Das Magazin's Investigation: how Big Data and a Couple of Scientists Secured the Victory of Trump and Brexit]. Available at: <http://theins.ru/politika/38490> (accessed 17.03.2017).

[14] **V.A. Baburin, M.Ye. Yanenko**, [Big Data Technologies in the Service: New Markets, Opportunities and Challenges], *Tekhniko-tehnologicheskie problemy servisa*, 1 (2014). Available at: <http://cyberleninka.ru/>

[article/n/tehnologii-big-data-v-servise-novye-rynki-vozmozhnosti-i-problemy](#) (accessed: 17.03.2017).

[15] **K.V. Sultanov, K.S. Pigrov**, [Humanitaristics as the basis of human capital], *Society. Environment. Development*, 3 (36) (2015) 150–153.

Romanenko Inna B.

E-mail: in_romanenko@rambler.ru

Puyu Yuliya V.

E-mail: dgudi-spb@yandex.ru

Received 22.09.2018.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018

DOI: 10.18721/JHSS.9309
УДК 378Е70

МЕТОДИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОДУКТИВНОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: РЕНОВАЦИЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ*

А.В. Рубцова¹, Н.И. Алмазова¹, Ю.В. Еремин²

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена проблеме повышения продуктивности профессионально ориентированной иноязычной подготовки студентов вузов: исследованию содержания продуктивного иноязычного образования и разработке соответствующей методической модели, позволяющей осуществлять обновление образовательных ресурсов в данной области. На основе анализа современной педагогической практики и концепции продуктивного подхода определены ведущие принципы, методические условия и технологические особенности продуктивного иноязычного образования в высшей школе и с учетом этих положений разработана соответствующая методическая модель. Проведен контент-анализ образовательных программ, позволяющий сделать выводы о возможности внедрения продуктивного подхода в учебный процесс. Теоретические и практические аспекты изучаемого вопроса были исследованы в ходе реализации положений продуктивного подхода и использования модели продуктивного иноязычного образования. Данные, полученные по результатам экспериментального обучения, были подвергнуты тщательному анализу. Практические результаты показали эффективность предложенной методической модели. Среди основополагающих положений продуктивного подхода в области иноязычного образования выделены ключевые практико-ориентированные методические принципы, на основе которых разработана методическая модель продуктивного иноязычного образования в высшей школе. Результаты внедрения продуктивного подхода в учебный процесс свидетельствуют о его действенности. Практическая значимость исследования обеспечивается определением содержания и условий обучения иностранному языку и методических возможностей применения данного подхода в высшей школе, который может быть использован в вузах разного профиля с перспективой дальнейшей разработки его методологии в различных образовательных контекстах. Результаты исследования могут служить обновлению методических ресурсов в области иноязычного образования в высшей школе. Продуктивный подход может быть внедрен в учебный процесс как базовый элемент реализации компетентностной парадигмы образования.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке госзадания в сфере НИР (проект № 27.12848.2018 / 8.9).

Ключевые слова: продуктивный подход; методическая модель; продуктивное образование; иноязычное образование; профессионально ориентированное иноязычное образование; высшая школа; методические принципы

Ссылка при цитировании: Рубцова А.В., Алмазова Н.И., Еремин Ю.В. Методическая модель продуктивного иноязычного образования: реновация академических ресурсов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 87–99. DOI: 10.18721/JHSS.9309

A MODEL OF PRODUCTIVE FOREIGN LANGUAGE TRAINING IN HIGHER EDUCATION: RENOVATION OF ACADEMIC RESOURCES

A.V. Rubtsova¹, N.I. Almazova¹, Yu.V. Eremin²

¹Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

²Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

The article is dedicated to the problem of increasing the productivity of students' foreign language training in higher education: to studying the content of productive foreign language training and to developing an appropriate methodological model that allows updating educational resources in this field. The goal of the article is to determine the key principles, methodological conditions and technological foundations of productive foreign language training based on analyzing the modern teaching practices and the conceptual foundations of the productive approach and, accordingly, to develop an appropriate methodological model. To substantiate the relevance of the study, we have carried out a content analysis of educational programs, allowing to conclude that the productive approach can be introduced into the educational process. We have used the methods of scientific and pedagogical research: system and structural analysis, synthesis, study of scientific papers, generalization of experience and experimental work. The important result of the study is the system of the main practical methodological principles as a basis of productive foreign language training. What is more, the main result of the paper is the model of productive foreign languages training in higher education. The results of implementing the productive approach in the educational process point to its effectiveness in the field of foreign language training in higher education. The practical significance of the study is that we have determined the concept and the conditions of teaching foreign languages and the practical possibilities for applying this approach in higher education.

Keywords: productive approach; methodological model; productive education; foreign languages education; professional foreign languages education; higher education; methodological principles

Citation: A.V. Rubtsova, N.I. Almazova, Yu.V. Eremin, A model of productive foreign language training in higher education: renovation of academic resources, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (3) (2018) 87–99. DOI: 10.18721/JHSS.9309

Введение

Проблема модернизации современного профессионально ориентированного иноязычного образования является одной из наиболее

сложных и комплексных. Попытки ее разрешения предпринимаются на протяжении всего постсоветского периода развития системы высшего профессионального образования.

В данной статье, авторы которой занимаются вопросами повышения эффективности иноязычной подготовки студентов неязыковых вузов, предлагается один из путей решения этой проблемы.

Анализ современных образовательных стандартов убеждает в том, что к основным тенденциям образовательной политики сегодня можно отнести актуализацию практико-ориентированной направленности высшего профессионального образования. Это означает, что выпускник высшей школы помимо основных профессиональных компетенций должен обладать целым рядом деятельностно важных качеств личности, связанных с осуществлением эффективной коммуникации, командной работы, межкультурного взаимодействия, самоорганизацией, саморазвитием и др.¹

В этой связи значение иноязычной подготовки студентов возрастает, поскольку появляется возможность посредством языкового образования решить целый комплекс задач формирования универсальных и общепрофессиональных компетенций обучающихся, их личностных качеств. Следовательно, развитие продуктивной образовательной деятельности студентов приобретает особое значение в связи с сокращением количества аудиторных академических часов и увеличением объема самостоятельной работы обучающихся.

Полученные результаты реализации продуктивного образования и практического применения разного рода соответствующих образовательных проектов более чем в 20 странах доказали свою эффективность и успешность [1–13].

На протяжении многих лет мы занимаемся разработкой продуктивного подхода в иноязычном образовании. По нашему мнению, продуктивный подход включает целый ряд компонентов, соотношение которых в целом представляет собой системную технологическую организацию, определяющую вектор раз-

вития современного профессионально ориентированного иноязычного образования.

На основании проведенных исследований нами были сделаны следующие важные выводы:

1. Обучение иностранному языку в современном вузе должно быть продуктивно-ориентированным и строиться с учетом реальных производственных и социокультурных ситуаций, в которых студенты учатся решать конкретные практические, исследовательские, организационные и коммуникативные задачи и получают таким образом личностный опыт самоопределения и самореализации.

2. Преимущество продуктивно-ориентированного обучения иностранному языку заключается в направленности целостного учебного процесса на профессиональный иноязычный продукт, самообразование и самоактуализацию личности обучающегося как результат его деятельностного учебного опыта.

3. Продуктивное обучение иностранному языку также обеспечивает развитие и формирование универсальных и общепрофессиональных компетенций, заложенных в современные образовательные стандарты. Кроме того, будучи вовлеченными в продуктивно-ориентированную образовательную деятельность, студенты имеют возможность проявления собственной инициативы, самостоятельности, ответственности, самореализации, что положительно влияет и на развитие практических универсальных умений, необходимых будущему специалисту [1–5].

4. Продуктивное иноязычное образование, построенное на соответствующей технологической основе, обеспечивает дальнейшее самообразование в течение всей жизни, развитие умений проектировать собственную образовательную траекторию и целеустремленно выполнять самостоятельно разработанную учебную программу.

Нами разработаны следующие содержательные составляющие продуктивного подхода в иноязычном образовании с целью повышения эффективности языковой подготовки студентов неязыковых вузов:

1) философско-педагогический компонент продуктивного иноязычного образования в высшей школе;

2) парадигмально-целевой компонент продуктивного иноязычного образования;

¹ Положение об основной образовательной программе высшего образования – программе бакалавриата, программе специалитета, программе магистратуры, программе научно-педагогических кадров в аспирантуре. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. URL: <http://www.spbstu.ru/upload/dmo/pol-ob-oor-10-07-2017.pdf> (дата обращения: 26.11.2017).

3) функционально-технологический компонент продуктивного иноязычного образования, включающий систему встраиваемых учебных модулей;

4) структурно-содержательный компонент, в который входят учебные программы, разработанные на основе продуктивного подхода.

В связи с внедрением Собственных университетских образовательных стандартов подготовки магистра и бакалавра в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого, которые нацелены не только на серьезную профессиональную подготовку выпускников, но и на развитие их личностного потенциала, возникла необходимость реализации продуктивного обучения иностранному языку, позволяющего системно интегрировать профессиональную и иноязычную подготовку обучающихся².

Отсюда следует, что достижение стратегической цели формирования профессиональных и личностных качеств обучающихся требует обновления и разработки специальных образовательных технологий и соответствующих методов обучения, обеспечивающих эффективность действующей образовательной системы. При этом необходимы актуализация имеющегося педагогического опыта иноязычного профессионально ориентированного образования и совершенствование требований к языковой подготовке студентов, что, в свою очередь, обуславливает разработку комплексной методической модели продуктивного иноязычного образования.

Ниже мы рассмотрим вопрос реализации дисциплины «Иностранный язык в профессиональной сфере» на основе методической модели продуктивного иноязычного образования, что, по нашему мнению, внесет определенный научный вклад в теорию и методику обучения иностранным языкам. Следовательно, эта модель должна быть представлена для ознакомления и обсуждения широкой педагогической общественности.

В результате исследования мы пришли к выводу о том, что обеспечение эффективной

иноязычной подготовки студентов в условиях сокращения количества аудиторных академических часов и необходимости интенсивного развития их профессиональных и личностных качеств востребована инновационная методическая модель продуктивного обучения профессионально ориентированному иностранному языку. В этой связи предлагаем прежде всего рассмотреть основные имеющиеся направления развития продуктивного образования в современной педагогической науке.

Анализ научно-педагогической литературы (работ как зарубежных, так и отечественных ученых, которые занимаются проблемами продуктивного образования) позволил сделать вывод о том, что в целом оно представляется как комплексная научно-педагогическая система, которая охватывает вопросы не только обучения, но и воспитания, личностного развития и формирования практических умений обучающихся [6–13].

Мы полагаем, что анализ вопросов теории и практики продуктивного обучения за рубежом следует начинать со средней ступени образования, чтобы сделать определенные выводы в отношении преемственности системы школа – вуз.

Итак, анализ показал, что современная теория и практика продуктивного обучения за рубежом реализуется в основном в двух направлениях в образовательной системе в средней и высшей школе. Проследим взаимосвязь и взаимообусловленность этих направлений с точки зрения преемственности средней и высшей ступеней обучения в плане научного обоснования концепции продуктивного подхода в высшей школе.

Первое направление представляет собой определенную систему развития продуктивного образования в средних учебных заведениях европейских стран, позиционируемых как «продуктивные школы». В рамках деятельности Института продуктивного обучения (IPLE – Institute for Productive Learning in Europe, Берлин) в Европе осуществляется реализация данного подхода в школах целого ряда государств Европейского союза (Германии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Литвы, Финляндии, Испании и др.). Как показывает опыт этих стран, данный подход позволяет эффективно реализовывать профессиональную ориентацию выпускников

² Положение об основной образовательной программе высшего образования... URL: <http://www.spbstu.ru/upload/dmo/pol-ob-oop-10-07-2017.pdf> (дата обращения: 26.11.2017).

школ, подготовить обучающихся к переходу к профессиональной деятельности, приобрести опыт работы в различных профессиональных областях на предприятиях и в фирмах на основе собственного выбора [6–7].

Отметим, что на втором конгрессе Международной сети продуктивных школ INEPS (International Network of Productive Schools and Projects) в 1991 г. термин «продуктивное обучение» («productive learning») был введен в оборот. Современную трактовку данного термина определили И. Бём, Й. Шнайдер (International Network of Productive Schools, INEPS), которые понимают продуктивное обучение как образовательный процесс, ведущий к развитию личности и изменению общества к лучшему. При этом продуктивно-ориентированный образовательный процесс реализуется в гибкой учебной деятельности, осуществляемой в реальной жизненной ситуации на основе учебного опыта в рамках групповой работы, контролируемой и направляемой педагогом, ориентированной на создание конкретного образовательного продукта.

Второе направление развития продуктивного обучения за рубежом связано с реализацией концепции профессиональной ориентации учащихся, которая получила широкое распространение в США и европейских странах в виде развития системы профессионально ориентированного обучения в средней и высшей школе (work-based learning)³, позволяющей укрепить преемственность между средней школой и профессиональным образованием, решить проблему развития необходимых личностных и профессиональных качеств обучающихся с целью достижения ими высоких результатов в будущей карьере [14–18].

В целом данные проведенного анализа позволяют сделать вывод о том, что концепция продуктивного образования в зарубежной педагогической науке по сути представляет собой основу для проектирования образовательных моделей, построенных по принципу тесной взаимосвязи учебной и практической деятельности обучающихся на уровне средней и высшей школы. Причем концепция продуктивно-

го практико-ориентированного образования, позволяющего осуществлять профориентацию обучающихся, является одной из ведущих в современной западной системе обучения и воспитания [6–9, 14–18].

Анализ научных работ отечественных ученых, занимающихся разработкой концепции продуктивного образования, показал, что в нашей стране проводятся исследования продуктивных методов обучения, их обоснование и внедрение в практику работы общеобразовательных школ и средних специальных учебных заведений (А.А. Востриков, И.А. Сивцева, И.С. Сорокина, Л.И. Савва, О.И. Апасова, М.А. Корочкина, Е.В. Борисова и др.). В сфере языкового школьного и среднего специального образования ведутся исследования, связанные с поиском и разработкой продуктивных технологий, способов, средств и методов обучения иностранному языку (Н.Ф. Коряковцева, Г.А. Беленкова, Л.А. Лукьянова, К.И. Задорожная и др.).

Последние годы российские педагоги принимали активное участие в разработке и реализации образовательных проектов, связанных с продуктивным обучением, в рамках совместной работы с INEPS (Центр продуктивного обучения, Санкт-Петербург; Центр дополнительного образования, г. Сочи; межшкольный комбинат «Школьник», г. Кемерово, и др.). Кроме этого, активно разрабатывается методология содержания профильного обучения в средних школах с целью модернизации и совершенствования системы преемственности между школой и вузом [12–13].

Постановка проблемы и цели исследования

Отметим, что в сфере высшего профессионального образования опыт внедрения идей продуктивного обучения в образовательный процесс вуза используется недостаточно.

Внимание уделяется в основном профессиональной подготовке выпускников вузов с использованием продуктивных методов обучения и развитию личности обучающегося: формированию продуктивного педагогического мышления (М.Н. Гольдина), педагогической рефлексии (В.С. Умнов), развитию продуктивного учебного взаимодействия в образовательном процессе вуза (В.Ф. Северина), организационно-педагогическим условиям реализации

³Work-Based Learning Policy Guide. Tennessee Department of Education, 2017. URL: http://www.tn.gov/assets/entities/sbe/attachments/2.103_High_School_Policy_7-28-17.pdf (дата обращения: 27.11.2017).

продуктивного обучения (Д.Ю. Чупин), вопросам эффективной организации обучения студентов вузов (К.Л. Шацева, Е.А. Попкова).

В области профессионально ориентированного иноязычного образования в высшей школе разрабатывается продуктивный подход к обучению иностранному языку в вузе (А.В. Рубцова), решаются задачи развития иноязычной диалоговой компетенции студентов технических вузов на продуктивной основе (О.М. Буртасенкова), формирования продуктивной иноязычной самообразовательной компетенции студентов неязыковых вузов (Е.А. Крылова), продуктивно-направленного совершенствования иноязычной лексико-грамматической компетенции будущих преподавателей иностранного языка (И.В. Баева).

Таким образом, ряд исследований как зарубежных, так и отечественных авторов показывает, что продуктивное обучение иностранным языкам относится в основном к разработкам и внедрению продуктивных методов и образовательных технологий в образовательную практику средних школ и высших учебных заведений, но не представляет собой единой методической системы [1–5, 19–25].

Отсюда следует признать, что пока не существует основательно разработанной модели продуктивного иноязычного образования, хотя, как уже известно, предпосылки и основания для этого есть. Именно в этом мы и видим свою задачу.

Создание методической модели продуктивного иноязычного образования в вузе позволит, по нашему мнению, решить проблему повышения эффективности профессионально-коммуникативной подготовки студентов и повысить профессиональный, ценностный и социальный статус языкового образования в системе высшей школы.

Разработкой комплексного продуктивного подхода в иноязычном образовании мы занимаемся на протяжении 10 лет. Имеющаяся методологическая база в данной области исследования позволяет предложить комплексную модель продуктивного обучения иностранному языку в вузе как универсальную методологическую системную основу профессионально обусловленной реализации иноязычного образования. Представим основные компоненты этой модели и ее содержательные характеристики.

Методология

В процессе разработки комплексной методической модели продуктивного иноязычного образования необходимо опираться на основополагающие практико-ориентированные методические принципы:

1) *Принцип комплексного подхода к проектированию образовательного процесса.*

Данный принцип означает, что процесс овладения иностранным языком в вузе должен проходить одновременно с осмыслением языковой системы, а проектирование содержания обучения иностранному языку должно осуществляться в направлении создания системы языковых знаний и формирования интегративных учебных умений на основе соответствующих продуктивных образовательных технологий.

2) *Принцип профессионально-коммуникативного контекста образовательного процесса.*

Основная цель иноязычного образования в высшей школе – эффективная профессионально-коммуникативная иноязычная подготовка студентов. Содержание этой подготовки обусловлено будущей профессиональной деятельностью обучающихся. Для повышения продуктивности профессионально-коммуникативного процесса необходима соответствующая работа преподавателя иностранного языка, связанная с проектированием профессионально обусловленного коммуникативного контекста и образовательной среды, гарантирующих развитие иноязычной коммуникативной компетентности студентов и их личностных качеств.

3) *Принцип социокоммуникативной направленности обучения иностранному языку.*

Данный принцип позволяет реализовать социокультурный коммуникативный образовательный контекст с целью повышения социальной активности обучающихся, усиления воспитательной функции дисциплины «Иностранный язык», обогащения социокоммуникативного содержания образовательного процесса.

4) *Принцип педагогического стимулирования обучающегося.*

Основой овладения иностранным языком служит речемыслительная деятельность изучающего иностранный язык, которая должна подкрепляться педагогическим стимулированием его умственной активности. Соответственно основной целью продуктивной образователь-

ной деятельности студентов, реализуемой под контролем преподавателя, является развитие продуктивного мышления обучающихся, творческих способностей и учебной автономии как методологической основы саморазвития и самовоспитания личности.

5) *Принцип индивидуализации обучения иностранному языку.*

Суть этого принципа заключается в том, что обучение иностранному языку основывается на создании педагогических и методических условий, которые подчеркивают интеллектуальное достоинство каждого студента, отмечают особую ценность его точки зрения, персонального подхода к решению проблемы, уникальное видение ситуации, индивидуальный стиль мышления. Индивидуализация процесса овладения иностранным языком обеспечивает развитие иноязычной коммуникативной компетентности каждого студента, вне зависимости от его начального языкового уровня.

В данном исследовании используются методы интегративного анализа методической литературы и современной педагогической практики. Нами был проведен сравнительно-сопоставительный анализ результатов научно-педагогического исследования, проведенного в рамках межвузовского научно-образовательного проекта **«Разработка инновационной концепции продуктивного иноязычного образования в высшей школе»⁴**.

В результате анализа серии анкет, опросников, рабочих программ и учебных планов с участием студентов СПбПУ и РГПУ им. А.И. Герцена было выявлено, что новые, расширенные требования, предъявляемые к выпускникам вузов, связанные с интенсивным развитием их универсальных и общепрофессиональных компетенций, создают предпосылки к обновлению методики профессионально ориентированного иноязычного образования и разработке инновационной методической модели реализации процесса обучения иностранному языку в вузе на основе продуктивного подхода.

⁴Персональный грант по конкурсу грантовой поддержки аспирантов и молодых научно-педагогических работников РГПУ им. А.И. Герцена в 2015 г. по программе стратегического развития РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 3.1.2).

Профессионально-коммуникативная иноязычная практика в высшей школе должна обеспечивать:

- продуктивную иноязычную коммуникативную подготовку студентов, связанную с применением современных коммуникационных технологий для академического и профессионального взаимодействия;
- развитие системного и критического мышления обучающихся;
- формирование способности к разработке и реализации проектов на всех этапах профессионального развития;
- развитие лидерских качеств, наряду со способностью организации и руководства работой в команде;
- расширенную общекommunikативную подготовку;
- формирование межкультурной компетенции как способности анализировать и учитывать разнообразие культур в процессе межкультурного взаимодействия;
- методологическую основу для развития самоорганизации и самосовершенствования обучающихся⁵.

Результаты исследования

Профессионально ориентированное обучение иностранному языку на основе продуктивного подхода в СПбПУ и РГПУ им. А.И. Герцена позволяет спроектировать комплексную методическую модель продуктивного иноязычного образования в высшей школе, обеспечивающую профессионально-коммуникативную направленность курса иностранного языка, развитие личностных качеств студентов и способность обучающихся к самообразованию (см. схему).

Итак, рассмотрим содержание основных компонентов данной методической модели.

Концептуальный компонент модели отражает гипотезу о том, что эффективность профессионально-коммуникативной подготовки студентов обеспечивается интеграцией компетентностного, продуктивного и коммуникатив-

⁵ Образовательный стандарт высшего образования по направлению 45.04.02 «Лингвистика». Квалификация «Магистр». СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017.

Методическая модель продуктивного иноязычного образования
Methodical model of productive foreign language education

ного подходов в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Компетентностный подход как основа целеполагания определяет основные ориентиры (компетенции) учебного процесса, заложенные в современных образовательных стандартах. Внедрение компетентностного подхода в систему стандартизации высшего образования существенным образом влияет на развитие методологии образования и воспитания личности обучающегося, актуализируя процессы

самоопределения, самореализации и самовоспитания.

К основным положениям компетентностного подхода, определяющим цели продуктивного профессионально ориентированного иноязычного образования, мы относим следующие:

- подготовка выпускников вузов к осознанию ими своих коммуникативных возможностей и творческих способностей и необходимости развивать их в течение всей жизни;

- формирование готовности студента к овладению типичными видами профессионально-коммуникативной деятельности и способности самостоятельно совершенствовать эту деятельность;

- формирование способности осуществлять анализ социокультурного контекста в процессе межкультурного профессионального взаимодействия и выстраивать конструктивные партнерские взаимоотношения с другими участниками межкультурного диалога.

Отметим, что компетентностный подход тесно связан с подготовкой студента не только в области профессиональной сферы, он обеспечивает и развитие личностных качеств обучающихся, что определяет взаимосвязь компетентностного и продуктивного подходов. Кроме этого, данные подходы обеспечивают формирование готовности к получению конечного образовательного результата или продукта учебно-познавательной деятельности, который может иметь выражение как в материальном образовательном продукте, так и в идеальном образовательном продукте (знания, умения, навыки).

Решающую роль в процессе создания иноязычных образовательных продуктов играет продуктивная иноязычная образовательная деятельность студентов, которая организуется обучающимся самостоятельно или совместно с преподавателем. Эта деятельность направлена на совершенствование языковой и речевой компетенции студентов [1–3].

В области профессионально ориентированного иноязычного образования в рамках продуктивной иноязычной образовательной деятельности моделируется предметное содержание будущей профессиональной деятельности студента, проектируется ситуация усвоения «абстрактных» языковых знаний через призму будущей профессиональной деятельности. Исходя из этого учебный процесс включает в себя *социокоммуникативные обучающие модели*, позволяющие решать профессионально-коммуникативные задачи в различных формах конструктивного взаимодействия участников учебного процесса: в совместных, коллективных образовательных проектах, в процессе решения проблемно-исследовательских задач, реализации профессионально-коммуникативного контекста и пр.

В этом плане необходимо подчеркнуть взаимообусловленность продуктивного и коммуникативного подходов, определяющую реализацию продуктивной образовательной деятельности в условиях профессионально-коммуникативного иноязычного контекста. Отсюда очевидна необходимость проектирования содержания продуктивной иноязычной образовательной деятельности как модели профессионального общения, характеризующейся своей функциональностью, рациональностью, эффективностью, конструктивностью и эвристичностью.

Подобная организация процесса изучения иностранного языка позволяет максимально приблизить процесс формирования иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся к реальным условиям их будущей профессиональной деятельности.

Целевой компонент включает цели и задачи продуктивного иноязычного образования. Основной целью является эффективная профессионально-коммуникативная подготовка, для достижения которой необходимо решить следующие задачи: развитие продуктивных умений иноязычной образовательной деятельности, формирование иноязычной коммуникативной компетентности, развитие личностных качеств студентов и их способности к самообразованию и саморазвитию.

Методический компонент данной модели включает основные методы обучения профессионально ориентированному иностранному языку (продуктивные, развивающие, коммуникативные) и педагогические технологии (автономного, проблемного и модульного обучения), которые позволяют спроектировать поэтапный, многоуровневый и комплексный процесс профессионально-коммуникативной иноязычной подготовки студентов.

Организационно-процессуальный компонент включает в себя основные элементы процесса организации и реализации продуктивной иноязычной образовательной деятельности: анализ исходного уровня владения иностранным языком (тестирование, анкетирование, опрос); целеполагание, определяемое уровнем владения иностранным языком; комплексную организацию мониторинга; конструктивное коммуникативное взаимодействие (преподаватель – учебная группа – студент); своевременный контроль

лингвистических знаний и коммуникативных умений с целью эффективного и оперативного корректирования; рефлексию и самооценку как обязательную часть целостного продуктивно-ориентированного образовательного процесса, включающую самокоррекцию и самодиагностику в области иноязычного образования.

Представленная методическая модель продуктивного иноязычного образования как основа профессионально ориентированного обучения иностранному языку в вузе, включающая целевой, концептуальный, методический и организационно-процессуальный компоненты, как результат проведенных исследований может быть положена в основу профессионально ориентированного обучения иностранному языку в вузе.

Заключение

На основании выполненного нами исследования по разработке методической модели продуктивного иноязычного образования в высшей школе были сделаны следующие выводы:

1. Как в зарубежной, так и в отечественной педагогической практике продуктивное образование в системе «школа – вуз» представляет собой комплексную научно-педагогическую систему, которая охватывает вопросы не только обучения, но и воспитания, личностного развития и практических умений обучающихся и их профессиональной ориентации. Продуктивное обучение позволяет максимально обеспечить целостность общего и профессионального образования, интегративность теоретических и практических аспектов будущей профессиональной деятельности личности, расширить возможности самореализации и самоактуализации обучающегося в образовательном про-

цессе. Продуктивное иноязычное образование, основанное на концепции продуктивного подхода, представляет собой инновационную методическую модель, позволяющую актуализировать развивающую и воспитательную функции дисциплины «Иностранный язык в профессиональной сфере» и наряду с коммуникативно-профессиональной подготовкой выпускников вузов обеспечить конструктивность и высокую эффективность языкового образования.

2. Практическая ориентированность продуктивного иноязычного образования обеспечивает комплексный подход к проектированию образовательного процесса, его профессионально-коммуникативный контекст и социокоммуникативную направленность. Основными условиями продуктивного обучения иностранному языку при этом выступают педагогическое стимулирование студента (подкрепляющее педагогическое воздействие), которое обеспечивает саморазвитие и самовоспитание личности, и индивидуализация учебного процесса как возможность персонального подхода к решению конкретной методической задачи.

3. В результате выполненных исследований разработана методическая модель продуктивного иноязычного образования в высшей школе, включающая в себя целевой, концептуальный, методический и организационно-процессуальный компоненты, обеспечивающие эффективную профессионально-коммуникативную подготовку студентов, развитие их личностных качеств, способность обучающихся к самообразованию и самовоспитанию, решая таким образом проблему повышения результативности иноязычного образования в вузе в условиях реализации современных образовательных стандартов и условий обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Almazova N.I., Eremin Yu.V., Rubtsova A.V.** Productive linguodidactic technology as an innovative approach to the problem of foreign language training efficiency in high school // Russian linguistic bulletin. 2016. № 3 (7). С. 50–54. DOI: 10.18454/RULB.7.38.

2. **Аитов В.Ф., Аитова В.М.** Способы проблематизации в проектном подходе // Иноязычное образование: актуальные вопросы и перспективы: матер. XI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Уфа; СПб.; Актобе, 2017. С. 44–55.

3. **Koryakovtseva N.** Education technologies and techniques in language teaching and learning: current theory and practice // Вестн. Московского гос. лингвист. ун-та. Сер. Образование и педагогические науки. 2016. № 4 (743). С. 68–76.

4. **Nefyodov O.** Indicators of the rational methodology of teaching non-linguistic students foreign languages // International innovation research: сб. ст. победителей VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Наука и просвещение, 2017. С. 292–294.

5. **Shishova E.O.** A model of second language learning by means of developing the prognostic component of thinking // *The social sciences*. 2015. T. 10, № 4. С. 384–388.
6. **Friederike R., Borkenhagen H., Guzmán D., Miksch C.** Produktives Lernen in Sachsen. Abschlussbericht zur Projektevaluation. Institut für Produktives Lernen in Europa (IPLE). Berlin, 2017. Pp. 17–23.
7. **Böhm I., Schneider J.** The international dissemination of Productive Learning. Symposium: Productive learning and international school development. Berlin, 2011. Pp. 7–15.
8. **Candrasekaran S.** Productive Methods of Teaching Middle School Science // *Intern. J. of Humanities and Social Science Invention*. 2014. Vol. 3. Pp. 15–25.
9. **Bakar R.** The effect of learning motivation on student's productive competencies in vocational high school // *Intern. J. of Asian Social Science*. 2014. № 4 (6). Pp. 722–732.
10. **Shandruk S.K.** Theoretical-methodological foundations of organization of training-productive activity of students-psychologists // *Научный обзор*. 2015. № 7 (17). Pp. 222–230.
11. **Башмаков М.И., Горяев М.А.** Развитие внеурочной деятельности методами продуктивного обучения // *Человек и образование*. 2014. № 2 (39). С. 76–81.
12. **Крылова Н.Б., Леонтьева О.М.** Основные идеи продуктивного образования // *Школа и производство*. 2008. № 7. С. 3–9.
13. **Как работает продуктивная школа?** // *Новые ценности образования*. 2003. № 4 (15). С. 112.
14. **Smith S.** Integrated work-based placements – shifting the paradigm // *Higher Education, Skills and Work-Based Learning*. 2017. Vol. 8. Iss. 2. Pp. 134–150. URL: <https://doi.org/10.1108/HESWBL-09-2017-0059>.
15. **Garnett J.** Work-based learning: A critical challenge to the subject discipline structures and practices of higher education // *Higher Education, Skills and Work-Based Learning*. 2016. Vol. 6. Iss. 3. Pp. 305–314. URL: <https://doi.org/10.1108/HESWBL-04-2016-0023>.
16. **Talbot J., Costley C., Dremina M.A., Kopyov V.A.** A Review of the Basic Elements, Organizational and Theoretical Foundations of Work-Based Learning in the Higher Education // *The education and science journal*. 2017. Vol. 19 (6). Pp. 91–118. URL: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-6-91-118>.
17. **Graf L.** The rise of work-based academic education in Austria, Germany and Switzerland // *J. of Vocational Education & Training*. 2016. Vol. 68. Iss. 1. Pp. 1–16. URL: <https://doi.org/10.1080/13636820.2015.1107749>.
18. **Wall T.** A manifesto for higher education, skills and work-based learning: Through the lens of the Manifesto for Work // *Higher Education, Skills and Work-Based Learning*. 2017. Vol. 7. Iss. 3. Pp. 304–314. URL: <https://doi.org/10.1108/HESWBL-06-2017-0036>.
19. **Chapelle C., Voss E.** 20 Years of Technology and Language Assessment in Language Learning & Technology // *Language Learning & Technology*. 2016. Vol. 20 (2). Pp. 116–128.
20. **Little D.** Autonomy and autonomous learners. *Routledge encyclopedia of language teaching and learning* (ed. by M. Byram and A. Hu). L.; N. Y.: Routledge, 2013. Pp. 72–74.
21. **Lee L.** Autonomous Learning through Task-based Instruction in Fully Online Language Courses. *Language Learning & Technology*. 2016. Vol. 20 (2). Pp. 81–97.
22. **Atayonova M.I., Mamatova M.Sh., Nurmetov Ya.N.** Different approaches to the content-based instructions in language learning and teaching // *Austrian journal of humanities and social sciences*. 2015. № 5–6. С. 105–107.
23. **Melinda D., Randall S.** Becoming little scientists: technologically-enhanced project-based language learning // *Language Learning & Technology*. 2016. Vol. 20 (1). Pp. 54–78.
24. **Hafner C., Chik A., Jones R.** Digital literacies and language learning // *Language Learning & Technology*. 2015. Vol. 19 (3). Pp. 1–7.
25. **Чамина О.Г.** Предпосылки интеграции технологий продуктивного обучения иностранным языкам на базе очно-заочной формы обучения направления «Лингвистика» // *Современные технологии обучения иностранным языкам: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф.* Ульяновск: Изд-во УЛГТУ, 2015. С. 83–86.

Рубцова Анна Владимировна

E-mail: annarub2011@yandex.ru

Алмазова Надежда Ивановна

E-mail: almazovanadia1@yandex.ru

Еремин Юрий Владимирович

E-mail: eremin37@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.06.2018 г.

REFERENCES

- [1] **N.I. Almazova, Yu.V. Eremin, A.V. Rubtsova**, Productive linguodidactic technology as an innovative approach to the problem of foreign language training efficiency in high school, *Russian linguistic bulletin*, 3 (7) (2016) 50–54. DOI: 10.18454/RULB.7.38.
- [2] **V.F. Aitov, V.M. Aitova**, Ways of problematization in project approach, in: *Foreign languages learning: actual issues and perspectives: Mater. of XI All-Russian scientific-practical conf. with intern. participation*, Ufa, St. Petersburg, Aktobe, 2017, pp. 44–50.
- [3] **N. Koryakovtseva**, Education technologies and techniques in language teaching and learning: current theory and practice, *Bulletin of the Moscow State Linguistic Univ. Education and pedagogical sciences*, 4 (743) (2016) 68–76.
- [4] **O. Nefyodov**, Indicators of the rational methodology of teaching non-linguistic students foreign languages, in: *International innovation research: Mater. of winners in the VI Intern. scientific-practical conf.*, Science and education, Penza, 2017, pp. 292–294.
- [5] **E.O. Shishova**, A model of second language learning by means of developing the prognostic component of thinking, *The social sciences*, 10 (4) (2015) 384–388.
- [6] **R. Friederike, H. Borkenhagen, D. Guzmán, C. Miksch**, *Produktives Lernen in Sachsen. Abschlussbericht zur Projektevaluation*, Institut für Produktives Lernen in Europa (IPLE), Berlin, 2017, pp. 17–23.
- [7] **I. Böhm, J. Schneider**, The international dissemination of Productive Learning, *Symposium: Productive learning and international school development*, Berlin, 2011, pp. 7–15.
- [8] **S. Candrasekaran**, Productive Methods of Teaching Middle School Science, *Intern. J. of Humanities and Social Science Invention*, 3 (2014) 15–25.
- [9] **R. Bakar**, The effect of learning motivation on student's productive competencies in vocational high school, *Intern. J. of Asian Social Science*, 4 (6) (2014) 722–732.
- [10] **S.K. Shandruk**, Theoretical-methodological foundations of organization of training-productive activity of students-psychologists, *Naukoviy oglyad*, 7 (17) (2015) 222–230.
- [11] **M.I. Bashmakov, M.A. Goryayev**, The development of extracurricular activities through productive learning methods, *Person and education*, 2 (39) (2014) 76–81.
- [12] **N.B. Krylova, O.M. Leontyeva**, Basic ideas of productive learning, *School and production*, 7 (2008) 3–9.
- [13] **How** does productive school work?, *New values of education*, 4 (15) (2003) 112.
- [14] **S. Smith**, Integrated work-based placements – shifting the paradigm, *Higher Education, Skills and Work-Based Learning*, 8 (2) (2017) 134–150. Available at: <https://doi.org/10.1108/HESWBL-09-2017-0059>.
- [15] **J. Garnett**, Work-based learning: A critical challenge to the subject discipline structures and practices of higher education, *Higher Education, Skills and Work-Based Learning*, 6 (3) (2016) 305–314. Available at: <https://doi.org/10.1108/HESWBL-04-2016-0023>.
- [16] **J. Talbot, C. Costley, M.A. Dremina, V.A. Kopnov**, A Review of the Basic Elements, Organizational and Theoretical Foundations of Work-Based Learning in the Higher Education, *The education and science journal*, 19 (6) (2017) 91–118. Available at: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-6-91-118>.
- [17] **L. Graf**, The rise of work-based academic education in Austria, Germany and Switzerland, *J. of Vocational Education & Training*, 68 (1) (2016) 1–16. Available at: <https://doi.org/10.1080/13636820.2015.1107749>.
- [18] **T. Wall**, A manifesto for higher education, skills and work-based learning: Through the lens of the Manifesto for Work, *Higher Education, Skills and Work-Based Learning*, 7 (3) (2017) 304–314. Available at: <https://doi.org/10.1108/HESWBL-06-2017-0036>.
- [19] **S. Chapelle, E. Voss**, 20 Years of Technology and Language Assessment in Language Learning & Technology, *Language Learning & Technology*, 20 (2) (2016) 116–128.
- [20] **D. Little**, *Autonomy and autonomous learners*. Routledge encyclopedia of language teaching and learning (Ed. by M. Byram and A. Hu), Routledge, London, New York, 2013, pp. 72–74.
- [21] **L. Lee**, Autonomous Learning through Task-based Instruction in Fully Online Language Courses, *Language, Learning & Technology*, 20 (2) (2016) 81–97.
- [22] **M.I. Atayonova, M.Sh. Mamatova, Ya.N. Nurmetov**, Different approaches to the content-based instructions in language learning and teaching, *Austrian journal of humanities and social sciences*, 5–6 (2015) 105–107.
- [23] **D. Melinda, S. Randall**, Becoming little scientists: technologically-enhanced project-based language learning, *Language Learning & Technology*, 20 (1) (2016) 54–78.
- [24] **C. Hafner, A. Chik, R. Jones**, Digital literacies and language learning, *Language Learning & Technology*, 19 (3) (2015) 1–7.
- [25] **O.G. Chamina**, Prerequisites for the integration of the productive methods of teaching foreign languages on the basis of distance learning course for direction of training “Linguistics”, in: *Contemporary methods of teaching foreign languages: Mater. of Intern. scientific-practical conf. UGTU Publ.*, Ulyanovsk, 2015, pp. 83–86.

Rubtsova Anna V.

E-mail: annarub2011@yandex.ru

Almazova Nadezhda I.

E-mail: almazovanadia1@yandex.ru

Eremin Yuriy V.

E-mail: eremin37@mail.ru

Received 13.06.2018.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018

DOI: 10.18721/JHSS.9310

УДК: 811.161.1:378.147

ПЕРСОНАЛИИ КАК ЕДИНИЦЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

М.И. Калле¹, Л.В. Московкин², Е.Б. Рыкова³

¹ Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет
им. акад. И.П. Павлова, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

³ Северо-Западный государственный медицинский университет
им. И.И. Мечникова, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цель данной статьи – анализ специфики российских персоналий как единиц обучения русскому языку как иностранному. В процессе исследования были использованы метод сплошной выборки персоналий из учебной литературы по русскому языку для иностранцев (начальный этап) для создания исходного корпуса этих единиц и метод системного анализа, предполагающий рассмотрение персоналий как компонентов некоторой системы более высокого уровня (содержания обучения) и как самостоятельной системы (учебной персониферы). Результатом систематизации персоналий стала их типология. В учебной персонифере предлагается выделять три группы – универсальные, профильные и локально-тематические персоналии. Универсальные персоналии предназначены для изучения всеми студентами-иностранцами, профильные изучаются в дополнение к универсальным в соответствии с учебно-профессиональными интересами студентов. Универсальные и профильные персоналии включают тематические подгруппы, которые, в свою очередь, разделяются на две части – обязательные и факультативные персоналии. Локально-тематические персоналии составляют особую группу, элементы которой изучаются в дополнение к универсальным и профильным персоналиям в зависимости от места обучения студентов. Проведенная таким образом систематизация персоналий как единиц обучения является необходимой предпосылкой их дальнейшего методического исследования. Полученные данные могут быть использованы как преподавателями русского языка, так и методистами, составителями пособий и учебников по русскому языку для иностранцев.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; методика обучения; содержание обучения; персоналии; системный анализ

Ссылка при цитировании: Калле М.И., Московкин Л.В., Рыкова Е.Б. Персоналии как единицы обучения русскому языку как иностранному // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 100–106. DOI: 10.18721/JHSS.9310

PERSONALITIES AS UNITS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

М.И. Калле¹, Л.В. Московкин², Е.Б. Рыкова³

¹Academician I.P. Pavlov First St. Petersburg State Medical University, St. Petersburg, Russian Federation

²St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

³North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, St. Petersburg, Russian Federation

The purpose of this article is to analyze the specifics of Russian personalities as units of teaching Russian as a foreign language. In the research the method of continuous sampling of personalities from the teaching materials of Russian as a foreign language (levels “beginner” and “elementary”) and the system analysis, considering the personalities as components of learning content and as an independent system (called “personosphere”) were used. The result of the study was the systematization of personalities as units of teaching and the creation of a typology of personalities. The authors propose to divide personosphere into three groups: Universal, Profile and Local-thematic Personalities. Universal Personalities are intended to be studied by all foreign students, Profile Personalities are to be studied in addition to Universal ones in accordance with the professional interests of students. Universal and Profile Personalities include thematic subgroups, and each of them is divided into two parts – obligatory and optional. Local-thematic Personalities are studied in addition to Universal and Profile Personalities depending on students study location. Such a systematization of personalities as units of teaching is necessary for their further methodological study. The result of this research can be used by teachers and methodologists, authors of manuals and course books of Russian language for foreigners.

Keywords: Russian as a foreign language; teaching methods; learning content; personalities; system analysis

Citation: M.I. Kalle, L.V. Moskovkin, E.B. Rykova, Personalities as units of teaching Russian as a foreign language, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (3) (2018) 100–106. DOI: 10.18721/JHSS.9310

Введение

Освоение культуры в процессе овладения иностранным языком в последние десятилетия стало одним из основополагающих направлений отечественной и зарубежной лингводидактики¹ [1–5]. При этом если сначала основное внимание уделялось языковым единицам с национально-культурным компонентом семантики, то в последние годы утвердилось мнение, что культурно значимые явления, проявляясь в языке и через язык, составляют значимую

часть содержания обучения [6]. Так, иностранные студенты, изучающие русский язык как в России, так и за ее пределами, часто встречаются в учебных текстах информацию о персоналиях – деятелях российской науки и искусства, государственных деятелях и пр. Эта информация – значимый компонент формирующейся у студентов системы знаний о России и ее культуре, что важно для их участия в процессе общения, интеллектуального, эмоционального и нравственного развития учащихся, формирования у них интереса к русскому языку как к репрезентанту российской культуры.

Персоналии оказываются не только средствами, обеспечивающими реализацию коммуникативной, развивающей и воспитательной

¹ *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: метод. рук. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1990.*

целей обучения. Будучи элементами социокультурной компетенции учащихся, они выступают в качестве особых единиц обучения русскому языку как иностранному. Соответственно методистами должны решаться вопросы отбора персоналий в учебных целях, в том числе с учетом профиля подготовки студентов, их распределения по этапам обучения, создания их учебных классификаций, разработки приемов организации усвоения этих единиц обучения студентами и др.

Проблеме персоналий в обучении русскому языку как иностранному посвящен ряд специальных научных публикаций [7, 8], в некоторых методических работах персоналии оказываются одним из важных объектов исследований [9–11], при этом многие вопросы, связанные с их изучением, еще не исследовались учеными. Так, до сих пор не было проведено исследование специфики персоналий как единиц обучения русскому языку как иностранному.

Цель и методы исследования

Целью исследования является рассмотрение специфики персоналий как единиц обучения русскому языку как иностранному. В работе использованы следующие методы: метод сплошной выборки персоналий из учебной литературы по русскому языку для иностранцев (начальный этап) и системный анализ, предполагающий рассмотрение персоналий как компонентов некоторой системы более высокого уровня (содержания обучения) и как некоторой самостоятельной системы (учебной персониферы).

Результаты исследования

Персоналии как компоненты содержания обучения русскому языку как иностранному. В лингводидактике под содержанием обучения языку понимается совокупность того, что учащийся должен освоить в процессе обучения². В составе содержания принято выделять языковой, коммуникативный и социокультурный (страноведческий) блоки. Персоналии являются единицами социокультурного блока содержания обучения наряду с событиями, предметами, обычаями, правилами поведения и т. д.

² Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. С. 282.

Родовым понятием для всех этих компонентов чаще всего выступает понятие «реалия» или его варианты – «страноведческая реалия», «социокультурная реалия».

Анализ значения и употребления термина «реалия» в Национальном корпусе русского языка показал, что большая часть его носителей понимает под реалиями явления окружающего мира. В этом же значении используют его большинство лингвистов и методистов [11]. В настоящей работе под страноведческими реалиями понимаются явления, характеризующие жизнь в определенной стране, в нашем случае – в России.

Первую классификацию страноведческих реалий разработала М.Л. Вайсбурд, которая предложила включать в их состав события общественной и культурной жизни страны, общественные организации и учреждения, обычаи и традиции, предметы обихода, географические пункты, произведения искусства и литературы, исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, композиторов, артистов, популярных спортсменов, персонажей художественных произведений, явления природы (в последнем случае реалии носят региональный характер), а также множество разрозненных фактов, не поддающихся классификации [9]. Как можно заметить, в работе Вайсбурд персоналии не только включаются в состав страноведческих реалий, но и занимают среди них важное место.

Проведенный нами анализ изданных в нашей стране учебных тематических и лингвострановедческих словарей, а также научных трудов, в которых представлены тематические классификации лингвострановедческой лексики, позволил расширить и углубить классификацию М.Л. Вайсбурд. В результате был сделан вывод, что в состав страноведческих реалий могут быть включены географические реалии (государства, города и др.), общественно-политические (партии, государственные учреждения и др.), информационные (печать, радио, телевидение), экономические (промышленность, сельское хозяйство, торговля, транспорт, финансы), научно-технические, реалии медицины и здравоохранения, образования и воспитания, религиозные реалии (места, служители и предметы культа), традиции и обычаи (праздники, обряды и др.), реалии культуры (произведения литературы и искусства,

театры, музеи и т. д.), достопримечательные места (памятники архитектуры, сады, парки и т. д.), спортивные реалии, бытовые (жилье, бытовые учреждения, мебель, посуда, одежда и др.), исторические (факты, события), а также персоналии (исторические личности, общественные деятели, политики, военные, ученые, писатели, композиторы, режиссеры, артисты, спортсмены, герои, персонажи художественных произведений и др.) [11]. Таким образом, персоналии являются компонентом системы страноведческих реалий, без усвоения которого невозможно овладеть изучаемым иностранным языком и культурой народа – носителя этого языка.

Для методики обучения русскому и иностранным языкам в целом оказывается важным понимание того, что знание персоналий отличается от знания других страноведческих реалий. Оно включает знание номинации конкретной персоналии, оформленной по законам русского языка (имя, отчество и фамилия), биографических сведений о ней, знание вклада каждой личности в историю и культуру России, во многих случаях внешнего облика персоналии.

Отметим, что такое понимание термина «персоналия» отличается от его понимания в энциклопедиях, словарях и справочниках, где под персоналией понимается не известное лицо, а статья, содержащая сведения (обычно биографические) об этом лице^{3,4}.

Персоналии как система единиц обучения (учебная персонифера). Чтобы в общих чертах описать систему персоналий для включения в учебные материалы по русскому языку как иностранному, необходимо было опираться на некоторый корпус единиц, в котором получают отражение основные группы, виды или классы персоналий. Для создания такого корпуса нами были проанализированы наиболее известные в настоящее время учебники русского языка для начального этапа обучения: «Дорога в Россию», «Прогресс», «Русский язык: первые шаги», «Русский язык: для иностранных студентов подготовительных факультетов», «Живем и учимся

в России». При их анализе использовался метод сплошной выборки персоналий. В результате был составлен корпус из 120 единиц, который в дальнейшем стал материалом для анализа и систематизации.

В процессе исследования было установлено следующее:

1. В каждом учебнике русского языка представлен свой специфический набор персоналий. Некоторые группы или классы персоналий отмечены в одних учебниках и не зафиксированы в других. Так, в ряде учебников не представлены российские государственные деятели или деятели российского (советского) кино, что можно объяснить авторскими предпочтениями.

2. Поскольку все проанализированные учебники являются учебниками общего типа, т. е. ориентированы на студентов разных вузов, в них не отражается специфика профиля обучения (технического, медицинского, военного, экономического, гуманитарного, филологического). Персоналии, включенные в них, можно назвать *универсальными*.

Вместе с тем для иностранного студента значима информация о персоналиях, связанных с историей и культурными особенностями конкретного места его учебы. Например, студентам вузов Москвы важна информация о *Юрии Долгоруком*, учащимся вузов Твери – об *Афанасии Никитине*. Обучаясь в РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) или в БГУ им. акад. И.Г. Петровского (Брянск), студент должен знать, чье имя и почему носит его вуз. Такие персоналии можно назвать *локально-тематическими*.

Кроме того, в каждом вузе на занятиях по русскому языку используются тексты, в которых дается информация об известных ученых или специалистах в данной конкретной области знаний (например, в медицинских вузах значимыми персоналиями являются *И.П. Павлов*, *И.И. Мечников*, *Н.И. Пирогов*, *С.П. Боткин*). Персоналии, связанные с учебно-профессиональной сферой студентов, мы предлагаем называть *профильными*.

Таким образом, учебная персонифера должна включать три группы персоналий – универсальные, локально-тематические и профильные.

3. Универсальные персоналии могут быть разделены на тематические подгруппы по сфе-

³ Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Изд. 6-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2016. С. 327.

⁴ Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. С. 248.

рам их деятельности: «история, политика», «наука», «космос», «классическая музыка», «изобразительное искусство», «литература», «спорт», «кино, театр, ТВ», «эстрада, рок» и т. д. В каждой подгруппе можно выделить две категории персоналий – обязательные (облигаторные) и факультативные.

Принцип облигаторности как принцип отбора лингвострановедческих единиц был обоснован Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым⁵. Чаще всего он определяется как общеизвестность той или иной единицы обучения в русской лингвокультурной среде, что обуславливается прежде всего включением этой единицы в школьные образовательные программы и учебники. Мы считаем, что в соответствии с принципом облигаторности совокупность обязательных персоналий должна быть общим необходимым минимумом данных единиц для формирования социокультурной компетенции иностранных учащихся. В этот минимум могли бы войти такие общеизвестные деятели российской истории и культуры, как *Петр I, М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, А.С. Пушкин, П.И. Чайковский, Л.Н. Толстой, Ю.А. Гагарин*. Конкретный минимум обязательных персоналий для изучающих русский язык как иностранный может быть установлен путем анкетирования носителей русского языка или ассоциативного эксперимента. Отметим, что минимума обязательных персоналий пока не существует.

К факультативным относятся персоналии, не входящие в обязательный минимум. Их выбор может быть обусловлен индивидуальными предпочтениями преподавателя или автора учебника.

В составе учебной персониферы факультативными персоналиями можно считать, например, деятелей кино, театра, эстрады, спорта, известных в определенные периоды российской истории. Тем не менее следует включать в учебные материалы информацию о современных российских спортсменах и актерах, так как без этой информации картина современной российской жизни будет неполной. В данном случае можно говорить об актуальности персоналий как одном из принципов их отбора. Мы предполагаем, что актуальность персоналий определяется их популярностью и частотой встречаемости в СМИ.

⁵ Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура... С. 225.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что эти показатели привязаны к определенному периоду времени, т. е. наполнение таких тематических групп, как «спорт», «кино, театр, ТВ», «эстрада, рок», может варьироваться со временем, по этой причине персоналии из них были отнесены нами к факультативным.

В данной типологии, по нашему мнению, постоянное наполнение должен иметь только обязательный минимум персоналий, а их списки для факультативных подгрупп остаются открытыми и, поскольку носят рекомендательный характер, могут дополняться или сокращаться преподавателями.

4. Группа профильных персоналий должна устанавливаться преподавателями русского языка конкретного вуза и получать отражение не в учебниках общего типа, а в профильно ориентированных учебных материалах, например в пособиях по научному стилю речи. Профильные персоналии также могут быть разделены на обязательные для студентов данного профиля подготовки и факультативные.

5. Группа локально-тематических персоналий устанавливается преподавателями русского языка конкретного вуза и авторами пособий в учебных материалах лингвострановедческой направленности с учетом культурных и исторических особенностей места учебы студента. Эта группа персоналий тоже может быть разделена на обязательные и факультативные.

6. Группы универсальных, профильных и локально-тематических персоналий в основном не пересекаются. Вместе с тем, поскольку отдельные профильные или локально-тематические персоналии являются также общеизвестными, некоторые элементы этих групп могут совпадать (например, *Д.И. Менделеев* входит и в «универсальные персоналии» – подгруппа «наука», и в «профильные» – подгруппа «химия»; *Петр I* входит и в «универсальные персоналии» – подгруппа «исторические деятели», и в «локально-тематические» как значимая реалья для учащихся в вузах Санкт-Петербурга). Такие совпадения свидетельствуют об исключительной важности знаний об этих персоналиях.

Заключение

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Персоналии являются единицами обучения русскому языку как иностранному и

поэтому должны изучаться методистами. Общее описание персоналий требует системного подхода к их анализу: рассмотрения персоналий как компонентов некоторой системы более высокого уровня (содержания обучения) и как некоторой самостоятельной системы (учебной персониферы).

2. Персоналии, будучи разновидностью страноведческих реалий, являются компонентами социокультурного блока содержания обучения. Их специфика как единиц обучения состоит в следующем: информация о каждой персоналии включает сведения о ее биографии и вкладе в историю и культуру России.

3. Персоналии в обучении русскому языку как иностранному должны рассматриваться как самостоятельная система единиц учебной персониферы, в которой могут выделяться три группы – *универсальные, профильные и локально-тематические персоналии*. Универсальные персоналии предназначены для изучения

всеми студентами-иностранцами, группы профильных персоналий устанавливаются в соответствии с профилем профессиональной подготовки студентов. Каждая из этих двух групп включает тематические подгруппы. Содержание каждой тематической подгруппы, в свою очередь, разделяется на две части – обязательные и факультативные персоналии. Локально-тематические персоналии представляют собой особую группу, предназначенную для изучения студентами в зависимости от культурных и исторических особенностей конкретного места учебы. Содержание этой группы также разделяется на две части – обязательную и факультативную. Проведенная таким образом систематизация данных единиц обучения является необходимым условием их дальнейшего методического исследования, главным образом – проведения их отбора, распределения по этапам обучения, разработки приемов организации их усвоения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Пассов Е.И.** Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования: Концепция развития индивидуальности в диалоге культур. М.: Просвещение, 2000.

2. **Сафонова В.В.** Соизучение языков и культур в зеркале мировых тенденций развития современного языкового образования // *Язык и культура*. 2014. № 1 (25). С. 123–141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soizuchenie-yazykov-i-kultury-v-zerkale-mirovyh-tendentsiy-razvitiya-sovremennogo-yazykovogo-obrazovaniya> (дата обращения: 05.07.2018).

3. **Kohler M.** Teachers as Mediators in the Foreign Language Classroom. Tonawanda, N. Y.: Multilingual Matters, 2015.

4. **Kramsch C.** Language and Culture // *Research methods and approaches in Applied Linguistics: Looking back and moving forward*. Ed. by R.M. Manchon. AILA Review. 2014. Vol. 27. Pp. 30–55.

5. **Porto M., Byram M.** New perspectives on intercultural language research and teaching: Exploring learners' understandings of texts from other cultures. Oxford: Routledge. Taylor Francis & Group Ltd, 2016.

6. **Тарева Е.Г.** Система культуросообразных подходов к обучению иностранному языку // *Язык и культура*. 2017. № 40. С. 302–320. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-kulturosoobraznyh-podkhodov-k-obucheniyu-inostrannomu-yazyku>

(дата обращения: 05.07.2018).

7. **Мошинская Н.В.** Принципы отбора и презентации персоналий в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) // *Лингвистика и методика преподавания иностранных языков*. Электрон. науч. изд. Вып. 3. М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 2011. 15 с. URL: http://www.ilingran.ru/library/sborniki/for_lang/2011_03/17.pdf. (дата обращения: 01.07.2018).

8. **Московкин Л.В., Сильвина Л.В.** Персоналии в обучении русскому языку как иностранному: Ф.М. Достоевский // *Научный результат. Сер. Педагогика и психология образования*. 2016. № 3 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/personalii-v-obuchenii-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-f-m-dostoevskiy> (дата обращения: 20.03.2018).

9. **Вайсбурд М.Л.** Реалии как элемент страноведения // *Рус. яз. за рубежом*. 1972. № 3. С. 98–101.

10. **Журавлева Л.С., Зиновьева М.Д., Есина З.И.** Русский язык и цивилизация. М.: Изд-во РУДН, 1997.

11. **Рыкова Е.Б.** Формирование страноведческой компетенции иностранных студентов при обучении русскому языку на материале реалий советской эпохи: автореф. дис. ... канд. пед. наук. 13.00.02. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012.

Калле Марина Игоревна

E-mail: marinakalle@rambler.ru

Московкин Леонид Викторович

E-mail: moskovkin.leonid@yandex.ru

Рыкова Елена Борисовна

E-mail: chouette_63@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.07.2018 г.

REFERENCES

1. **Ye.I. Passov**, Programma-kontseptsiya kommunikativnogo inoyazychnogo obrazovaniya: kontseptsiya razvitiya individual'nosti v dialoge kultur [Program-concept of communicative foreign language education: The concept of personality development in the dialogue of cultures], Prosveshcheniye, Moscow, 2000.
2. **V.V. Safonova**, [Co-learning of languages and cultures in the mirror of world tendencies in developing modern language education], Language and culture, 1 (25) (2014) 123–141. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/soizuchenie-yazykov-i-kultur-v-zerkale-mirovyh-tendentsiy-razvitiya-sovremennogo-yazykovogo-obrazovaniya> (accessed 05.07.2018).
3. **M. Kohler**, Teachers as Mediators in the Foreign Language Classroom. Tonawanda, Multilingual Matters, New York, 2015.
4. **C. Kramersch**, Language and Culture, Research methods and approaches in Applied Linguistics: Looking back and moving forward, ed. by R.M. Manchon, AILA Review, 27 (2014) 30–55.
5. **M. Porto, M. Byram**, New perspectives on intercultural language research and teaching: Exploring learners' understandings of texts from other cultures, Routledge, Taylor Francis & Group Ltd, Oxford, 2016.
6. **Ye.G. Tareva**, [The system of cultural approaches to foreign language teaching], Language and culture, 40 (2017) 302–320. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-kulturosoobraznyh-podhodov-k-obucheniyu-inostrannomu-yazyku> (accessed 05.07.2018).
7. **N.V. Moshchinskaya**, [Principles of selection and presentation of personalities in the teaching Russian as a foreign language], Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov [Linguistics and methods of the foreign languages teaching. Edition 3], Institut of Linguistics of the RAS, Moscow, 3 (2011). Available at: http://www.ilingran.ru/library/sborniki/for_lang/2011_03/17.pdf. (accessed 01.07.2018).
8. **L.V. Moskovkin, L.V. Silvina**, [Personalities in the teaching Russian as a foreign language: Dostoyevskiy], Nauchniy rezultat. Ser. "Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya" [Scientific result. Series "Pedagogic and psychology of education"], 3 (9) (2016). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/personalii-v-obuchenii-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-f-m-dostoevskiy> (accessed 20.03.2018).
9. **M.L. Vaysburd**, [The realities as an element of country studies], Russian Language Abroad, 3 (1972) 98–101.
10. **L.S. Zhuravleva, M.D. Zinovyeva, Z.I. Yesina**, Russkiy yazyk i tsivilizatsiya [Russian language and civilization], RUDN Publ., Moscow, 1997.
11. **Ye.B. Rykova**, Formirovaniye stranovedcheskoy kompetentsii inostrannykh studentov pri obuchenii russkomu yazyku na materiale realiy sovetskoy epokhi [Formation of country-specific competence of foreign students in teaching Russian on material of Soviet realities. Abstr. cand. diss.], St. Petersburg, 2012.

Kalle Marina I.

E-mail: marinakalle@rambler.ru

Moskovkin Leonid V.

E-mail: moskovkin.leonid@yandex.ru

Rykova Elena B.

E-mail: chouette_63@mail.ru

Received 05.07.2018.

DOI: 10.18721/JHSS.9311
УДК 316.614:37.062.1-054.72

РАННИЙ ЭТАП АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: ЗАДАЧИ И ИХ РЕШЕНИЕ

Е.В. Бусурина, И.Р. Куралева

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Актуальность работы обусловлена важностью решения проблем адаптации иностранных учащихся в новой для них социокультурной и образовательной среде в условиях роста интернационализации российского образования. Для обеспечения быстроты и успешности раннего адаптационного процесса у иностранных граждан, обучающихся на программах предвузовской подготовки, необходимо создавать соответствующие адаптационные материалы. Такие материалы организуются по принципу путеводителя, сочетающего информационный материал с учебным в виде разговорников, с которыми можно проводить как самостоятельную, так и аудиторную работу. В статье обосновано включение в адаптационный путеводитель трех основных разделов: о вузе, подготовительном отделении (факультете) этого вуза и городе, в котором живут и обучаются иностранные студенты. Наполнение каждого раздела решает определенные адаптационные задачи. Информация о вузе одновременно решает задачи адаптации и профориентации. В разделе о подготовительном отделении представляются все подразделения и службы, с которыми взаимодействуют иностранные студенты. Информационные сведения дополняются разговорниками, составляемыми на основе консультаций с работниками соответствующих служб. Разговорники организуются с учетом синтаксической стереотипности и лексической минимизации, охватывают типовые ситуации и вопросы, с которыми сталкиваются иностранные студенты при обращении в конкретную службу. Часть адаптационных материалов, посвященная городу, наиболее соответствует традиционному жанру путеводителя и также снабжается разговорниками в каждом подразделе. Особенностью данной части путеводителя для иностранных студентов является фокус не на историко-культурной, а на социальной сфере жизни города как наиболее актуальной для иностранных студентов. Результаты исследования могут использоваться для составления аналогичных адаптационных путеводителей для иностранных учащихся подготовительных отделений и факультетов различных российских вузов в рамках решения задач раннего адаптационного периода.

Ключевые слова: адаптация иностранных студентов; социокультурная среда; образовательная среда; программа предвузовской подготовки; путеводитель

Ссылка при цитировании: Бусурина Е.В., Куралева И.Р. Ранний этап адаптации иностранных студентов: задачи и их решение // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 107–115. DOI: 10.18721/JHSS.9311

EARLY ADAPTATION STAGE FOR FOREIGN STUDENTS: OBJECTIVES AND APPROACHES

E.V. Busurina, I.R. Kuraleva

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

Adaptation of foreign students to new sociocultural and educational environment becomes an acute issue for growing internationalization of Russian education. It is necessary to design adaptation study materials to accelerate and facilitate the early adaptation on university foundation programs. The adaptation materials are arranged as a student guide combining informational and study materials. The research employs the qualitative method and the method of interviews. Material selection is based on the principles of necessity and minimization. The paper proves three essential parts of the adaptation student guide: the university, the foundation department and the city where students live. Each part approaches certain adaptation problems. The information about the university serves for both adaptation and career guidance of foreign students. The part about the foundation department includes all university structural units and services which foreign students may interact with. This part adds phrase units to information materials. Phrase units are designed on the basis of interviews with employees of corresponding services, and embrace typical situations and questions which foreign student may address to employees. The choice of phrases implies principles of syntactic stereotype and lexical minimization. The part about the city includes phrase units as well and focuses on the social infrastructure of the city as the latter is more acute for foreign students. The results of the research may be used for creating similar adaptation guidebooks for any Russian university and abroad to deal with issues of early adaptation period.

Keywords: adaptation of foreign students; sociocultural environment; educational environment; foundation program; guidebook

Citation: E.V. Busurina, I.R. Kuraleva, Early adaptation stage for foreign students: objectives and approaches, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (3) (2018) 107–115. DOI: 10.18721/JHSS.9311

Введение

Одной из важнейших тенденций современного высшего образования во всем мире стала интернационализация образования — объективный процесс устойчивого взаимодействия и взаимовлияния национальных систем высшего образования на основе общих целей и принципов, отвечающий потребностям мирового сообщества и отражающий прогрессивные тенденции нового столетия [1, с. 81]. Особое место в процессе интернационализации образования занимает подготовка специалистов для зарубежных стран, чему уделяется отдельное внимание в современной системе высшего образования Российской Федерации. Несмотря на небольшую мировую долю экспорта образо-

вания в России, количество иностранных студентов в российских вузах растет год от года, и научные прогнозы говорят о сохранении этой тенденции [2, с. 267–274].

В свете растущей интернационализации российского образования повышается актуальность ряда проблем, связанных с обучением иностранных граждан. Помимо вопросов, касающихся обучения русскому языку как иностранному, существует другой важнейший аспект деятельности — адаптация иностранных студентов к жизни и учебе в России.

В российской педагогической среде происходит активное обсуждение проблем адаптации, вырабатывается методология [3], актуализируется проблематика (см., например,

работы М.А. Ивановой [4], А.И. Сурыгина [5], И.О. Кривцовой [6], С.В. Булганиной [7], Л.В. Кобзевой [8], А.Н. Ременцова [9]).

Процесс адаптации иностранных учащихся осуществляется на разных уровнях, включает разные виды адаптации (психологическую, социокультурную, климатическую, физиологическую, социально-психологическую, межкультурную, языковую) и сопряжен с большими психическими, эмоциональными, интеллектуальными и физическими нагрузками. Приоритет какого-либо вида (видов) адаптации зависит от многих факторов и меняется на протяжении различных периодов адаптации. Первые десять месяцев пребывания в России на предвузовском этапе обучения считаются начальным этапом адаптации.

Адаптация иностранных студентов к жизни и учебе в России – процесс, который подлежит управлению и ускорению. Успешная адаптация в данном случае предполагает достижение психологического равновесия как эмпирического показателя адаптированности студента к новой жизненной ситуации на эмоционально-личностном, информационно-познавательном и коммуникативно-поведенческом уровнях в кратчайшие сроки [10, с. 26–27]. Современная российская педагогика рассматривает адаптацию иностранных студентов как неотъемлемую составляющую педагогической системы обучения иностранных граждан. Например, А.И. Сурыгин определяет три взаимосвязанных и взаимообусловленных компонента цели предвузовской подготовки иностранных студентов: языковой (коммуникативная компетентность), общенаучный/общепрофессиональный (общенаучная/общепрофессиональная компетентность) и адаптационный (адаптированность) [11, с. 11]. Успешность и результативность образовательного процесса оказывается в непосредственной зависимости от адаптированности иностранных студентов.

Зарубежные исследования проблем адаптации иностранных студентов фокусируются в основном на кросс-культурных аспектах, что соответствует зарубежной традиции рассмотрения адаптации в целом как феномена, возникающего при столкновении различных культурных традиций [12]. Адаптацию относят к результатам аккультурации [13, с. 799; 14] и исследуют соответственно [15].

Отечественные научные исследования в области адаптации посвящены как феномену в целом, так и отдельным видам адаптации. Закономерно, что при изучении процессов адаптации иностранных студентов самое пристальное внимание обращают на учащихся подготовительных факультетов и подготовительных отделений российских вузов, поскольку именно данный этап обучения для большинства иностранных граждан совпадает с первым погружением в новую социально-культурную и образовательную среду.

Самые первые дни, недели пребывания иностранных учащихся в стране изучаемого языка ожидаемо оказываются наиболее напряженным адаптационным этапом, объединяющим все виды адаптации. В это время трудно переоценить поддержку преподавателей, тьюторов, оставшихся дома родных и друзей, доброжелательное отношение административных и прочих работников вуза, с которыми взаимодействуют иностранные студенты (например, работников миграционной службы, учебного отдела, службы охраны, столовой, гардероба и т. д.). Ведь на этом этапе даже элементарные социальные действия могут представлять трудность для иностранных студентов ввиду языкового барьера и существенных социокультурных отличий их родной страны от России. Можно предположить, что уровень физической и психологической адаптации заметно повышается в зависимости от успешности процессов социальной, языковой и культурной адаптации, по крайней мере, именно эти три формы адаптации могут быть управляемыми извне (проводниками в преодолении различных барьеров социально-культурного и языкового характера могут стать преподаватель, сокурсники и т. п.).

Постановка проблемы и цели исследования

В интенсивный начальный период адаптации иностранных студентов существенную помощь им может оказать специальная адаптационная литература, направленная на знакомство с российской действительностью и снятие трудностей при погружении в социальную, культурную, языковую и образовательную среду российской жизни. Имеются в виду прежде всего издания информационного характера, написанные на языке, понятном для иностранных

граждан (на родном для них языке или языке-посреднике), – такие издания обычно определяются как путеводители. Большинство вузов, имеющих подготовительные отделения или факультеты и/или приглашающих иностранных студентов на основные программы обучения, используют электронные ресурсы для размещения информации о поступлении и об условиях обучения иностранных студентов. Некоторые вузы выпускают брошюры-путеводители, например Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербургский государственный университет, Московский государственный институт международных отношений. Данные книги составлены по схожим принципам и ориентируются на информационную поддержку иностранных учащихся. В них содержатся сведения о конкретной образовательной организации, ее подразделениях, а также о социальных и культурных объектах города.

Такие издания решают актуальные адаптационные задачи первоначального информирования иностранных студентов, и соотношение объема тематических частей (вуз – подразделения вуза – городская инфраструктура) в них отличается. Одной из целей настоящего исследования стало верифицирование и обоснование оптимального объема, а также информационного наполнения каждой части с учетом использования как фактической, так и практической информации.

Однако приоритетной целью работы явилось расширение содержания адаптационных материалов для иностранных студентов и их трансформация из исключительно информационного издания в пособие, направленное на формирование коммуникативных навыков иностранных учащихся на русском языке. Для осуществления данной цели были поставлены и решены задачи сопровождения информационных блоков разговорниками, снабженными транскрипцией. Включение в книгу разговорников оказывает комплексную адаптационную поддержку: во-первых, выявляет круг потенциальных вопросов, связанных с описываемым объектом (социокультурная адаптация), и, во-вторых, дает возможность иностранным студентам, не изучавшим ранее русский язык, принимать участие в реальной коммуникации на русском языке уже с первых дней пребывания

в стране (языковая адаптация и психологическая адаптация). Также разговорники помогают иностранным учащимся приобретать и улучшать знания русского языка.

Методология

В исследовании применялся качественный метод в сочетании с методом свободного интервью с целью определения наиболее актуальных вопросов адаптации иностранных студентов, обучающихся по программам предвузовской подготовки. В интервью участвовали как иностранные студенты, так и работники вуза, задействованные в обеспечении программ подготовки в вуз.

В организации материала, во-первых, применялся принцип комбинирования информационной и учебной составляющих; во-вторых, учитывался принцип минимизации материала («необходимо и достаточно»); в-третьих, уже относительно учебных материалов разговорников работали принципы синтаксической стереотипности и лексической минимизации.

Результаты исследования

В основе отбора и организации адаптационного материала лежит модель путеводителя. Однако если привычный путеводитель рассказывает о стране или городе, то данное издание основное внимание уделяет вузу, в котором будут учиться иностранные студенты, и непосредственно подразделениям вуза, взаимодействующим со студентами подготовительного отделения.

В путеводителе используется преимущественно родной для студентов язык или язык-посредник, поскольку он предназначен для использования иностранными студентами, только начавшими изучать русский язык. Но важной частью и отличительной особенностью структуры адаптационных материалов является наличие разговорника, сопровождающего информационные блоки. Работа с разговорником, построенным с учетом коммуникативных потребностей студентов и их минимального уровня владения русским языком, помогает ускорить языковую адаптацию иностранных учащихся.

Адаптационные материалы организуются в три раздела:

1) информация о вузе, на базе которого функционирует подготовительное отделение, где учатся иностранные студенты;

2) информация о работе подразделений и служб подготовительного отделения и вуза, с которыми взаимодействуют иностранные студенты в учебной и во внеучебной деятельности;

3) информация об объектах и услугах социальной сферы жизни города, в котором живут иностранные студенты.

Тематика разделов обусловлена кругом основной социальной и учебной деятельности иностранных студентов подготовительного отделения. Студенты большую часть времени проводят на территории университетского кампуса – в учебном корпусе, общежитии, университетской столовой, библиотеке и т. п. В начале учебного периода (и даже еще до его начала) им необходимо решить ряд важных административных вопросов, для чего нужно обращаться в различные административные подразделения и службы университета (например, заселение в общежитие, оформление регистрации, направление в учебную группу, оформление студенческого билета и пр.). При обучении на подготовительном отделении студентам также бывает необходимо взаимодействовать с этими службами для решения возникающих вопросов и проблем (например, сменить комнату в общежитии или группу, восстановить потерянный студенческий билет и т. п.). Раздел, посвященный городу, направлен в основном на социальную инфраструктуру, так как именно эта часть жизни оказывается наиболее актуальна для иностранных студентов подготовительного этапа обучения. Студентам не столь важна историческая и культурная информация для успешной социокультурной адаптации в первые недели жизни в новой стране, им необходимы сведения о работе городского транспорта, об услугах мобильной связи, о работе и местонахождении популярных магазинов и т. п.

Первый раздел книги, посвященный вузу, должен быть сбалансирован по объему предоставляемой информации. С одной стороны, информация дается в кратком виде и включает общие сведения о вузе, его истории, вкладе в науку и современном состоянии вуза. С другой стороны, такая информация должна быть достаточной для выполнения дополнительной задачи профессиональной ориентации иностранных учащихся. Многие иностранные студенты, поступающие на подготовительные отделения российских вузов, не имеют четко-

го представления о своей будущей профессии и определяются со своим выбором в процессе первого года обучения в России [16, с. 222]. В течение первого года обучения они также выбирают вуз для дальнейшей учебы на основных образовательных программах высшего образования. Российские вузы заинтересованы в привлечении иностранных студентов, поэтому на подготовительных отделениях проводится профориентационная работа среди иностранных учащихся [17, с. 160]. В таких обстоятельствах сведения о месте вуза в российской и международной образовательной системе, о спектре специальностей, по которым вуз готовит студентов, и другая подобная информация могут сыграть важную роль в выборе учащимся вуза и направления последующего обучения.

В первый раздел путеводителя, кроме того, входит важная утилитарно-информативная часть – план университетского кампуса с описанием расположенных в нем объектов. План кампуса позволяет иностранным студентам не только ознакомиться с расположением университетских зданий, но и учит их пользоваться университетскими ресурсами. В путеводителе для студентов СПбПУ рассказывается, например, о возможности посещать мероприятия университетского концертного зала на льготной основе, принимать участие в работе центра молодежного инновационного творчества «FabLab Политех», записаться в бассейн спортивного комплекса, пойти на экскурсию в Историко-технический музей университета.

Второй раздел путеводителя посвящен подготовительному отделению, а также административным подразделениям и службам университета в целом, взаимодействующим с иностранными студентами. Главный критерий включения сведений о конкретных службах в этот раздел книги – потенциальная ситуация личного общения работников служб с иностранными студентами. Такими службами оказываются администрация общежития студенческого городка, паспортно-визовая служба, отдел по работе с иностранными студентами, касса, учебный отдел иностранных студентов подготовительного отделения, библиотека, медицинский кабинет, столовая и буфет, отдел внеучебной работы, тьюторская служба, гардероб.

В каждой части второго раздела, рассказывающей о той или иной службе, должна указы-

ваться информация о местонахождении службы (с номером кабинета), часах приема, правилах посещения (например, действует электронная очередь на прием в определенные кабинеты), документах, которые необходимо иметь при себе при посещении. В существующих справочниках для студентов-иностранцев наблюдается недостаток такой фактической информации (отсутствуют частично или полностью сведения о точном местонахождении конкретной службы, правилах посещения, часах приема и т. д.).

Важнейшим преимуществом адаптационных материалов, оформленных в виде путеводаителя, является наличие разговорников, подготовленных для каждой части второго и третьего разделов и организованных по принципу ситуаций общения. Материалы разговорников второго раздела охватывают типичные вопросы, с которыми иностранные студенты могут обратиться в соответствующие службы университета. Это позволяет обрисовать для студентов круг вопросов, с которыми они идут в ту или иную службу, и дает материал для изучения русского языка и приобретения коммуникативных навыков. Например, часть «Учебный отдел» включает разговорники для следующих ситуаций: «В какой я группе?», «Я пропустил занятия», «Я хочу изменить специальность/группу», «Я потерял студенческий билет», «Я потерял электронный пропуск». В каждом разговорнике даются возможные вопросы при обращении студентов и ответы работников служб, и наоборот (материал разговорников организуется в две колонки по участникам коммуникации, вопросы и соответствующие ответы визуально объединяются). Все реплики приводятся на русском языке, но с транскрипцией и переводом.

Особое внимание уделяется лексическому и синтаксическому оформлению учебного материала: используются принципы лексической минимизации и синтаксического единообразия и простоты. Лексическая минимизация осуществляется путем отбора и ограничения объема лексических единиц, актуальных для элементарного уровня владения русским языком. Однако лексический объем вынужденно расширяется за счет прагматической направленности материалов — ориентации на использование студентами-иностранцами подготовительного отделения при общении с различными университетскими службами. В разговорник в небольшом коли-

честве входит нехарактерный для элементарного уровня лексический материал, например: *учебный корпус, направление* (документ для осуществления действия), *студенческий билет, электронный пропуск, дубликат* и др. Синтаксическая стереотипность реализуется путем выбора по возможности аналогичных синтаксических конструкций для разговорников во всей книге (например, конструкции *мне нужен/нужна...*, *вы можете + инф.*, *вы должны + инф.*, *(что?) находится (где?)*, *у вас есть...?* и т. п.).

Ситуации и их лексическое наполнение выявляются путем опроса работников соответствующих служб. Ситуативный принцип организации материалов разговорника также помогает студентам ориентироваться в книге, быстро находить нужную информацию уже в рамках определенной части: все ситуации общения второго и третьего разделов путеводаителя целесообразно вынести в оглавление.

Материалы разговорников могут быть использованы как дополнительные на уроках русского языка для обучения основам коммуникативного поведения, а также при освоении соответственных грамматических тем. Студенты могут обращаться к разговорникам и при самостоятельном обучении. Еще одним вариантом использования данных материалов книги может явиться квазилингвистическая коммуникация, когда студенты просто показывают в книге работникам университета определенные реплики, а работники «отвечают» студентам аналогичным образом. Все эти способы использования разговорников помогают иностранным студентам преодолевать языковой и коммуникативный барьер, а применение материалов в учебном процессе способствует освоению русского языка.

Третий раздел путеводаителя рассказывает об объектах социальной инфраструктуры, находящихся в непосредственной близости от места учебы и проживания иностранных студентов, а также дает краткую социокультурную информацию о наиболее насущных для них сферах жизни в городе и России вообще: например, о правилах безопасности жизни в городе, работе общественного транспорта, принятом денежном обращении, правилах набора телефонных номеров и т. п. Для данного раздела предлагаются следующие части: «Продуктовые магазины», «Покупки», «Транспорт», «Телефон», «Банк»,

«Денежные переводы и платежи», «Аптека», «Почта», «Салон красоты», «Спортивные клубы». Информация о каждой социальной сфере сопровождается разговорником, тематическим словарем и фотографиями, помогающими студентам ориентироваться в визуальном ряде новой социальной среды.

Материалы разговорников третьего раздела книги должны помогать иностранным студентам в социальной адаптации, т. е. они должны содержать значимую практическую информацию. Например, в разговорнике из части «Телефон» можно перечислить варианты возможных тарифов подключения мобильной связи, а в разговорнике из части «Почта» — услуги, которые оказывает отделение почтовой связи. Разговорники третьего раздела путеводителя также могут использоваться студентами самостоятельно или включаться в материал уроков русского языка.

Внимание раздела, рассказывающего о городе, должно фокусироваться на объектах социальной инфраструктуры, с которыми студенты регулярно взаимодействуют. Поэтому в путеводитель целесообразно включить такие части, как «Салон красоты» и «Спортивные клубы», — по опыту, иностранные студенты очень заинтересованы в таких услугах. В каждой части указываются конкретные объекты (ближайшие к кампусу), их местонахождение, часы работы и при необходимости правила посещения.

Помимо информационных материалов, разговорников и тематических словарей, в третий раздел путеводителя добавляется перевод надписей, которые можно увидеть на объектах описываемой инфраструктуры. Например, в части «Продуктовые магазины» приводятся следующие надписи: *цена по карте, скидка, акция, отличное предложение, специальное предложение, ежедневно*. Знакомство с наиболее распространенными надписями поможет студентам ориентироваться в услугах и предложениях социальных объектов.

Результаты нашего исследования оформлены в учебно-методическое пособие «Мы изучаем русский язык в Высшей школе международных образовательных программ», изданное на английском¹ и китайском языках.

Исследование проводилось в Высшей школе международных образовательных программ (ВШ МОП) — структурном подразделении СПбПУ, где реализуются программы подготовки иностранных граждан для поступления в российские вузы. Выбор языков публикации определен тем, что английский язык наиболее распространен в мире как язык-посредник, а китайский язык востребован благодаря подавляющей численности на подготовительном отделении ВШ МОП студентов из КНР.

Заключение

Результаты исследования могут быть использованы для составления адаптационных путеводителей для иностранных студентов подготовительных отделений и факультетов различных российских вузов. Описанные в исследовании принципы отбора и организации материала путеводителя помогут создать интегративное пособие, которое должно комплексно решать проблемы первоначальной адаптации иностранных студентов в новой социокультурной и образовательной среде, а также предоставлять материал для работы над приобретением и совершенствованием языковых навыков в таких видах речевой деятельности, как чтение и говорение.

Успешная социокультурная адаптация иностранных студентов — залог их психологического комфорта в стране пребывания и важный фактор, влияющий на успешность обучения в российском вузе. Путеводитель по вузу, направленный на решение задач раннего этапа адаптации иностранных студентов подготовительных отделений (факультетов) российских вузов, обеспечивает иностранных студентов социально-культурной информацией как об учебном заведении, где они учатся, так и о городе, в который они приехали. Таким образом, книга подсказывает иностранцам путь к успешной адаптации в социокультурной и образовательной сферах.

Включение в путеводитель учебных материалов разговорников позволяет иностранным студентам участвовать в коммуникации на русском языке в самом начальном периоде пребывания в России. Это способствует ускорению языковой и коммуникативной адаптации иностранных учащихся на раннем этапе.

¹ Busurina E.V., Kuraleva I.R. We study Russian in the Higher school of International Educational Programs.

Survival Guide for foreign students. St. Petersburg: Publishing House of the Polytechnical Univ., 2017.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дударева Н.А. Интернационализация российской системы высшего образования: экспорт образовательных услуг (по материалам Всероссийского совещания проректоров по международной деятельности. Москва, 2009) // Вестн. Ивановского гос. энергетического ун-та. 2010. Вып. 1. С. 81–85.
2. Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л., Ключарев Г.А., Тюрина И.О. Численность обучающихся, педагогического и профессорско-преподавательского персонала, число образовательных организаций Российской Федерации (Прогноз до 2020 г. и оценка тенденций до 2030 г.). М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2015. 288 с.
3. Дрожжина Д.С. Изучение адаптации иностранных студентов: дискуссия о методологии // Universitas. 2013. Т. 1, № 3. С. 33–47.
4. Иванова М.А. Психологические аспекты адаптации иностранных студентов к высшей школе. СПб.: Нестор, 2000. 149 с.
5. Сурыгин А.И. Основы теории обучения на неродном для учащихся языке. СПб.: Златоуст, 2000. 233 с.
6. Кривцова И.О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н.Н. Бурденко) // Фундаментальные исследования. 2011. № 8. С. 284–288.
7. Авдонина Д.С., Бочкарёва Ю.В., Булганина С.В. Проблемы адаптации иностранных студентов в российских вузах // Соврем. науч. исследования и инновации. 2016. № 11. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/11/74033> (дата обращения: 11.01.2018).
8. Кобзева Л.В. Инженерное образование в России: новые задачи тьюторства // Матер. Всерос. конф. «Тьюторство в открытом образовательном пространстве высшей школы» (Москва, 13–14 ноября 2008 г.). М., 2008. С. 29–37.
9. Ременцов А.Н., Казанцева А.А. Концепция академической адаптации иностранных учащихся в технических вузах России // Вестн. МГОУ. 2011. № 4. С. 128–134.
10. Иванова М.А., Зинковский А.В., Капитонова Т.И. Из опыта изучения проблем адаптации иностранных студентов предвузовского этапа обучения // Подготовка иностранных абитуриентов в вузы Российской Федерации (традиции, достижения, перспективы): матер. междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Полтораки, 2010. С. 21–30.
11. Сурыгин А.И. Педагогическое проектирование системы предвузовской подготовки иностранных студентов. СПб.: Златоуст, 2001. 128 с.
12. Ward C., Bochner S., Furnham A. The psychology of culture shock. L.: Routledge. 2001. 367 p.
13. Cemalcilar Z., Falbo T. A Longitudinal Study of the Adaptation of International Students in the United States // J. of Cross-Cultural Psychology, 39 (6) (2008) 799–804. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0022022108323787> (дата обращения: 15.12.2017).
14. The Cambridge handbook of acculturation psychology. D.L. Sam, J.W. Berry (Eds.). N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2016. 576 p.
15. Cai L., Teng L. Towards cross-cultural adaptation of international students: A case study of Chinese students in Finland // Biotechnology: an Indian J., 10 (9) (2014) 4047–4053. URL: <http://www.tsjournals.com/articles/towards-crosscultural-adaptation-of-international-students-a-case-study-of-chinese-students-in-finland.pdf> (дата обращения: 22.01.2018).
16. Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Иностранцы студенты в российских вузах. М.: Изд-во Центра социол. исследований, 2014. 228 с.
17. Бусурина Е.В., Доценко М.Ю., Комарова Е.М., Куралева И.Р. Профорентация иностранных учащихся на этапе предвузовской подготовки // Актуальные вопросы междунар. образования. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 153–165.

Бусурина Екатерина Вадимовна

E-mail: kbusu@yandex.ru

Куралева Ирена Робертовна

E-mail: 0307irena@gmail.com

Статья поступила в редакцию 31.01.2018 г.

REFERENCES

- [1] **N.A. Dudareva**, [Internationalization of higher education system in Russia: export of educational services (based on Proc. of the All-Russian Conf. of Vice-rectors for Intern. Relations in Moscow, 2009)], *Bullutin of Ivanovo State Energy Univ.*, 1 (2010) 81–85.
- [2] **F.E. Sheregy, A.L. Arefiev, G.A. Klucharev, I.O. Tyurina**, *Chislennost' obuchayushchikhsya, pedagogicheskogo i proffessorsko-prepodavatel'skogo personala, chislo obrazovatel'nykh organizatsiy Rossiyskoy Federatsii (Prognoz do 2020 goda i otsenka tendentsiy do 2030 goda)* [Number of students, lecturers and professors, number of educational establishments of the Russian Federation (Forecast until 2020 and estimation of tendencies until 2030)], Moscow, 2015.
- [3] **D.S. Drozhzhina**, [Study of adaptation of foreign students: discussion about methodology], *Universitas: Journal about Universities' life*, 3 (1) (2013) 33–47.
- [4] **M.A. Ivanova**, *Psikhologicheskiye aspekty adaptatsii inostrannykh studentov k vysshei shkole* [Psychological aspects of adaptation of foreign students to higher education], Nestor, St. Petersburg, 2000.
- [5] **A.I. Suryguin**, *Osnovy teorii obucheniya na nerodnom dlya uchashchikhsya yazyke* [Foundations of the theory of studies in a foreign language], Zlatoust, St. Petersburg, 2000.
- [6] **I.O. Krivtsova**, [Sociocultural adaptation of foreign students to the educational environment of Russian higher education establishments (featuring the example of Voronezh State Medical Academy named after Burdenko)], *Fundamental Research*, 8 (2011) 284–288.
- [7] **D.S. Avdonina, Yu.V. Bochkareva, S.V. Bulgani-na**, [Adaptation problems of foreign students in Russian higher education establishments], *Modern Scientific Research and Innovations*, 11 (2016). Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2016/11/74033> (accessed 11.01.2018).
- [8] **L.V. Kobzeva**, [Engineering education in Russia: new tutorial aims], in: *Materialy Vserossiyskoy konf. "Tutorstvo v otkrytom obrazovatel'nom prostranstve vysshei shkoly"* ["Tutoring in Open Educational Environment of Higher Education"] Proc. of All-Russian Conference on Moscow, Nov. 13–14, 2008], Moscow, 2008, pp. 29–37.
- [9] **A.N. Rementsov, A.A. Kazantseva**, [Concept of academic adaptation of foreign students in technical higher educational establishments of Russia], *Bulletin of Moscow Automobile and Road Construction State Technical University*, 4 (49) (2011), 128–134.
- [10] **M.A. Ivanova, A.V. Zinkovsky, T.I. Kapitonova**, [Experience of studies of adaptation problems of foreign students of foundation programs], in: *Podgotovka inostrannykh abiturientov v vuzy Rossiyskoi Federatsii (traditsii, dostizheniya, perspektivy)* [Preparation of foreign prospective students for entering higher educational establishments of the Russian Federation (traditions, achievements, prospects): Proc. of Intern. Research and Practical Conf.], Poltorak, St. Petersburg, 2010, pp. 21–30.
- [11] **A.I. Suryguin**, *Pedagogicheskoe proektirovaniye sistemy predvuzovskoy podgotovki inostrannykh studentov* [Instructional design of foundation system for foreign students], Zlatoust, St. Petersburg, 2001.
- [12] **C. Ward, S. Bochner, A. Furnham**, *The psychology of culture shock*, Routledge, London, 2001.
- [13] **Z. Cemalcilar, T. Falbo**, [A Longitudinal Study of the Adaptation of International Students in the United States], *J. of Cross-Cultural Psychology*, 39 (6) (2008) 799–804. Available at: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0022022108323787> (accessed 15.12.2017).
- [14] **The Cambridge handbook of acculturation psychology**, D.L. Sam, J.W. Berry (Eds.), Cambridge, University Press, New York, 2016.
- [15] **L. Cai, L. Teng**, [Towards cross-cultural adaptation of international students: A case study of Chinese students in Finland], *Biotechnology: an Indian Journal*, 10 (9) (2014) 4047–4053. Available at: <http://www.tsi-journals.com/articles/towards-crosscultural-adaptation-of-international-students-a-case-study-of-chinese-students-in-finland.pdf> (accessed 22.01.2018).
- [16] **A.L. Arefiev, F.E. Sheregy**, *Inostrannye studenty v rossiyskikh vuzakh* [Foreign students in Russian higher educational establishments], Moscow, 2014.
- [17] **E.V. Busurina, M.Y. Dotsenko, E.M. Komarova, I.R. Kuraleva**, [Career guidance of foreign students during foundation programs], in: *Aktual'nye voprosy mezhdunarodnogo obrazovaniya* [Acute issues of international education], Publ. House of the Polytechnical University, St. Petersburg, 2017, pp. 153–165.

Busurina Ekaterina V.

E-mail: kbusu@yandex.ru

Kuraleva Irena R.

E-mail: 0307irena@gmail.com

Received 31.01.2018.

DOI: 10.18721/JHSS.9312

УДК 316

**МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ ВАСИЛИК –
ОСНОВАТЕЛЬ ГУМАНИТАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА
В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(К 120-летию Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого)**

О.Д. Шипунова, В.В. Евсеев

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Михаил Алексеевич Василик (1935–2005) – советский и российский философ, политолог, доктор философских наук (1971), профессор, действительный член трех академий, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, кавалер ордена «Знак Почета», декан гуманитарного факультета, заведующий кафедрой политологии СПбГПУ (1990–2005).

Ключевые слова: гуманитарный институт; юбилей Политехнического университета; предыстория

Ссылка при цитировании: Шипунова О.Д., Евсеев В.В. Михаил Алексеевич Василик – основатель гуманитарного факультета в Политехническом университете // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 116–119. DOI: 10.18721/JHSS.9312

**MIKHAIL VASILIK: FOUNDER OF THE HUMANITIES FACULTY
AT THE POLYTECHNIC UNIVERSITY**

O.D. Shipunova, V.V. Evseev

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The paper is dedicated to the 120th anniversary of the St. Petersburg Polytechnic University, includes a brief history of the Institute of Humanities and biographical information. Mikhail Alekseevich Vasilik (1935–2005) was a Soviet and Russian philosopher, political scientist. He was awarded the degree of Doctor of Philosophy in 1971, was a professor, full member of three academies, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, holder of the Order of the Badge of Honor, Dean of the Faculty of Humanities, head of the Political Science Department of SPbSPU in 1990–2005.

Keywords: Institute of Humanities; anniversary of Polytechnic University; history

Citation: O.D. Shipunova, V.V. Evseev, Mikhail Vasilik: founder of the Humanities faculty at the Polytechnic University, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (3) (2018) 116–119. DOI: 10.18721/JHSS.9312

Михаил Алексеевич Василик (20 января 1935 г., Рахны, Винницкая обл., УССР, СССР – 5 февраля 2005 г., Санкт-Петербург, Россия) – советский и российский философ, политолог, доктор философских наук (1971), профессор, действительный член трех академий, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, кавалер ордена «Знак Почета», декан гуманитарного факультета, заведующий кафедрой политологии СПбГПУ (1990–2005).

В предыстории Гуманитарного института Политехнического университета Михаил Алексеевич Василик сыграл ключевую роль. В 1985 г. под его руководством был создан факультет общественных наук, в который вошли кафедры истории КПСС, марксистско-ленинской философии, политической экономии, научного коммунизма, а в 1988 г. на этом факультете была открыта кафедра отечественной и зарубежной культуры. В 1989 г., в связи с началом перестройки, кафедра истории КПСС была переименована в кафедру «История», кафедра марксистско-ленинской философии – в кафедру «Философия», а кафедра научного коммунизма стала кафедрой «Политология», которой М.А. Василик руководил до 2005 г.

Михаил Алексеевич возглавил кафедру в сложное для высшей школы время. На рубеже 1980–1990-х гг. фактически наступил новый этап в жизни нашего Отечества. В тот период Михаил Алексеевич, осуществляя руководство кафедрой и одновременно возглавляя на общественных началах факультет общественных наук, сконцентрировал работу факультета на

разработке коллективами кафедр новых образовательных технологий, основанных на модульном принципе организации учебного процесса по общественным наукам и рейтинговой (балльной системе) оценке знаний и умений студентов, а также спецкурсов. Он внес значительный вклад в развитие учебно-методического комплекса по коммуникативным и социально-политическим наукам в Политехническом университете. Признанием заслуг Михаила Алексеевича стало награждение его орденом «Знак

Почета» (1976), медалью «За доблестный труд» (1970), знаком Минвуза СССР «За активное участие в работе» (1986). За разработку Единого плана – программы воспитательной работы студентов и активную деятельность по его реализации М.А. Василик награжден Серебряной медалью ВДНХ СССР (1985).

21 декабря 1990 г. Ученый совет избрал М.А. Василика первым деканом гуманитарного факультета. Великолепный организатор науки и учебного процесса, Михаил Алексеевич стремился привлечь к работе на факультете лучшие на-

учные и педагогические силы. В то же время он по-отечески пестовал и поддерживал молодые таланты, чутко реагировал на запросы времени, особенно на потребности динамично развивающегося рынка труда.

Благодаря усилиям Михаила Алексеевича, в 1999 г. кафедра политологии Политехнического университета открыла прием студентов по специальности «Связи с общественностью».

Связи с общественностью – стремительно развивающаяся междисциплинарная отрасль

М.А. Василик

современного гуманитарного знания. Ее актуальность обусловлена возрастающим значением общественного мнения как регулятора социального общения. Квалификация специалиста по связям с общественностью предусматривает владение необходимыми знаниями и навыками для выполнения функций пресс-секретаря, менеджера коммуникационной сферы, эксперта, консультанта, медиатора, кризис-менеджера.

За время своего руководства Михаил Алексеевич сформировал на кафедре замечательный коллектив преподавателей. В разные периоды в профессорско-преподавательский состав входили: Елена Кирилловна Завьялова, Ольга Леонидовна Гнатюк, Сергей Николаевич Погодин, Михаил Сергеевич Вершинин, Елена Ивановна Виноградова, Татьяна Владимировна Шаулова, Ирина Петровна Вишнякова-Вишневецкая.

Продолжая лучшие традиции предшественников, М.А. Василик заложил новые традиции, созвучные современному миру. С 2001 г. выпускается ежегодный сборник научных трудов «Актуальные проблемы современной политической науки» с привлечением ведущих ученых Санкт-Петербурга.

В 2003 г. стартовала ежегодная Всероссийская научно-практическая конференция «PR-технологии в информационном обществе». В том же году кафедра стала членом Северо-Западного отделения Российской ассоциации по связям с общественностью (РАСО).

Подготовленные коллективом кафедры учебники и учебные пособия по политологии под редакцией М.А. Василика удостоены рекомендаций Министерства образования Российской Федерации и высоких наград.

На основе государственного образовательного стандарта нового поколения и с учетом учебных программ по политологии ведущих университетов России, США, Великобритании, Германии был подготовлен и в 2000 г. издан научно-методический комплекс по политологии, включающий учебник, практикум, словарь-

справочник, хрестоматию. Руководитель авторского коллектива – профессор М.А. Василик был награжден золотой медалью «Лауреат Всероссийского выставочного центра» (2002).

Результаты научных изысканий преподавателей кафедры в области социально-политических проблем современности легли в основу коллективной работы «Основы теории коммуникации» (2003–2007), получившей гриф Министерства образования РФ. В 2003 г. учебник «Основы теории коммуникации», изданный в Москве издательством «Гардарики», стал финалистом конкурса «PRоба-2003» в номинации «Лучшая работа по теории PR» (диплом РАСО 2003).

На пороге XXI в. кафедра заняла одну из лидирующих позиций среди выпускающих кафедр вузов Санкт-Петербурга по специальности «Связи с общественностью». Это стало возможно не только в силу высокого профессионализма ее преподавательского состава, но и благодаря консультациям с организациями, испытывающими потребность в специалистах коммуникативной сферы. В дополнение к лекционным занятиям проводятся разнообразные виды практических работ студентов: брифинги, коллоквиумы, деловые игры, презентации и case study.

Многие справедливо называют Михаила Алексеевича Василика идейным вдохновителем, своим партнером и соратником. Он отличался добрым отношением к людям, всегда находил нужное слово поддержки, вставал на защиту интересов кафедры, преподавателей и студентов. Михаил Алексеевич ушел из жизни в феврале 2005 г. в возрасте 70 лет. Память о замечательном человеке, талантливом ученом, прекрасном товарище и друге будет жить в сердцах всех, кто его знал и соприкасался с ним в работе. «Вы любили нас иногда больше, чем мы заслуживали. Вы верили в нас...» – так вспоминают тогдашние студенты, а сегодня профессионалы в области PR-технологий о Михаиле Алексеевиче Василиче.

ЛИТЕРАТУРА

PRo-нас / СПбГПУ, кафедра политологии. СПб., 2009. URL: <http://www.prpro.spb.ru>.

Шипунова Ольга Дмитриевна

E-mail: o_shipunova@mail.ru

Евсеев Владимир Владимирович

E-mail: uznik_2001@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.09.2018 г.

REFERENCES

PRo-nas, SPbGPU, kafedra politologii, St. Petersburg, 2009. Available at: <http://www.prpro.spb.ru>.

Shipunova Olga D.

E-mail: o_shipunova@mail.ru

Evseev Vladimir V.

E-mail: uznik_2001@mail.ru

Received 23.09.2018.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки**
St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences

Том 9, № 3, 2018

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция журнала

д-р филос. наук, профессор *Д.И. Кузнецов* – главный редактор
д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – зам. главного редактора
Л.Д. Чернухо – литературный редактор, корректор
Г.А. Пышкина – технический секретарь

Телефон редакции (812) 552-62-16

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – Н.А. Дубовская

Лицензия ЛР № 020593 от 7 августа 1997 г.

Подписано в печать 30.10.2018 г. Формат 60×84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,87. Тираж 1000. Заказ

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Адрес университета и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Он зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) и распространяется по подписке Объединенного каталога «Пресса России» (индекс 80634).

Журнал с 2002 года входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ, ФИЛОСОФСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Объем статей докторов наук, профессоров, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук, как правило, 12–20 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать четырех, таблиц – трех, литературных источников – пятнадцати.

2. Объем статей преподавателей, сотрудников, соискателей ученой степени кандидата наук, как правило, 8–15 страниц формата А4, объем статей аспирантов – 8 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух, литературных источников – десяти.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы), список литературы (оформление по ГОСТ 7.05-2008).

4. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

5. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – TNR, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5, таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см, текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

Вместе с материалами статьи должны быть обязательно представлены:

- номер УДК в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- аннотация (2–3 предложения) на русском и английском языках;
- ключевые слова (5–7) на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- аспиранты представляют документ отдела аспирантуры, заверенный печатью;
- рецензия на имя зам. главного редактора, подписанная специалистом, имеющим ученую степень доктора наук и/или ученое звание профессора. Рецензия должна быть ОБЯЗАТЕЛЬНО заверена в отделе кадров. Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

Представление всех материалов осуществляется в электронном виде через личный кабинет ЭЛЕКТРОННОЙ РЕДАКЦИИ по адресу <http://journals.spbstu.ru>.

2.3. Рассмотрение материалов

Представленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Публикация материалов аспирантов очной бюджетной формы обучения осуществляется бесплатно в соответствии с очередностью.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться ДОСРОЧНО.

Более подробную информацию можно получить по телефону/факсу редакции:

+7 (812) 552-62-16 с 10⁰⁰ до 18⁰⁰ – Галина Александровна

или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru